

РУССКОЕ
ЯЗЫКОВОЕ
ПРОСТРАНСТВО
в синхронии и диахронии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

**РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Издательство Московского университета

2023

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Р89

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

К 270-летию Московского университета

Авторы:

*Н.Е. Ананьева, Е.А. Галинская, О.В. Дедова,
М.Ю. Сидорова, Л.О. Чернейко*

Рецензенты:

д. ф. н., профессор (МГЛУ) *О.Е. Евтушенко*
д. ф. н., профессор (МГУ) *О.В. Кукушкина*

Р89 Русское языковое пространство в синхронии и диахронии: коллективная монография / отв. ред. проф. М.Л. Ремнёва ; сост. Г.А. Филатова. – Москва : Издательство Московского университета, 2023. – 118, [2] с. – [Электронное издание сетевого распространения].

ISBN 978-5-19-011848-3 (e-book)

В коллективной монографии исследуются различные аспекты русистики, описывающие проблемные точки русского языкового пространства на синхронной и диахронной оси. Разбирается широкий круг вопросов, связанных с достаточно новым направлением лингвистики, возникшим после появления и развития сети Интернет, дается развернутый обзор отечественных и зарубежных лексикографических теорий, анализируется с разных точек зрения ряд русских металексем. Кроме того, русская концептосфера рассматривается на фоне инославянской, польской концептосферы. В монографии обсуждается соотношение прикладной и теоретической русистики, а именно научная база обучения русскому языку специальности на современном этапе развития русистики. Диахроническая часть издания посвящена реконструкции целого ряда хроноизоглосс, которые показывают генезис некоторых фонетических явлений в современных северо-западных говорах.

Ключевые слова: русский язык, язык специальности, интернет-лингвистика, концептосфера, историческая диалектология.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-19-011848-3 (e-book)

© Коллектив авторов, 2023
© Филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные направления современной интернет-лингвистики: «язык в интернете» vs «интернет в языке» <i>Дедова О.В.</i>	4
Семиотический статус слова в свете проблем лексикографической интерпретации <i>Чернейко Л.О.</i>	20
Концепт ‘желание’ в польском и русском языках <i>Ананьева Н.Е.</i>	50
К вопросу о соотношении прикладной и теоретической русистики: научная база обучения русскому языку специальности на современном этапе <i>Сидорова М.Ю.</i>	71
«Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. как источник сведений о фонетике новгородского диалекта конца XVI века <i>Галинская Е.А.</i>	95

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКИ: «ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТЕ» VS «ИНТЕРНЕТ В ЯЗЫКЕ»

Проблематика, связанная с описанием различных аспектов воздействия интернет-коммуникации на современные языки, является чрезвычайно актуальной в настоящее время. Сейчас уже очевидно, что последствия коммуникативной революции, связанной со сменой материального носителя письменного текста, многоплановы и глобальны. Воздействие интернет-коммуникации на языковые процессы не ограничивается смещением стилистических границ, нарочитой неграмотностью, нарушением разноуровневых правил и т. д.

О ПОНЯТИИ ЯЗЫК ИНТЕРНЕТА

Формой рефлексии над происходящими коммуникативными и языковыми сдвигами становятся понятия *язык интернета* [Иванов 2001], *киберязык*, *сетез* и под. Употребление этих терминов в описании явлений русскоязычной интернет-коммуникации отражает западную лингвистическую традицию, сформировавшуюся в середине 90-х гг. XX в. (ср. англ. *computerspeak*, *cyberlanguage*, *usertalk*; нем. *Cyberdeutsch*, *Websprache* и т. д.).

Используя термин *язык интернета*, исследователи хотят подчеркнуть глобальность процессов, происходящих под воздействием сетевой формы коммуникации. Вместе с тем однозначной трактовки этого термина нет, как, впрочем, не определены до конца и границы самого явления. Поскольку в основе любого интернет-дискурса, как русского, так и иноязычного, использование национального языка, слово *язык* в составе термина не следует понимать буквально. Это лишь указание на то, что в пределах сетевого общения складывается особая функциональная система, обладающая рядом характерных особенностей (ср. поэтический язык, язык художественной литературы и пр.). Несмотря на то, что рунет, как и интернет в целом, изначально стремился выйти за границы строгой регламентации речевого поведения коммуникантов, кодифицированные нормы здесь превалируют. Их реализацию мы видим во многих сетевых жанрах: новостных, коммерческих, научных, художественных и т. д. Вместе с тем целый ряд факторов, в первую очередь максимальное сближение (пространственное, временное) участников общения, а также масштабы коммуникации, не существовавшие ранее в истории цивилизации, провоцируют ненормативное речевое поведение, а в ряде случаев и сознательный эпатаж как форму самовыражения.

С нашей точки зрения, *язык интернета* – это не только нарушение разноуровневых норм, вызванное низкой культурой коммуникантов и принципиальной бесконтрольностью сетевой коммуникации. Явление, обозначенное как язык интернета, на практике оказывается более сложным и многоплановым.

Одной из первых отечественных публикаций, посвященных проблеме влияния интернета на литературный язык, является статья Л.Ю. Иванова «Язык интернета¹: заметки лингвиста» [Иванов электронный ресурс]. В этой статье, стремясь оценить масштаб явления, автор задается вопросами: «Насколько вообще целесообразно вести речь о влиянии глобальной сети (далее – ГС) и электронных средств коммуникации на лите-

¹ Оценивая степень адаптации этой реалии (и соответственно – лексемы), Л.Ю. Иванов приходит к выводу о том, что *интернет* надо писать со строчной буквы и так данная лексема будет писаться уже в самом ближайшем будущем. Сейчас можно наблюдать, как этот прогноз оправдывается (см. об этом ниже).

ратурный язык? Не составляют ли лица, использующие интернет, замкнутую группу профессионалов, занятых исключительно компьютерными делами, язык которых может быть интересен лишь терминому или специалисту по профессионально-техническим жаргонам?» Статья была написана в 2000 г., и уже сама постановка проблемы показывает, сколь существенно изменилась ситуация за прошедшие годы. Сейчас мы уже не можем, как это делает Л.Ю. Иванов, причислить основную часть пользователей интернета к так называемой интеллектуально-творческой элите общества (по его мнению, «понятия “пользователь интернета” и “представитель интеллектуальной элиты” пересекаются, не совпадая полностью»).

Мы не случайно начали рассмотрение специфики языка интернета с обсуждения социального статуса участников сетевой письменной коммуникации. Сегодня, когда в интернет-коммуникацию вовлечена большая часть населения России, мы должны констатировать, что русскоязычный сектор сети стал поистине массовым. По данным сайта «Rusind.ru. Финансы и статистика», доступ к интернету (в том числе благодаря смартфонам) имеют 118 000 000 человек (81 % популяции).

Современный рунет, среди пользователей которого можно найти представителей практически всех социальных и возрастных групп, является отражением общества в целом со всеми его проблемами, в том числе и языковыми. Несмотря на то, что *язык интернета, компьютерный язык* в ряде случаев определяются как социолекты (см., например, [Русакова 2007]), они на самом деле таковыми не являются, поскольку не характеризуются социальной ограниченностью.

СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОИСХОДЯЩИХ СДВИГОВ

Обсуждение происходящих процессов, видимо, следует начинать с выявления глубинных социокоммуникативных аспектов обсуждаемого явления. С появлением и повсеместным распространением сетевых технологий происходят определенные трансформации на уровне модели коммуникации.

Одной из наиболее известных и распространенных в лингвистических описаниях является модель коммуникации Карла Бюлера. Она оказала существенное влияние на научные концепции XX в. и нашла отражение как в структурализме, так и в функционалистских теориях: в теории речевых актов, в коммуникативной грамматике и т. д. Модель Бюлера трехкомпонентна. В речевом акте реализованы три функции: экспрессивная (соотносится с говорящим), апеллятивная (соотносится со слушающим) и репрезентативная (соотносится с предметом речи) [Бюлер 1993]. Лингво-коммуникативные сдвиги, происходящие под воздействием интернета, не позволяют ограничить модель коммуникации тремя описанными компонентами, поскольку это не может объяснить причины и следствия обсуждаемого явления. Гораздо более адекватной происходящим процессам оказывается формула коммуникации, предложенная в 1948 г. известным социологом Г. Лассуэллом [Lasswell 1948]. Знаменитая модель Лассуэлла строится на пяти вопросах / ответах: Кто? – Коммуникатор; Что? – Сообщение; По какому каналу? – Канал; Кому? – Получатель; С каким эффектом? – Результат. Напомним, что предложенная модель, по Лассуэллу, имеет линейный характер, поэтому вводимый им параметр «Канал» оказывает самое непосредственное воздействие на «Результат» коммуникативного акта. Социологические идеи Лассуэлла оказали влияние на лингвистическую концепцию Р. Якобсона, для которого код информации также становится одним из аспектов функциональной модели коммуникации [Якобсон 1975].

Бурное развитие технологий коммуникации, их воздействие на современное общество нашли отражение в концепции М. Маклюэна. Последствия смены каналов и средств коммуникации ученый анализирует в широко известной работе «Средство само

есть содержание». По его мнению, не зная действия новых средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения, происходящие в обществе. Электронная связь низвергла господство «времени» и «пространства» и втягивает нас немедленно и беспрестанно в заботы всех других людей. Она «перевела диалог на глобальные масштабы» [Маклюэн 2007]. По мнению ученого, воздействие электронных технологий на общество столь существенно, что меняет образ нашего мышления и деятельности, нашего восприятия мира. Можно не соглашаться с Маклюэном в его абсолютизации влияния технологий на коммуникационные процессы и общество в целом, но недоучитывать данное явление и его последствия нельзя.

ИННОВАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПИСЬМЕННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА

Какие же трансформации претерпела традиционная письменная коммуникация, имеющая многовековые традиции, в результате повсеместного распространения персональных компьютеров и сетевых технологий? Очевидно, что электронные формы хранения, тиражирования и распространения информации обладают несоизмеримо большими возможностями, что существенно увеличило объем и скорость информационных потоков. Читатель, превратившись в *пользователя* сети, обрел новые функции: теперь он может управлять порядком следования композиционных частей текста в пределах общей гипертекстовой структуры, передавать свою реакцию на прочитанное практически в реальном масштабе времени и т. д. Данные отличия письменной электронной коммуникации принято обозначать как интерактивность. Еще одна важная характеристика современного электронного текста – его мультимедийность: стало возможным соединение в едином информационном пространстве текста со звучанием, видеозаписями, различного рода графическими образами, анимацией (о «филологических» аспектах интерактивности и мультимедийности см. [Дедова 2008a]).

В результате происходящих сдвигов в интернете формируется новый виртуальный тип общения, что последовательно отмечается исследователями (см., например, [Купер 2000]). *Автор* письменного сообщения (коммуникатор, адресант) приобрел техническую возможность моментально делать свое сообщение достоянием практически неограниченной аудитории, а *читатель* (реципиент, адресат) может так же незамедлительно зафиксировать и донести свою реакцию на прочитанное. Все это смещает, по мнению исследователей интернета, границы между устной и письменной речью, монологом и диалогом и т. д. ([Литневская 2011]). Также изменяется соотношение между типами коммуникации, традиционно выделяемыми на основании количества вовлеченных в них участников. В сети нивелируются существенные различия между межличностной, групповой и массовой коммуникацией, и даже такой тип коммуникации, как интраперсональный (т. е. диалогизация внутренней речи), таковым быть перестает, благодаря столь популярным в интернете блогам (англ. *blog*, от *web log* – сетевой дневник); пользователь делает записи (посты), главная тематика которых – события собственной жизни, и эти дневниковые заметки доступны неограниченному количеству читателей.

Нам представляется возможным в качестве теоретической основы описания языковой специфики интернета использовать понятие речевого жанра в его классической бахтинской трактовке (напомним, этим термином М.М. Бахтин называл «устойчивые, закрепленные бытием и обстоятельствами формы жизненного общения» [Бахтин 1986: 99]). Еще на заре русскоязычного интернета было очевидно, что «описание наблюдаемых в сфере языка ГС (глобальной сети) явлений можно осуществить более точно, если ориентироваться не на язык интернета вообще, а на язык жанров интернета»; при этом «выделение жанров ГС может основываться на определении речевых жанров» [Иванов электронный ресурс]. Вместе с тем здесь есть одно существенно отличие, противопо-

ставляющее сетевое общение всем предшествующим формам коммуникации. В эпоху интернета речевые реализации, которые М.М. Бахтин относил к первичным жанрам (т. е. к сфере неформальной, бытовой коммуникации), осуществляются в письменной форме. Нечто подобное можно было наблюдать и ранее в истории цивилизации (например, феномен новгородских берестяных грамот), но никогда еще бытование первичных жанров в письменной форме не было столь масштабным, а их материальный носитель не характеризовался такими технологическими возможностями.

АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЙ. ЯЗЫК В ИНТЕРНЕТЕ VS ИНТЕРНЕТ В ЯЗЫКЕ

Поскольку сдвиги, вызванные масштабным распространением электронной коммуникации, многоплановы, интернет-лингвистика развивается в различных направлениях. Как известно, один из первых исследователей т. н. языка интернета Д. Кристал эту область научных интересов определял как «синхронный анализ языка во всех областях интернет-активности, включая электронную почту, различные виды чатов и взаимодействие в пользовательских играх, немедленные сообщения, веб-страницы, и включая относящиеся к этому области общения, опосредованного компьютером, такие, как общение посредством смс-сообщений» [Crystal 2006].

Сегодня интересы интернет-лингвистики достаточно обширны. На то, что это весьма неоднородная и разноплановая научная сфера, указывал сам Д. Кристал, выделяя четыре так называемые концепции (т. е. перспективы актуальных исследований) в этой области: социолингвистическую, образовательную, стилистическую и практическую [Crystal 2006]. Сейчас уже неоспоримо, что ввиду масштаба происходящих изменений, их поистине революционного характера термин *язык интернета* является способом совокупного обозначения многообразных сдвигов (речевых, текстовых, коммуникативных, семиотических), обусловленных распространением электронной сетевой коммуникации [Дедова 2010].

Наиболее активно развивается стилистическое направление в интернет-лингвистике. Б. Тошович определяет его как «раздел стилистики, занимающийся экспрессивными, выразительными и функционально-стилевыми особенностями письменных и устных текстов, (а) полноценное функционирование которых связано только с Сетью, (б) исконо относящихся к интернету, т. е. являющихся первичными, (в) с их онлайн-офлайн версиями» [Тошович 2015: 7–8]. Изучая этот феномен, исследователи анализируют то, каким образом язык функционирует в интернете и к каким изменениям это приводит. Появляются многочисленные работы, посвященные описанию особенностей речевого поведения коммуникантов в пределах различных речевых жанров, в первую очередь, в социальных сетях и блогах. Именно неформальное межличностное интернет-общение наиболее показательно в плане отличий от общепринятых разноуровневых норм (социокоммуникативные причины данного явления были указаны выше).

Однако помимо научной области, которую условно можно обозначить как изучение «языка в интернете», следует указать еще одно важное направление, а именно исследование «интернета в языке». Прежде всего мы имеем в виду сбор, анализ и лексикографическое описание обширного неологического материала, служащего средством обозначения различных реалий интернет-коммуникации. Развитие интернета, давшее принципиально новые возможности коммуникантам («пользователям»), связано с лавинообразным ростом техногенных деталей и явлений, поддерживающих электронное общение. Естественно, язык не может на это не реагировать – все эти инновационные реалии, активно задействованные в повседневном узусе, должны получить наименования. Сфера русскоязычной интернет-лексики находится под воздействием таких факторов, как стихийность возникновения номинаций, влияние английского языка, практи-

ческое отсутствие кодификации, социальный статус групп носителей языка, наиболее вовлеченных в интернет-дискурс, а также целого ряда других причин. Данный обширный языковой материал, несмотря на его актуальность в современном узусе, лексикографически не исследован и не описан. Он крайне непоследовательно отражается современными словарями (толковыми, орфографическими, двуязычными и т. д.). Даже если лексемы входят в словари, их описания не всегда можно признать адекватными. Так, словообразовательный дериват, образованный при помощи суффикса -чик от *интернет* (*интернетчик*), в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г.Н. Скляревской трактуется как «пользователь Интернета, член интернет-сообщества». В настоящее время у данной лексики превалирует значение ‘человек, профессионально работающий в области интернет-технологий’ (ср. «В середине девяностых в России было всего две IT-профессии: компьютерщик и интернетчик. Компьютерщик мог собрать компьютер, интернетчик мог спроектировать сайт, сверстать его, прописать его в каталогах и т. п.» [Спиридонов 2012: 69]). Актуальности именно этого значения способствует то, что лексема образована при помощи суффиксации и аналогична таким лексемам, как *водопроводчик*, *аппаратчик*, *учетчик* и т. д., общий компонент значения которых – ‘лицо, профессионально работающее с определенными объектами и/или в определенной сфере’. Семантическая динамика лексики *интернетчик* отражает развитие самой денотативной сферы. В конце 90-х гг. доступ в интернет имела достаточно ограниченная часть общества, большинство не имели ни возможности использовать интернет, ни навыков работы с ним. Поэтому использование интернета концептуализировалось носителями языка как род профессиональной деятельности.

Рассмотрим наиболее характерные проявления двух аспектов интернет-лингвистики, которые мы обозначили как проблемы «языка в интернете» и «интернета в языке», а также принципы их изучения и описания.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ЖАНРОВ

Система жанров интернета в настоящее время находится в процессе своего становления. В самом первом приближении жанры интернета можно разделить на две большие группы: 1) ориентированные на традиции массовой коммуникации; 2) ориентированные на традиции межличностного общения. К первому типу относятся новостные сайты, сайты различных организаций, электронные версии периодических изданий и т. д. Ко второму – сайты, поддерживающие неформальное нерегламентированное общение индивидов на основе использования определенных типов платформ (в первую очередь блоги и социальные сети) [Ли, Дедова 2019: 506].

В интернете можно найти аналоги практически всех доэлектронных типов письменного дискурса, но некоторые из них развиваются особенно активно, что определяется целым рядом экстралингвистических причин. Мы имеем в виду прежде всего новостные сайты и рекламную информацию, где семантика гипертекстового перехода становится средством манипуляции. Поскольку неактивированный гипертекстовый переход в определенном смысле – коммуникативная неудача, в этих типах интернет дискурса преобладают т. н. семантические ссылки, «связывающие информационные единицы, объединенные общим или близким содержанием» [Потапова 2002: 336]. При этом формулировка источника ссылки должна заинтриговать читателя, вызвать его интерес и тем самым подтолкнуть к осуществлению гипертекстового перехода, а вызванная информация зачастую обманывает читательские ожидания. Данная манипуляционная тактика гипертекстовых переходов сближает достаточно далекие друг от друга типы дискурсов – новостной и рекламный. Например, интерактивный новостной хедлайн *Кем на самом деле оказалась незрячая Гурицкая. Правда поражает* не совпадает с заго-

ловком сообщения (*Диана Гурцкая с супругом впервые рассказали о трудностях семейной жизни*) и с сутью излагаемой информации. Формулировка источника ссылки, очевидно, предполагает, что певица Диана Гурцкая на самом деле не является незрячей, а предполагаемая степень воздействия на реципиента (*Правда поражает*) не соответствует масштабу новостного повода. Подобные манипулятивные тактики широко распространены в рекламном дискурсе, сформирован даже особый тип рекламного сообщения – тизер (от англ. *to tease*), состоящий из картинки и короткого провокационного сообщения. Например, фотография немолодой, но внешне привлекательной улыбающейся женщины сопровождается текстом *Богачка из Москвы: «Нищета уйдет! просто в углу кухни спрячьте обычную...»*. В результате активации ссылки читатель переходит на сайт, где ему настойчиво предлагается купить «амулет-бусину Дзи», хотя текст тизера не указывает на то, что вызываемая информация носит коммерческий характер.

Стилистическое сближение новостного и рекламного дискурса в интернете, основанное на активном использовании манипулятивных тактик, – достаточно интересное явление. Реклама как тип послания изначально была направлена на провоцирование определенных действий реципиента. В новостном дискурсе в результате нарушения семантической корректности между источником и объектом ссылки читателя заставляют перейти к полному тексту сообщения и прочитать его, и это можно сравнить с рекламным навязыванием товара или услуги. Помимо семантической вариативности гипертекстовых переходов, провоцирующей интерактивность, новостной и рекламный дискурс в интернете наиболее последовательно использует категорию мультимедийности.

«Сайты организаций» как интернет-жанр также активно развиваются. Их стилистические особенности, композиционная организация, типы меню, использование других средств навигации и даже специфика графического оформления сайта напрямую зависят от рода деятельности организации и, соответственно, от коммуникативных задач сайта. Абсолютно очевидно, что, к примеру, государственная организация, вуз, театр, интернет-магазин будут иметь сайты, различающиеся и по структуре, и по визуальному оформлению. Помимо этого, важную роль в интернете имеют учебный и научный дискурсы, пусть и не столь активно развивающиеся в настоящее время. Электронные библиотеки художественной и научной литературы, онлайн-словари, непрофессиональные энциклопедии, созданные на основе технологий коллективного творчества (например, Википедия [ru.wikipedia]), – все это имеет огромное значение и безусловный потенциал развития. И конечно же здесь нельзя не упомянуть важность создания и популяризации онлайн-корпусов национальных языков типа «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>].

Можно констатировать, что типологическое описание формирующихся интернет-жанров, несмотря на актуальность самой проблемы, – задача непростая. С одной стороны, на этот процесс влияют традиции доэлектронной печатной коммуникации, а с другой – выработаны собственные характерные особенности, вызванные, в первую очередь, необходимостью реализовать текстовые категории гипертекстуальности, мультимедийности и интерактивности адекватно коммуникативным задачам конкретного типа дискурса и характеру излагаемой информации.

АНТИОРФОГРАФИЯ

КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Если говорить о специфике интернет-жанров, поддерживающих межличностное общение в интернете, то их сближает менее последовательное соблюдение орфографических и речевых норм, по сравнению с жанрами, ориентированными на традиции массовой коммуникации. На определенном этапе развития рунета стало широко распространенным такое специфическое явление, как антиорфография – сознательное и достаточ-

но системное трансформирование правил русского письма, основанное на механизмах языковой игры [Дедова 2008 б]. Именно антиорфография сблизила различные речевые жанры межличностной интернет-коммуникации, которые имеют ряд языковых отличий от других типов интернет-дискурса и соответствующих текстов.

Подобное игровое искажение узуальной графической оболочки слова, помимо рунета, наблюдалось и в других секторах интернета, например, в англоязычном, немецком и т. д. Однако в русскоязычной сетевой коммуникации это явление приняло особый масштаб. Оно стало объектом и многочисленных интернет-дискуссий, и профессионального внимания лингвистов. Графико-орфографические деривации в рунете получили различные наименования: новограф, превед-стайл, орфо-арт. Г. Ч. Гусейнов предложил эти сознательные ошибки, являющиеся формой языковой игры, называть эрративами (от лат. *errare* в значении «ошибаться»). По мнению автора, в интернете эрративы возникают «вследствие нарочитого грубого искажения стандартного написания слова и его последующей микрогрупповой канонизации» [Гусейнов электронный ресурс].

Антиорфография как веха освоения русским языком новых форм коммуникации имела две стороны: социальную и собственно лингвистическую, – которые теснейшим образом связаны. На определенном этапе она представляла собой масштабное социолингвистическое явление, по своим функциям сравнимое с жаргоном. С жаргоном антиорфографию сближают такие ее функции, как поддержание групповой корпоративности и выражение экспрессивности. С этой точки зрения, антиорфография не заключала в себе сколь-нибудь серьезной опасности для русского языка, поскольку «мода» на подобные социолекты рождается и умирает достаточно быстро и, как правило, не имеет существенных последствий. Так, недолго существовал англоязычный «аббревиатурный» язык, который был популярен, в том числе и в рунете, на заре интернета (RTFM, ASAP и т. д.). Антиорфографии как масштабному явлению, характеризующему межличностную коммуникацию в интернете, предшествовали такие ограниченные в своем распространении социолекты, как язык кашенитов, язык падонков, албанский язык [Кронгауз 2013], и все они были актуальны относительно недолго. Популярность этих игр с правилами русской орфографии на определенном этапе развития рунета можно объяснить воплощением той «противоположности осмысленного и бессмысленного, на которой основывается чувство комизма» [Фрейд 2008]. Антиорфография как сознательное разрушение правил русского письма может быть привлекательной только на фоне стандартной орфографической системы, это всего лишь игра в неграмотность (по крайней мере, на данном этапе развития сетевой коммуникации).

Лингвистические наблюдения над графическими деривациями в рунете представляют интерес как минимум в двух аспектах. Во-первых, они фиксируют то, что слышится и как слышится носителям современного русского языка, т. е. отражают наивные представления о фонетических явлениях и процессах (вспомним, что еще М. В. Панов пытался получить подобный материал через масштабное анкетирование, для чего он вместе с коллегами создал подробный вопросник по русской фонетике). Во-вторых, активные процессы, наблюдаемые в рунете, позволяют выявить наиболее проблемные, напряженные участки русской орфографической системы.

Антиорфография представляет собой наивную рефлексии над различными аспектами сложной иерархической системы русского письма. Как известно, согласно концепции И. А. Бодуэна де Куртене и его последователей (Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндера), помимо традиционных уровней системы письма – графики и орфографии – выделяется еще один структурный уровень – алфавит: «В письменности, т. е. в области письменно-зрительных представлений, свойственных известному языковому мышлению, различаем три стороны: 1) алфавит (азбуку) как полный сборник графем и всех вообще графических представлений, 2) графику (фонемографию), 3) правописание, или орфографию

(морфемографию)» [Бодуэн де Куртенэ 2004]. То есть алфавит – это система графических знаков (букв), которые используются для передачи на письме звуковых единиц языка (фонем, групп фонем, иногда звуков-аллофонов), а графика – это разные типы соотношения звуковых и графических единиц в данном конкретном языке. Графические деривации, наблюдаемые в рунете, доказывают правомерность такого подхода к уровневой организации системы русского письма, поскольку масштабный передел русского письма видоизменил в том числе и «полный сборник графем». В состав графем, используемых для передачи звуковых единиц русской речи, последовательно вовлекались знаки других систем: буквы латиницы и цифры, а также символы типа @, * и т. д. Как известно, на заре рунета транслитерация русского текста при помощи латиницы была распространена в силу технологических причин, поскольку существовали проблемы, связанные с кодировкой кириллических шрифтов. Если автор хотел, чтобы его русскоязычный текст был «читабельным» в любом случае, он набирал его латиницей. Но сейчас, когда проблем кодировки кириллицы больше нет, использование латинских букв продолжается. В ряде случаев оно может становиться самоценным и превращаться в некую текстопорождающую игру. Например, в рунете существует проект, участникам которого предлагается создать литературное произведение, используя только латиницу, при этом сам текст должен выглядеть так, как если бы он был написан кириллицей [<http://www.tema.ru/rrr/ruslat/>]. В качестве примера приведем начальный фрагмент подобного произведения – либретто оперы «Grande opéra». Его автор, Владимир Меломедов, вместо русского «г» использует латинское g, вместо «к» – k, «ь» – b, «д» – g, «б» – b и т. д.

ОТ АВТОРА:

Cyrapu, rocnoga...

В каких оборотах перегаб характер онуса, symb u cпруктура которого проста u гобра, как me mпу kuma, koux усергуе оберегаем Вас от пpунагка муного cпpаха, бpега, ucтepук, спасаем u гаpуем pagocmb u богpocmb гуха? Как yногobumb, пpубumb буркy, какое ... ногобpamb k бeсeгe o cкорбу u гукоcтy, o cтаге u пастухах?

Если использование цифр в качестве графем возможно и в англоязычном электронном интернете, то рунет в этом плане обнаруживает ряд специфических особенностей. В русскоязычном сетевом дискурсе практически нет примеров иероглифического использования цифр для передачи слога или слова, в отличие, например, от английского интернета, где 4 последовательно заменяет предлог *for*, 2 – *to* и т. д. Использование этих цифр в аналогичных функциях в рунете следует рассматривать как англоязычные заимствования (например, при выборе адресата в чате или форуме: 2 ***). В русскоязычной сетевой коммуникации цифры становятся субститутами букв.

Изменения на уровне алфавита (появление новых графем) с неизбежностью приводят к определенным сдвигам в системе графики. Однако наиболее существенными представляются процессы, происходящие в области интернет-орфографии. Вначале общая тенденция изменений казалась достаточно очевидной. Считалось, что искаженные сетевые написания слов ориентированы на их реальное звучание. Действительно, в тексте интернет-сообщения последовательно фиксировались такие «слышимые» явления русской фонетики, как качественная редукция гласных, ассимиляция согласных, оглушение звонких шумных на конце слова, упрощение консонантных групп и т. д. Влиянием фонетики можно объяснить последовательный отказ от использования йотированных букв, которые заменяются сочетанием «й + соответствующий гласный»: *выпей йаду!*, а также написание Ъ после непарных твердых согласных: *просто жызизнь такая*. В графическом облике слова могут отражаться и более тонкие фонетические

нюансы, например аффрикатизация мягкого зубного [т']: *пагуляц* (погулять), *хоц*, *пяц* (то, что аффрикатизация [д'] не передается, мы склонны объяснять отсутствием соответствующей графемы).

Однако игра с написанием слов и отдельных морфем может быть более более изощренной. То, что условно можно было бы назвать фонетическим принципом (который, как известно, существует и в пределах нормативного письма), не является единственным фактором, управляющим антиорфографическим написанием. В многочисленных графических деривациях можно наблюдать своеобразную реализацию принципа, который традиционно называется фонематическим. Игра с графической формой в данном случае основывается на том, что аллофон в позиции нейтрализации преднамеренно соотносится с «неправильной» фонемой. Причем, как и в случае орфографической нормы, те или иные морфемы получают устойчивое оформление. Так, конечный -т в глагольных формах наст. вр. последовательно заменяется на -д: *выбигаид*; постфикс -ся, где в пределах орфоэпической нормы звучит гласный непереднего ряда, пишется как -со: *появилсо* (написание какое-то время имело широкое распространение, несмотря на то, что оно не обозначает мягкость согласного) и т. д. Параллельно фиксировались написание, которые нельзя соотносить ни со звучанием, ни с возможной интерпретацией фонемных нейтрализаций. Так, нашла широкое распространение мена букв, обозначающих парные звонкие / глухие согласные, в сильной позиции: *дфа*, *дазведанья*. Данное явление может быть сравнимо с так называемым традиционным принципом орфографии.

Подобно любому жаргону, антиорфография, сходя на нет, теряя свою популярность, оставляет после себя что-то, что продолжает использоваться носителями языка. В данном случае деформированный графический облик слова может продуцировать появление лексического неологизма. Примером может служить пресловутый *Медвед*, который «со своим Преведом вышел из интернета в реальность» [<http://www.izvestia.ru/lpage/article3092421/>]. Еще один популярный неологизм такого рода – *кросавчег* (*Абжайиуго, этава кросавчег!*). Выйдя за пределы письменной интернет-коммуникации, слово стало звучать подобным образом (т. е. со звонким шумным согласным в позиции абсолютного конца). Нами неоднократно отмечалось его употребление в экспрессивно-оценочной функции: [краса́фч'ыг] и даже [краса́фч'эг] (практически без редукции заударного гласного).

ИНТЕРНЕТ В ЯЗЫКЕ.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

Та научная область, которую мы условно назвали «**интернет в языке**», подразумевает сбор, анализ и лексикографическое описание обширного неологического материала, служащего средством обозначения различных реалий интернет-коммуникации. Развитие интернета, давшее принципиально новые возможности коммуникантам («пользователям»), связано с лавинообразным ростом техногенных деталей и явлений, поддерживающих электронное общение. Естественно, язык не может на это не реагировать – все эти инновационные реалии, активно задействованные в повседневном узусе, должны получить наименования. Данная лексика системна, поскольку указывает на реалии конкретной четко ограниченной денотативной сферы. Вместе с тем она весьма разнородна по своему происхождению, функциональному статусу, стилистическим характеристикам, степени узуальной адаптации. И, в отличие от «**языка в интернете**», аспект «**интернет в языке**» является практически неизученным, при этом русскоязычный узус активно реагирует на развитие сетевой коммуникации.

При общей недостаточной изученности лексики интернета существуют два словаря, чья задача – описание данного материала: «Язык Интернета. Англо-русский словарь» [Факов 2009] и «Словарь языка интернета.ru» под ред. М.А. Кронгауза [Словарь языка интернета.ru]. Их сопоставление наглядным образом демонстрирует произошедшие за последние годы изменения в этой области. В словаре В.Я. Факова понятие *язык интернета* трактуется очень узко – это практически исключительно англоязычные аббревиатуры и акронимы, расшифрованные и переведенные на русский язык. В тот период т. н. язык интернета еще не воспринимался как неотъемлемая часть русскоязычного повседневного общения и находился под самым непосредственным воздействием английского электронного дискурса, характеризующегося широким использованием аббревиатур типа ИМНО ('in my humble opinion' – по моему скромному мнению; русский вариант: ИМХО), LOL ('laughing out loud', 'laugh out loud' – громко смеяться; русский вариант: ЛОЛ). В «Словаре языка интернета.ru», напротив, объект описания понимается очень широко. «Если раньше границы между сетевым жаргоном и всем остальным были понятны и строги, то сейчас все изменилось. Интернет и реальность (*real*) сошлись и смешались, что неизбежно влияет и на язык» [Словарь языка интернета.ru]. Поэтому, помимо раздела «Слова и выражения», словарь включает также части «Термины» и «Субкультуры». «Словарь языка интернета.ru» ориентирован на самый широкий круг читателей, и его нельзя считать научным изданием, в строгом смысле этого слова.

Итак, лексикографическое описание лексики интернета – актуальная задача современной лингвистики. Данные лексемы нельзя трактовать как термины или как жаргонизмы, как это зачастую делают современные словари. Ввиду денотативной конкретности, материальности поля интернет, исследование слов, в него входящих, требует систематического подхода, учитывающего не только специфику их концептуализации в современном русском языке, но и соответствующую энциклопедическую информацию. Рассмотрим это на примере анализа семантики лексем *сайт* и *страница*, чьи толкования невозможны вне связи друг с другом. С точки зрения любого пользователя интернета, это связанные, но несовпадающие реалии (*страница* – часть *сайта*), вместе с тем информация о словах, представленная в современных лингвистических словарях, неадекватно отражает их семантику и не указывает на объективные денотативные корреляции (меронимия / голонимия): *сайт* – '(информ.) тематически или концептуально объединенная информация, представляемая пользователю узлом Интернета'; *страница* – '(информ.) электронная страница' [Толковый словарь русского языка начала XXI в.]; *сайт* – 'место в сети Интернет, которое отводится пользователю этой сети – лицу, организации или учреждению – для размещения там какой-либо визуальной информации', *страница* – информация отсутствует [Ефремова]; *сайт* – информация отсутствует, *страница* – 'это файл, размещенный в компьютерной сети и отображаемый на экране компьютера' [Толковый словарь русского языка под ред. Дмитриева]; *сайт* – 'часть информационной компьютерной системы, где размещены какие-л. сведения', *страница* – информация отсутствует [Большой толковый словарь русского языка]. С точки зрения энциклопедической информации, *сайт* – это ресурс, имеющий выделенное доменное имя («обычно сайт в Интернете представляет собой массив связанных данных, имеющий *уникальный адрес* (курсив наш. – О.Д.) и воспринимаемый пользователем как единое целое» [https://kartaslov.ru]). Но узус нарушает эту логику, что отражается в синтагматических связях указанных лексем. В результате проведенного нами эксперимента, в ходе которого было предложено, помимо прочего, указать сочетаемость *сайт*, *страница* со словом *кафедра*, 93 % информантов предложили в качестве основного варианта *сайт кафедры*, при этом выделенного доменного имени у кафедры как структурного подразделения факультета нет. Анализ синтагматического поведения этих лексем в современном русскоязычном узусе позволяет выявить

между ними семантическое отношение «часть – целое», и толкования, не отражающие этот факт, нельзя признать адекватными. Таким образом, можно предложить следующие определения: *сайт* – ‘(от англ. website) интернет-ресурс, состоящий из связанных между собой страниц и имеющий уникальное доменное имя’; *страница* (в интернете) – ‘часть сайта, основная единица его композиционной организации’. И, конечно, это предполагает словарную статью, посвященную номинации *доменное имя* (*домен*); это ‘уникальный адрес сайта, определяющий его место в интернете; состоит из двух и более уровней’.

Поскольку основной механизм формирования субстантивной зоны поля «Интернет» – это прямое заимствование из английского языка, очень важно проследить действие адаптационных механизмов в русскоязычном узусе. Речь идет не только о графической адаптации, хотя этот нерегламентируемый процесс очень важен, а его результаты противоречивы (например, нет четких правил слитного, раздельного, дефисного написания сложных слов типа *вебсайт*, *веб сайт*, *веб-сайт*, употребления букв Э или Е – *мем*, *мэм*; *тег*, *тэг*, строчных и прописных букв – *интернет*, *Интернет*). Мы имеем в виду в том числе узальную адаптацию интернет-лексем, то, как они функционируют в современном русскоязычном дискурсе. Попадая в русский язык, интернет-англицизмы концептуализируются, приобретают устойчивые синтагматические и парадигматические связи, а также грамматические категории. Проследим это на примере лексемы *интернет*.

ЛЕКСЕМА *ИНТЕРНЕТ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

За относительно недолгий срок своего существования интернет прошел впечатляющий путь становления, причем не только как технология, но и как когнитивный феномен. Если вначале интернет воспринимался как инновация, результат технического прогресса в компьютерной сфере, то теперь он стал для миллионов своих пользователей коммуникативной обыденностью – средой общения, основным источником информации, «местом» отдыха и развлечений. Это так или иначе повлияло на самые различные аспекты современной жизни, что не могло не найти отражения в языке.

Интернет – относительно новое явление. В процессе совершенствования компьютеров и компьютерных технологий возникла идея их соединения в единую сеть, что обеспечило возможность совместного хранения и дистанционного обмена информацией. Соответствующие проекты развивались примерно с начала 60-х гг. прошлого века, но всемирное распространение получила глобальная компьютерная сеть «Internet» (от INTERconnected NETworks). Решающей вехой ее создания стал 1989 г., когда Т. Бернерс-Ли предложил концепцию WWW (World Wide Web). Его основная идея – представление информации в виде гипертекста – была реализована в протоколах передачи данных HTTP, языке HTML и идентификаторах URL. Таким образом, изначально лексема Internet была в русском языке иноязычным именем собственным, но ее языковой статус достаточно быстро менялся. Этапы этого процесса очень хорошо отражает русский язык с помощью целого ряда грамматических и графико-орфографических факторов (склоняемость / несклоняемость слова, жен. / муж. род; написание кириллицей / латиницей, с прописной / строчной буквы), а также при помощи синтагматики – обязательностью / необязательностью сочетания с лексемой *сеть* (ср. ‘в сети «Internet»’ – ‘в интернете’). В доказательство того, насколько быстро менялась ситуация, приведем цитату из указанной выше работы Л.Ю. Иванова «Язык интернета: заметки лингвиста» [Иванов 2001]. Несмотря на то что *интернет* автор пишет со строчной буквы, он тем не менее считает, что «у самого слова *интернет* еще не окончательно устоялась парадигма склонения. Хотя оно воспринимается средним носителем русского языка как слово мужского рода, кое-кто из компьютерных специалистов и пользователей интернета,

ориентирующихся на нормы английского языка, все еще не могут с этим примириться и продолжают воспринимать *интернет* как *несклоняемое существительное женского рода*» (курсив наш. – О.Д.).

Сейчас, естественно, *интернет* функционирует в русском языке как склоняемое слово мужского рода и практически исключительно в кириллическом написании. По данным Национального корпуса русского языка [<http://www.ruscorpora.ru>], вариант записи латиницей отмечается приблизительно до начала 2000-х гг. (например: «Может быть, в этом и состоит одна из характернейших черт интеллигента – осознанно переносить все тела внешнего пространства в пространство внутреннее и дальше вести диалог именно с ними... по типологическому образцу виртуальной реальности Internet'a?», 1999), но он никогда не был преобладающим. Написание слова с использованием кавычек («Интернет») в настоящее время характеризует определенные типы текстов, в первую очередь финансовые и юридические. Так, это последовательно используется в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.04.2018): «страница сайта в сети “Интернет” (далее также – интернет-страница) – часть сайта в сети “Интернет”, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта в сети “Интернет”». Наибольшая вариативность написания лексемы связана с использованием прописной или строчной начальной буквы. Сейчас оба варианта являются нормативными, что зафиксировано в «Русском орфографическом словаре» [Русский орфографический словарь]. Однако существует тенденция к все более частому использованию написания со строчной буквы, что находит отражение в лингвистической литературе, посвященной данной тематике (см., например, [Словарь интернета.ru], [Современный русский язык в интернете]). Однако, с нашей точки зрения, написание с прописной буквы не исчезнет, оно будет сохраняться и впредь, поскольку наблюдаемая в настоящее время орфографическая вариативность *Интернет* / *интернет* отражает наметившуюся многозначность данной лексемы. С одной стороны, это название глобальной компьютерной сети, созданной с применением конкретной программно поддерживаемой технологии, с другой – это компьютерная сеть, предоставляющая возможность удаленного обмена информацией, как феномен (ср. аналогичные варианты написания *Солнце* / *солнце*, *Земля* / *земля* и под.).

Обсуждая написание лексемы *интернет* со строчной / прописной буквы, нельзя не коснуться еще одной проблемы. Это существительное, как целый ряд других в данном семантическом поле, имеет омоним – аналитическое прилагательное: ср. *хаки* – плотная хлопчатобумажная ткань (сущ.); зеленовато-коричневый цвет (прилаг.). Графическое оформление сложных слов, в состав которых входит аналитические прилагательные, должно начинаться исключительно со строчной буквы: *интернет-магазин*, *интернет-портал* и т. д. [Русский орфографический словарь]. В связи с этим отметим один интересный факт, связанный с функционированием лексемы в современном русском языке, а именно тенденцию к аффиксидности. Об этом свидетельствует как «легкость» создания дериватов типа *интернет-знакомство*, *интернет-увлеченность* и под., так и слитное написание, наблюдаемое в ряде случаев: *интернет.магазин*, *интернет.провайдер*.

В современном русском языке существуют альтернативные способы передачи понятия *интернет*, что приводит к образованию синонимических номинаций. Их развитие вызвано следующими основными факторами: 1) денотативная значимость самого явления; 2) переход лексемы из разряда имен собственных в нарицательные; 3) адаптация иноязычного заимствования. В результате действия этих факторов появляются как словообразовательные дериваты, образованные от заимствованной основы, так и русскоязычные способы обозначения данной реалии.

Словообразовательные дериваты образуются на основе механизма усечения основы: *и-нет*, *инет*, *нет* (все три новообразования зафиксированы в словаре под ред. Г.Н. Складчиковой [Толковый словарь русского языка начала XXI в.]). Участниками интернет-коммуникации распространенное новообразование *инет* воспринимается как способ русскоязычной адаптации лексемы *интернет*: «**Инет** – это естественное сокращение слова **интернет**. Это же слишком длинно, коряво и утомительно каждый раз говорить это слово из трех ступенчатых слогов» [<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1868902-pochemu-slovo-internet-chasto-zamenjajut-korotkim-slovom-inet.html>]. Стилистический статус лексемы *инет* по-разному трактуется современными словарями: Информ., Жарг. [Толковый словарь русского языка начала XXI в.], в словаре Т.Ф. Ефремовой стилистические меты отсутствуют [Ефремова]. Но на самом деле в русскоязычном общении *инет* появилось под влиянием *и-нет*, а это, в свою очередь, кириллическая транслитерация английского *i-net* (от *I(nter)-net*). Дефисное написание практически ушло из русского дискурса, но тем не менее оно зафиксировано словарем под ред. Г.Н. Складчиковой, наряду с *инет* [Толковый словарь русского языка начала XXI в.]. Таков же механизм образования наименования *нет*. С точки зрения русскоязычного употребления, это может рассматриваться как усечение основы, но одновременно это и влияние английского *net* (сеть): *Искал в нете, но не нашёл...* [<https://otvet.mail.ru/question/176450249>].

Заемствованное существительное *веб* как синоним лексемы *Интернет* также присутствует в современном русскоязычном дискурсе (напр.: *Там всё настроено так, чтобы по максимуму искать в вебе, а не на компьютере* [<https://ailev.livejournal.com/1340594.html>]), но гораздо более частотен его омоним – аналитическое прилагательное (*веб-сайт* и под.).

Номинации *сеть* и *паутина* как обозначение Интернета появились в русском языке в результате семантического калькирования английских *net* и *web*, а эти лексемы, в свою очередь, являются составными частями коммерческих названий программно поддерживаемых технологий (*Internet*, *WWW – World Wide Web*). Под влиянием распространенного написания лексемы *Интернет* с прописной буквы, слова *Сеть* и *Паутина* в этом значении могут иметь такое же орфографическое оформление. Русскоязычный узус рефлексирован над номинациями *веб*, *нет*, являющимися прямыми заимствованиями, и над *сеть* и *паутина* как их семантическими кальками. В этом плане представляет интерес название литературного интернет-конкурса «Тенета», где каламбурно совмещены русский и английский языки (ср. *тенета* – 1. Сети для ловли зверей. 2. То же, что *паутина* [Ефремова]). Контексты употреблений лексем *сеть* и *паутина* как способов обозначения Интернета указывают на то, что в ряде случаев носители языка осознают метафоричность данных номинаций: *Родители! Заботьтесь о ваших детях! Помогите им не запутаться в паутине интернета!* [<http://www.gimnazy5.edu.kz/index.php/90-roditelyam>].

Обсуждая способы лексического обозначения понятия *интернет*, нельзя не указать на русскоязычный словообразовательный дериват *рунет* / *Рунет*, который прочно вошел в современный узус. Он образован в результате соединения национального домена верхнего уровня для России (.ru) и лексемы *нет*. Однако его нельзя признать синонимичным лексеме *интернет*, поскольку он указывает исключительно на русскоязычный сегмент WWW и, следовательно, является гипонимом.

Выше нами были указаны способы наименования интернета, возникшие под непосредственным воздействием английского языка. Концептуализацию феномена сетевого электронного общения в современном русском языке отражают такие метафорические номинации обозначения феномена интернета, как *пространство* и *среда*. См., например, «Интернет как коммуникативное пространство информационного общества»

[Кутюгин 2009], «Киберпространство: территория современной жизни» [Добринская 2018]; «Интернет-среда как фактор трансформации образа жизни молодежи. Отношение родителей к вовлеченности современной молодежи в интернет-среду» [Шумаков 2012]. Есть контексты, объединяющие эти два метафорические наименования интернета: «Интернет уже состоялся как новая среда – и это пространство нужно окультуривать, преобразовать его хаос в космос. Другого достойного выхода все равно нет, да и среда эта стоит того, чтобы над ней поработать» [https://lib.rmvoz.ru/bigzal/roza_mira_ili_rodonizm_vspominaya_budushchee/internet-sreda_svoystva]. Таким образом, англоязычное имя собственное *Internet*, концептуализируясь в русском языке, превращается в имя нарицательное и развивает синонимичные номинации. Помимо этого, лексема развивает синтагматические связи, употребляясь в устойчивых предложно-падежных конструкциях. Так, узус предлагает нам *зайти в интернет*, но *зайти на сайт*, в результате чего можно сделать вывод о том, что интернет концептуализируется как объемное трехмерное виртуальное пространство, а сайт – как двухмерное, плоское.

Помимо этого, лексема *интернет* обладает словообразовательной продуктивностью, от нее образуются слова разных частей речи. Например, глаголы *интернетить*, *интернетиться*, которые уже стали многозначными: 1. ‘осуществлять поиск в интернете’ («А ты поинтернеть, станет ясно» [<https://www.liveinternet.ru/community/2322318/post121484332/>]); 2. ‘обеспечивать доступ к интернету’ («Есть правительственная программа, по которой Ростелеком бесплатно интернетить деревни должен» [<https://www.kp.ru/daily/26793.7/3827152/>]); 3. ‘использовать интернет как средство коммуникации’ («Как правильно интернетиться по-русски? ...неважно, в официальном ли письме или в болтовне с друзьями» [<https://www.osp.ru/pcworld/2004/04/167788>]).

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Этот аспект лингвистического изучения интернета становится все более актуальным в последнее время. По сути он формируется на пересечении интересов двух указанных нами направлений исследований – «язык в интернете» и «интернет в языке». Поскольку интернет нивелирует разницу между типами коммуникации, между письменной и устной речью, он становится важным источником информации о речевом поведении носителей современного русского языка. Особенности речевого поведения в пределах межличностной интернет-коммуникации формируются практически теми же факторами, что и в ситуации устного диалогового общения, описанными, в частности, в [Русская разговорная речь 1973]: спонтанность, высокий темп, отсутствие строгой стилистической регламентированности и т. д. Это позволяет наблюдать явления, отражающие тенденции развития языка, причем время их узуальной адаптации может существенно сокращаться. Как следствие, интернет стал уникальным источником того, что Л.В. Щерба называл «языковым материалом» (напомним, под этим понимается «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [Щерба 1974]). В частности, при обсуждении того, каким образом в современном русском языке формируются наименования реалий интернет-коммуникации, поиск по ключевым словам при помощи браузеров становится главным способом получения информации. Однако этот поиск осложнен тем, что его количественные показатели не всегда достоверны. Это обусловлено рядом факторов, в частности омонимией, паронимией, которую браузер автоматически исправляет как опечатку, опечатками как таковыми, наличием т. н. «зеркал» сайтов и т. д., но при использовании возможностей расширенного поиска эти недостатки возможно преодолеть (см. об этом [Петрухина, Дедова 2019]). В этом плане более достоверной, с лингвистической точки зрения, является информация, предоставляемая корпусами русского языка (в первую очередь, Национальным корпусом русско-

го языка [<https://ruscorpora.ru/>]), однако корпуса ввиду необходимых процедур отбора текстов и текстовой разметки зачастую отстают от узуса. В интернете же языковые инновации могут появляться более оперативно. Можно сделать вывод о том, что «при дальнейшем развитии поисковых технологий перечень опций, способствующих оптимизации лингвистической релевантности интернета, будет возрастать. В любом случае лингвист, исследующий актуальные явления русскоязычного узуса, не может не учитывать их отражение в сетевой коммуникации» [Петрухина, Дедова 2019].

Итак, мы рассмотрели различные аспекты лингвистики интернета, и он, как мы стремились продемонстрировать, является и объектом анализа, и его инструментом. На данном этапе развития интернета и науки, изучающей его языковую специфику, очевидно, что суть происходящих процессов несводима к порче языка, обусловленной нерегламентированным поведением «пользователей». Лексику интернета, прочно вошедшую в современный узус, нельзя трактовать ни как маргинальный жаргон, ни как терминосистему. Сейчас уже стало очевидным, что интернет – это актуальный и сложный объект исследований, а также важный источник лингвистической информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Введение в языковедение. М., 2004.
- Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
- Гусейнов Г.* Берлога веблога. Введение в эрративную семантику. http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm
- Дедова О.В.* (а) Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008.
- Дедова О.В.* (б) Графико-орфографические деривации в Рунете // Фонетика и не фонетика: Сб. трудов в честь 70-летия С.В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 732–741.
- Дедова О.В.* О языке Интернета // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.
- Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52–70.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Иванов Л.Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста. <http://www.faq-www.ru/lingv.htm>.
- Кронгауз М.А. (ред.). Словарь языка интернета. М., 2016.
- Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М., 2013.
- Купер И.Р.* Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 36–57.
- Кутюгин Д.И.* Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2009.
- Ли Ян, Дедова О.В.* Анализ механизмов формирования лексико-семантической группы «межличностная коммуникация в интернете» // Мир науки, культуры, образования, 2019. № 5. С. 506–509.
- Литневская Е.И.* Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы). М., 2011.
- Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа. Внешнее расширение человека. М., 2007.
- Петрухина Е.В., Дедова О.В.* Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–156.
- Потапова Р.К.* Новые информационные технологии и лингвистика. М., 2002.

Русакова Е.Б. Компьютерный социолект: формирование и функционирование: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград, 2007.

Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973.

Русский орфографический словарь / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин, И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова; отв. ред. В.В. Лопатин. М., 2005.

Современный русский язык в интернете / Ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М., 2014.

Спиридонов М. Рунетология. Кто управляет русским Интернетом? М., 2012.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.

Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006.

Тошович Б. Интернет-стилистика. М., 2015.

Факов В.Я. Язык Интернета. Англо-русский словарь. М., 2009.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб., 2008.

Шумаков Д.В. Интернет-среда как фактор трансформации образа жизни молодежи. Отношение родителей к вовлеченности современной молодежи в интернет-среду // Вектор науки ТГУ. 2012. №2. С. 333–335.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Crystal D. Language and the Internet. Cambridge, 2006.

Lasswell H.D. Power and Personality. New York, 1948.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА¹

Уже давно решено философами, что одно и то же значащих слов нет на свете.
На словарь строго взыскивать не можно.

Д.И. Фонвизин

Нет ничего в языке, чего бы не было раньше в речи.

Э. Бенвенист

1.1. Как отмечают авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество», «в языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие» [РЯиСО 1968: 24]. Явление, называемое «лексической избыточностью» языка, можно отнести одновременно к антиномиям «кода и текста», «узуса и возможностей системы», а также «двух функций языка – информационной и экспрессивной» [РЯиСО 1968: 25, 27]. Что касается положения, согласно которому определяющей чертой высокоразвитого литературного языка является преодоление в нем нефункционального разграничения единиц, иными словами, «избытка означающего» (выражение К. Леви-Стросса), то оно относится к лингвистической аксиоматике. Поскольку язык – система живая, изменяющаяся, но не разрушающаяся, а самонастраивающаяся, постольку он может освобождаться от балластных и форм, и смыслов, а также перераспределять их тогда, когда ему это нужно. И на этапе возникновения русского языка обнаруживается та же тенденция. В.В. Виноградов писал, что «при существовании двух терминов для обозначения одной и той же вещи или идеи уже в раннюю эпоху происходила их диалектическая (resp. территориальная. – Л. Ч.) дифференциация» [Виноградов 1927: 109].

1.2. Период XVII – нач. XVIII в., когда начал складываться литературный язык русской нации, отличается состоянием лексического хаоса. По словам В.В. Виноградова, «в области лексики в эту переходную эпоху обнаруживается брожение и смешение разноязычных и разностильных элементов, сказывающееся в обилии недифференцированных синонимов» [Виноградов 1982: 82]. В соответствии с современной лингвистической терминологией «недифференцированные синонимы» суть не что иное, как лексические дублиеты, т. е. избыточные означающие для одного означаемого. Такие слова, как, например, *верх – вершина – верхушка – верховье* или *стежка – тропка*, взаимозаменялись в любом контексте.

В отношениях свободного варьирования находились и такие, например, совершенно разные в современном языке слова, как *местность – ситуация*. В походных журналах Петра I примечателен контекст *И потом как к оной крепости приближались апрошамми... в то время там были великие морозы, к тому же и ситуация* (в рукописи было ошибочное написание ситуция, Прим. издателя) *кругом той крепости каменистая* [Походный журнал 1911]. Не были дифференцированы и социально значимые понятия *закон – правило – устав*, которые разошлись семантически лишь к концу XVIII в. [Кутина 1966]. Но, по словам К.С. Аксакова, «этот беспорядок – это странное, будто бы

¹ В основе раздела статья: Лексикографическая «недостаточность» и речевая креативность // Язык: поиски, факты, гипотезы: Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой. М.: ЛЕКСРУС, 2016. С. 760–788.

разрушающееся состояние, указывает на новый порядок, на новую жизнь, уже ближающуюся и смутившую прежнее состояние» [Аксаков 1875: 232].

По мере становления лексических норм помимо стилистической дифференциации происходило и семантическое размежевание дублетных форм, следствием чего стала специализация их значений. В ставшей классической работе «О славянизмах в современном русском языке», а также в «Историческом очерке» Г.О. Винокур, изучив старославянские по происхождению слова и проанализировав путь, который они прошли в русском языке от славянизмов «стилистических» к славянизмам «генетическим» (термины Г.О. Винокура), показал, как русский язык по мере своего развития избавлялся от исторически неизбежной для русского языка лексической избыточности, какими способами он ее преодолевал: 1) вытеснением из языка одной из конкурирующих форм (*порог – праг, воробей – врабие*) и 2) их размежеванием – стилистическим (*берег – брег*) и семантическим (*сторона – страна*). Именно в последнем случае «слова начинают обозначать разные предметы мысли» [Винокур 1959: 444], в чем и проявляется совершенствование лексико-семантической системы языка, если иметь в виду ее не количественный, а качественный (семантический) параметр.

Лингвистическая мысль Г.О. Винокура (как и других классиков отечественной лингвистики) не могла примириться с избыточностью означаемых в сформировавшейся системе языка. Одну из своих работ исследователь посвятил семантико-стилистическому анализу девербативов «с сохраненным значением глагольности» (*разрушение здания*) и без оногo (*разрушения, разруха*) в языке постреволюционного периода отечественной истории, уделив особое внимание таким семантически разошедшимся девербативам, как *удар – ударение, гонки – гонение, иск – искание*, а также оппозициям *убийство – убиение, месть – отмщение*, где очевидны «экспрессивные оттенки» [Винокур 1928: 83], сопровождающие семантико-грамматические различия.

1.3. В 1795 г. в газете «Московские ведомости» Н.М. Карамзин сформулировал известные положения о богатстве языка, придав им объяснимо полемический характер: 1. «Истинное богатство языка состоит не во множестве звуков, не во множестве слов, но в числе мыслей, выражаемых оным»; 2. «В языке, обогащенном умными авторами, в языке выработанном не может быть синонимов (т. е. абсолютно тождественных единиц, как понимались тогда сословы. – Л. Ч.); всегда имеют они между собою некоторое тонкое различие, известное тем писателям, которые владеют духом языка, сами размышляют, сами чувствуют, а не попугаями других бывают» [Карамзин 1795]. Д.И. Фонвизин такое мнимое богатство языка, при котором бы «десять или больше слов изображали одну идею», назвал «дурацким богатством», «тщетно обременяющим память» [Фонвизин 1783/3: 123].

Д.И. Фонвизин, привлеченный к составлению «Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.», начертал его теоретические основы в докладе Академии на заседании 11 ноября 1783 г. В том же году в трех выпусках (1, 4 и 10) журнала «Собеседник любителей русского слова» он опубликовал свой «Опыт русского сословника» с такой тонкой, точной и простой семантизацией, которую и современный читатель принимает не без интеллектуального восторга. Например, различия между синонимами *робкий – трусливый* сведены к тому, что робкий «бежит назад, не защищается», тогда как трусливый «не идет вперед, не нападает» [Фонвизин 1783/1: 128]. Контексты-разъяснения, придуманные Д.И. Фонвизиним, остроумно подтверждают адекватность предлагаемой семантизации: «Нельзя надеяться ни на сопротивление робкого, ни на помощь трусливого» [Фонвизин 1783/1: 128].

Если на семантизацию этих слов, предложенную Фонвизиним, спроецировать их семантизацию в современных лексикографических трудах и даже в таком авторитетном словаре, как «Русский семантический словарь» Н.Ю. Шведовой, то становится оче-

видной недостаточность толкований, известная в лексикографической теории как «порочный круг»: *робость* – «свойство того, кто не уверен в себе, боязлив, робок»; *трусость* – «постоянная боязнь ч-н опасного, неприятного, стремления избежать этого» [Шведова 2003: 262]. Трудно согласиться и с предлагаемым определением трусости, поскольку «стремление избежать» опасности характеризует человека не трусливого, а здравомыслящего, у которого есть охранный страх.

Представляется, что толкование Д.И. Фонвизина более адекватно отражает семантические отношения между этими синонимами, а если его интерпретацию приспособить к современному русскому языку, поменяв синонимы местами, то оно окажется лексикографически более точным, чем то, что предлагается современными толковыми словарями и словарями синонимов: скорее, робкий старается избежать («не идет вперед») всего того, что грозит, по его мнению, неприятными последствиями (Словарь Д.Н. Ушакова: «несмелый, боязливо-опасливый, неуверенный»), тогда как только трусливый, оказавшись в сложной ситуации, «бежит назад» (Словарь Д.Н. Ушакова: «Легко поддающийся чувству страха»).

Комментарий Д.И. Фонвизина к прилагательным *ленивый* – *праздный* (как, впрочем, и ко многим другим) также достоин внимания: «Ленивый бывает кажется таковым больше от расположения тела, а праздный больше от расположения души; трудолюбивый становится иногда ленивым, но не праздным, ибо праздный от роду не бывал трудолюбивым» [Фонвизин 1783/4: 145]. Из сказанного следует, что теоретические воззрения Фонвизина и опирались на первый опыт лексикографического освоения словослов, понимаемых как слова не тождественные, а семантически и/или прагматически различающиеся, и выростали из него.

Лингвистическими единомышленниками Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина были и Петр Калайдович, и талантливый русский философ А. Галич, издавший в 1840 г. «Словарь русских синонимов, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений», а в 1845 – «Лексикон философских предметов», где представлены словарные статьи абстрактных понятий, являющихся не только философскими терминами, но словами общеупотребительного языка, близкими по смыслу, например, *взгляд* – *взор* [Галич 1845: 183]. В Предисловии к своему «Словарю» П. Калайдович задает вопрос, могут ли в одном языке «существовать такие слова», которые вмещают «в себя одно и то же понятие»? Его ответ однозначен: «В словах соименных находится великая разница; а посему и нет совершенных синонимов» [Калайдович 1818: 8, 12, 14].

Во всех перечисленных лексикографических позициях речь идет о неправомерности понимания синонимических отношений как отношений семантического тождества означаемого двух означающих, за которыми со временем закрепился термин «дублетность». Относительно бесспорных стилистических синонимов П. Калайдович пишет: «Хотя и встречаются некоторые слова совершенно однозначные, например, *око* и *глаз*, *глаголю* и *говорю*, *секира* и *топор*, но синонимы сего рода различествуют местами, которые они в речи занимают. В высоком слоге у нас употребляются славянские *око*, *глаголю*, *секира*, а в... умеренном и простом слоге – русские *глаз*, *говорю*, *топор*» [Калайдович 1818: 15].

2.1. Сложившаяся отечественная лексикографическая практика предлагает такое количество «недифференцированных средств выражения одной мысли», что подвергает сомнению выработанность кода. Современные толковые словари содержат много вокабул с отсылочной пометой «то же, что», с толкованием одного слова через другое без указания на их семантические и/или стилистические различия, а также с приписывание двум словам одинакового толкования. И словарям синонимов присущ тот же недостаток. Так, в словаре синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой никак не разграничены такие пары, как, например, *безразличный* – *равнодушный*, *каприз* – *прихоть* (нет раз-

личия между «желанием необоснованным», приписанным первому слову, и «желанием вздорным», приписанным второму) и многие другие абстрактные существительные и оценочные прилагательные. Но если семантизация двух слов в словаре отсутствует, то логично признать их не синонимами, а дублетами. Если «словарь – это инструмент, который помогает человеку понимать и порождать текст» [Козырев, Черняк 1989: 16], то отсутствие семантико-прагматической дифференциации между вокабулами только препятствует этим процессам. Но и слишком обширные толкования также затрудняют понимание читателем сути предлагаемой семантической дифференциации синонимов.

Масштабный проект, осуществляемый под руководством Ю.Д. Апресяна, рассчитан, по замыслу его составителей, на широкую читательскую аудиторию. Однако вряд ли этот расчет верен, поскольку словарные статьи в нем аналогичны лингвистическим статьям, иногда довольно большим по объему, разобраться в которых нелингвисту трудно. Семантические различия между синонимами описываются с такой степенью подробности, которая не способствует формированию четкого и ясного представления о них у потенциального читателя, что нарушает один из лексикографических постулатов Д.И. Фонвизина, а именно «постулат краткости», обязательный к исполнению в толковом словаре, обращенном к широкой аудитории: объяснение слову «надлежит сделать внятно, точно и сколь возможно кратко, ибо тут краткость помогает ясности. Когда необходимость велит изъяснить идею посредством других сторонних, то стараться надобно, чтоб число сих последних было как можно меньше» [Фонвизин 1959: 242–243].

Словарные статьи далеко не всегда предлагают такую интерпретацию семантических различий, с которой согласится носитель языка, и такую грамматическую, которую примет всякий лингвист. Например: слово *каприз* дано в словарной статье глагола *капризничать* [Апресян 2000] с его синонимом *привередничать* как дериват глагола (в нарушение «критерия Винокура» и «исторической справедливости», состоящей в том, что *каприз* – слово заимствованное, на основе которого на русской словообразовательной почве возник глагол-дериват), а такие синонимы существительного, как, например, *прихоть* и *причуда*, отсутствуют за неимением у них глагольных пар, которые позволили бы и им занять свое законное место в этой статье.

В словаре Н.Ю. Шведовой имя *каприз* представлено в следующем парадигматическом контексте: *блажь* (разг.), *дурость* (прост.), *дурь*, *каприз*¹, *прихоть*, *причуда*¹, *фантазия*⁴ (разг.), *фокус*² (разг.) [Шведова 2003: 233], где слово *дурь* не имеет функционально-стилистической пометы, отсутствие которой означает, как известно, его нейтральность, уместность в любой речевой ситуации, что противоречит реальному положению дел. Примечательно, что имя *причуда* толкуется через простое перечисление синонимов *прихоть*, *каприз*, *чудачество*, а последняя единица метаязыка не входит в данное множество на правах равноправного элемента – она с грамматической пометой «обычно во мн. ч.» и в значении «склонность к странным, необычным поступкам, поведению» [Шведова 2003: 233, 262] занимает место в лексическом множестве под рубрикой «Разные черты характера, душевные свойства, их проявления, поступки и поведение». Если обратиться к «Словарю Академии Российской», то слово *каприз* в нем не отмечено (это заимствование из французского – *le caprice* – появилось позже), но есть слово *прихоть* в значении «желания странные, каких бы иметь не надлежало и не нужно» [САР 1809].

2.2. Разработка теоретических принципов составления «Словаря Академии Российской» принадлежит, как известно, Д.И. Фонвизину и вошла в историю отечественной лексикографии под названием «Начертание для составления толкового словаря славяно-русского языка», состоящее из преамбулы и четырех статей, две из которых имеют прямое отношение к лексикографической идеологии: статья 1. «О выборе слов

и речений, долженствующих войти в толковый словарь славяно-русского языка», и статья 3. «О знаменовании слов и речений».

Как отмечает А.С. Курилов, посвятивший Д.И. Фонвизину статью в переизданном в России «Словаре Академии Российской, «в отличие от наших инструкций» по составлению толковых словарей в «Начертании» «говорится не о том, что нужно включать в словарь, а перечисляются те слова и речения, что “не должны иметь место в Словаре”» [Курилов 2004: 49]. И таких исключений Д.И. Фонвизин наметил четыре группы: 1. Имена собственные (топонимы, онимы кроме тех, что стали нарицательными); 2. Узкопрофессиональная лексика и территориальные диалектизмы; 3. Лексика «неблагопристойная»; 4. «Необрусевшие, малоупотребительные иностранные слова» [Фонвизин 1959: 239–240].

В третьей статье предлагаются базовые принципы лексикографической интерпретации слов, сохранившие свою актуальность до наших дней. Это синонимический способ и родо-видовой, обязательно его сопровождающий: «Надлежит к каждому слову приписать столько сослов, сколько найти можно. После сослов следует объяснение (definito)», но не такое, «в котором одно слово было бы толкуемо другим, коему оно само равным же образом служило бы толкованием», – такие «объяснения составили бы круг» [Фонвизин 1959: 243]. Разорвать «порочный круг» толкования (или, проще говоря, «лексикографический круг») Д.И. Фонвизин предлагает через такие лексические единицы, которые «никогда объяснять не надлежит» (аналог: «монады» В. Лейбница и «семантические примитивы» А. Вежбицкой). Среди «необъясняемых» лексикографических примитивов выделяются две группы: 1. «Много слов есть таких, коим, по общему всех согласию, не надлежит делать объяснения <...>, кои означают всеобщие существа собственности, например: *бытие, пространство, время*» – это бесспорно необъясняемые вокабулы словаря; 2. Слова типа *душа, расстояние*, которые «от иных... почитаются могущими быть объясняемы, но таковыми от других не почитаются» [Фонвизин 1959: 243].

2.3. Л.В. Щерба сформулировал положение о том, что в основе словаря академического типа, к которому относятся толковые словари, «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [Щерба 1958: 55]. Адекватность лексикографического воспроизведения лексикона языковому сознанию носителей языка в определенную историческую эпоху, его языковой картине мира, отображенной в лексической системе, Н.Ю. Шведова связала с «множеством иерархически организованных номинаций, в своих связях и отношениях осмысляемых средствами самой языковой системы» [Шведова 2005: 427]. Ей принадлежит термин «картинка жизни» – воплощенная в синонимических и несинонимических (гипонимических) рядах информация об «определенном “кусочке действительности” (В.В. Виноградов)» [Шведова 2005: 428], из которых и складывается языковая картина мира. По мнению Н.Ю. Шведовой, «типология “картинок жизни” требует специального изучения» [Шведова 2005: 428], хотя контуры этой типологии ею очерчены.

В первом томе «Русского семантического словаря», включающем предметную лексику, отображающую мир видимый, природный и артефактный, через имена реалий действительно представлены «картинки жизни» с той степенью таксономической глубины, которая обеспечивается общеупотребительным русским языком. По ним можно восстановить особенности как, например, церковной жизни, так и мирской. Предельные лексические группировки составляют, по Шведовой, подмножества «собственно информирующие» (*куча, груда, ворох, кипа, шеренга* и под.). К ним непосредственно примыкают группировки, в которых совмещаются «информирующая и живописующая функции» (*населенный пункт, город, село, деревня, хутор – дыра, медвежий угол*).

Что же касается третьего тома, из названия которого следует, что он охватывает «имена существительные с абстрактными значениями», которые сводятся к архисемам 'бытие', 'пространство', 'время', 'духовный мир', 'состояние природы, человека' и под., то включение в него таких лексических единиц, как *колтун*, *рвота*, *дрожь* или *зевота*, вызывает недоумение, хотя эти слова и обозначают состояния человека. Впрочем, и такие вполне конкретные слова, обозначающие физические состояния природы, как *дождь* или *снег*, никакого отношения к лексике абстрактной не имеют, хотя и относятся к именам событийным. Но события тоже бывают видимыми (*драка*) и умопостигаемыми (*война*).

Толкование слова *колтун* тяготеет к энциклопедической информации, поскольку обыденное сознание связывает его не с болезнью кожи, а с состоянием волос, с их неряшливостью, запутанностью, что и послужило основой метафорического употребления этого слова в известном стихотворении О. Мандельштама «Я по лесенке приставной» (*я дышал звезд млечных трухой, колтуном пространства дышал*), через которое лирический герой оценивает пространство звездного неба. Так что проблема семиотической квалификации слов, обозначающих физические состояния человека и природы, и их классификации остается актуальной для современных лексикографических описаний.

2.4. Основу лексикографической идеологии составляют и принципы отбора лексического материала в словник, и принципы толкования значений слов. В концепции «Русского семантического словаря», охватывающего современную русскую общепотребительную лексику (около 300 000 словозначений), Н.Ю. Шведова исходит из идеи «совокупного и нераздельного существования в слове его лексической семантики и грамматических свойств», адекватной эмпирической реальности речи как материальной ипостаси языка и позволяющей не только «охватить весь материал без остатка, но и найти путь к его естественным внутренним членениям» [Шведова 2005: 425]. Прообразом такого естественного членения издавна служит дерево.

«Древовидная» концепция «Словаря» разработана с таким тщанием, что в нем соблюдена единая иерархическая структура и для целого (лексикона в виде ветвящегося дерева, произрастающего на идеографической почве), и для его предельных единиц – синонимических и несинонимических рядов, которые «обязательно должны включать в себя единицы, толкуемые единым метаязыком и связанные друг с другом возможностью взаимобращения (обязательностью объяснения одного через другое)» [Шведова 2005: 427]. Но именно в этом аспекте лексикографический завет Д.И. Фонвизина исполнен не до конца: полнота означающих ряда с общим семантическим инвариантом (по Шведовой, «языковым смыслом») не всегда сопровождается обязательной экспликацией семантико-прагматических различий, что и дает основание признавать так представленные единицы дублетами.

Это замечание касается в основном лексики абстрактной – таких семиотически особых единиц, дискретность означаемого которых определяется исключительно дискретностью их материального тела, означающего, поскольку эти знаки членят континуальное пространство умозрительного мира и не имеют во внеязыковой действительности визуального прототипа [Чернейко 1997, 2001], фиксируя, по словам Аристотеля, «единое во многом».

Следует отметить, что представления Н.Ю. Шведовой о языке как о живой, динамичной и самонастраивающейся системе соответствуют современной синергетической научной парадигме. Хотя в работах исследователя и нет понятия «фрактальный объект», результат изучения лексико-семантической системы, взятой в таком объеме и поставленной на прочные, непротиворечивые лексикографические основания, демонстрирует «фрактальность» языка, проявляющуюся в структурной соразмерности (изо-

морфизме) языковой системы (целого) и ее частей: «Обнаруживается глубинное сходство между строением лексического класса и многозначного слова», а их соотношение определяется соответственно как «макромир» и «микромир» [Шведова 2005: 430]. А если это так, то «лексикографическая недостаточность», проявляющаяся в данном случае в некоторой избыточности означающих, членящих тот или иной «макромир», требует устранения, осуществимого, как представляется, двумя способами, простым и сложным: указанием пометой на осознаваемую дублетность и семантизацией, требующей обращения к живой речи (к разножанровым устным и письменным текстам). А «микромир» (многозначное слово), как известно, не терпит избыточных означаемых (ЛСВ) – они либо вовсе исчезают из его структуры, либо, деактуализируясь, перемещаются на периферию системы, пополняя ее пассивный запас.

Важную теоретическую часть лексикографической концепции Н.Ю. Шведовой составляет ее понимание актуального для современной лингвистики терминологического сочетания «языковая картина мира»: она, антропоцентрическая по своей природе, является результатом отображения человеком его двух миров – внешнего (по большей части видимого, но и умопостигаемого) и внутреннего (ощущаемого и умопостигаемого) – в том виде, в каком эти миры сложились «в восприятии носителей языка» [Шведова 2005: 440] и представлены как результат категоризации с разной таксономической глубиной и концептуализации. При этом важнейшее место в «языковой картине мира» Н.Ю. Шведова отводит дейктической системе языка, задающей «самое общее языковое осмысление мира», представленное в понятиях «бытия, времени, пространства, действия, состояния, предмета, признака» [Шведова 2005: 440–441] и во всей системе местоимений. Семиотическая и функциональная противопоставленность дейктических и именующих слов и их разная роль в отображении языком действительности, лежащая в основе лингвистической и лексикографической концепции Н.Ю. Шведовой, обеспечила «объективность описания» лексического фонда русского языка, исключив «возможность решений, опирающихся на произвольно выбранную “всепорождающую идею”» [Шведова 2005: 441].

Поскольку толковый словарь с разной степенью полноты и точности воспроизводит языковое сознание носителей культуры, постольку лексикограф обязан представить его во всем многообразии, сложности и противоречивости, основываясь исключительно на разножанровом речевом материале воспроизводимой эпохи, а не на собственных социально-политических предпочтениях. Если словарь «претендует на описание русского языка в целом, то, очевидно, как считает М.Я. Дымарский, такой словарь дает картину не языка, а представления о языке его составителей», однако «вопрос не в самом наличии субъективного начала, но – *в мере присутствия* этого начала и *в мере открытости* этого присутствия», для чего необходимо «расширение эмпирической базы словаря» с учетом «возможно большего числа источников», а также объяснение «читателю критериев отбора словника и принципов лексикографической разработки словарных единиц» [Дымарский 2004: 32] (курсив автора. – Л. Ч.). Критикуя «Толковый словарь русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской (1998 г.), М.Я. Дымарский задает вопрос: «“Толковый словарь” какого русского языка представлен авторами? Действительно общенационального – или его московско-петербургского варианта» [Дымарский 2004: 33], коль скоро в качестве источников материала в словаре представлены «исключительно московские и петербургские газеты и журналы».

Вопрос отнюдь не праздный для современной России, в которой тот, кто читал и читает газету «Завтра», не читал и не читает газету «Сегодня» (она уже перестала выходить несколько лет назад), исключая специалистов-политологов. И отношение многих лингвистов к СМИ можно оценить как нормативно-пуританское. Когда в одном из докладов лингвист привел примеры из СМИ (из телепрограмм), ему возразили, сказав, что «вряд

ли им, редакторам программ, можно доверять». Но такой авторитетный лингвист, как Н.Ю. Шведова, газетными материалами не пренебрегала, особенно доверяя советской газете «Известия» и считая ее, по словам О.А. Лаптевой, «аккуратной к языку» газетой [Лаптева 2007: 239]. Те речевые факты, которые не вписываются в сложившиеся нормативные представления о языке, «грызут норму» (слова Л.В. Щербы). Именно они и должны быть предметом описательной лингвистики, задача которой состоит не только в их фиксации, но и в объяснении степени связи этих фактов с системой языка.

3.1. Л.В. Щерба отмечал, что «каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии, а следовательно, трудно ожидать скорого окончания какого-либо хорошего словаря. А словари нужны, и надо находить какой-то компромисс» [Щерба 1958: 72]. Н.Ю. Шведова найденный ею лексикографический компромисс сформулировала в виде пяти «парадоксов словарной статьи», квалифицировав словарную статью как «во многих смыслах противоречивый лингвистический жанр» [Шведова 2005: 420]. Что касается «типологии словесных окружений», представляющих собою «собственно научную информацию, необходимо заключенную в словаре», то Н.Ю. Шведова считает ее не нашедшей «теоретического обобщения и лингвистической интерпретации» [Шведова 2005: 421], может быть, по той причине, которую высвечивают слова Л.В. Щербы: «Язык все время изменяется. Всегда и везде есть факты, которые “грызут норму”, но при состоянии наших знаний мы не умеем их наблюдать» [Щерба 1958: 15].

Что же касается семантико-прагматической достаточности толкования, разрывающей устоявшиеся порочные круги, то эта проблема раскрывается в «пятом парадоксе» о «слове как единице, не знающей состояния покоя» и слове-вокабуле, взятом как «единица, находящаяся в состоянии покоя». «Центростремительный потенциал» слова обусловливает его «новые употребления», тогда как «центробежный потенциал» обеспечивает «в разной степени устойчивые синтагматические связи» [Шведова 2005: 424]. Но в любом случае «слово – в устах говорящего или под пером пишущего – открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширить круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства» [Шведова 2005: 433].

К «неожиданным столкновениям» можно отнести не только семантическое размежевание лексикографически избыточных означающих, но и семантическое сопряжение слов в индивидуальном сознании носителя языка, его идиолекте, которое ни идеографическими, ни синонимическими словарями не фиксируется, например, «парадоксальное сближение таких сущностей», как *причина*, *истина*, *смысл*, «которые несовместимы с точки зрения обыденного сознания», оказываются «концептуально соположенными» в «когнитивной деятельности» М. Цветаевой [Ляпон 2007: 111]. И хотя Н.Ю. Шведова считает, что в отличие от слова «никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна» [Шведова 2005: 433], тем не менее семантические сопряжения «далековатых» с точки зрения обыденного сознания понятий, в которых происходит неизбежная модификация значений сопрягаемых слов, способна, как представляется, со временем пошатнуть и «макромир». Большую динамику слова («микромира») и относительную стабильность множества, членом которого оно является («макромира»), можно квалифицировать как один из парадоксов речи и системы и подвести этот парадокс под две из уже названных и связанных между собою антиномии языка – «кода и текста» и «системы и узуса».

3.2. Обращение современной европейской лексикографической мысли и практики к составлению словарей сочетаемости очевидно связано со стремлением нарисовать языковую картину своего мира кистью и красками самого языка. Если глагольно-адъективная сочетаемость предметных имен во многом определяется логикой связей сто-

ящих за ними реалий (камень: *поднять, бросить, расколоть; серый, твердый, тяжелый, холодный*), то связанная сочетаемость имен абстрактных направляется сложившимися в культуре представлениями о стоящих за ними умозрительных, метафизических сущностях, их мифологией (свобода: *завоевать, отобрать, подарить свободу; свобода обрушилась на нас; свобода – болото, ветер*).

Во Франции был издан словарь, под названием «Dictionnaire des mots et des idées: Dictionnaire des termes cadrant avec les idées» («Словарь слов и идей: Словарь выражений в соответствии с идеями»). Впервые увидевший свет в 1956 г., словарь выдержал много изданий (1964, 1969 и др.). Во Введении к словарю говорится: «Название настоящего издания указывает на то, что в нем собраны основные имена, определения и глаголы, которые могут быть употреблены при необходимости в сочетании с некоторыми существительными»¹ [Lacroix 1969]. Можно сказать, что это один из первых словарей сочетаемости значимых для культуры имен существительных (за ними закрепилось название «культурные концепты») с существительными, прилагательными и глаголами.

Для АИ это всегда сочетаемость с вторичными предикатами (в генитивных конструкциях типа *стена равнодушия* предметное имя имеет статус «скрытого предиката»), поскольку АИ в силу неосвязаемости параметров стоящего за ним феномена (абстрактной сущности) не имеет своих предикатов (подробно в [Чернейко 2019]). Имя *жизнь (vie)* представлено в словаре большим списком сочетаемости, но интересны факты несовпадения имплицитных метафор, которые выводятся из глагольной сочетаемости в зависимости от актантного статуса АИ при глаголе в его основном, прямом (буквальном) значении: *passer* – ‘переправиться, перейти’ через жизнь (ср.: русская пословица, отрицающая представление о жизни как о физическом пространстве (определенного вида ландшафте – реке, поле и под.), которое можно преодолеть: *Жизнь пройти – не поле перейти*), адекватным эквивалентом в русском языке представляется сочетание *провести жизнь* с глаголом движения, но другого буквального значения; *perdre la vie* (‘терять’ жизнь, где жизнь мыслится в ее проекции на отчуждаемый предмет обладания), наиболее адекватным русским эквивалентом представляются сочетания *лишиться жизни* или *истратить жизнь* в зависимости от контекста; *troubler* (‘мутить’ жизнь, где жизнь осмысливается в ее проекции на жидкость с осадком на дне), а адекватный русский эквивалент – *вмешаться в жизнь*, интересно отметить, что в обоих языках в этих разных сочетаниях присутствует идея вещества, на которое имплицитно проецируется жизнь; *communiquer la vie ou sa vie* (‘сообщать, передавать’ жизнь, где имплицитурой сочетания является образ жизни как информации), наиболее адекватным русским эквивалентом представляется сочетание *вдохнуть жизнь*.

В словаре представлены в основном абстрактные имена существительные (АИ), поскольку именно они как идеи проецируются на предметный мир, что воплощается в их сочетаемости с предметными существительными, дескриптивными прилагательными и глаголами наблюдаемых действий, процессов и состояний (по Н.Д. Арутюновой, это «дескриптивные глаголы»). Но есть и предметные имена, например, *почерк (caractère écriture)*, который оценивается как *maigre* – худой, *grasse* – жирный, *allongée* – протяженный, *illisible* – нечитаемый, *plaisante* – забавный. Обращают на себя внимание несовпадающие параметры оценки типа *maigre* (по-русски *слабый, тонкий, без нажима*), *allongée* (по-русски *размашистый*), *plaisante* (по-русски скорее *странный*).

3.3. Принятое в лингвистике разделение грамматики на активную (с позиции говорящего) и пассивную (с позиции слушающего) в лексико-семантических исследованиях проявляется по-разному, но если лингвист считает, что сочетаемость слова является «фактором изменения его значения», то он занимает позицию слушающего, являющуюся

¹ Le nom du présent ouvrage indique que l'on y a réuni, autour de certains substantifs, les principaux noms, qualificatifs et verbes qui peuvent éventuellement être employés avec eux (перевод мой. – Л. Ч.).

ся единственной эмпирически реальной лингвистической позицией, которая позволяет моделировать позицию говорящего. Если же смотреть на семантические изменения слова с активной позиции, то именно изменение в сочетаемости слова свидетельствует об изменении смысла, в котором слово употреблено в конкретном контексте и которое придал ему говорящий [Чернейко 2015]. И не «новые элементы часто появляются под влиянием соседа по словосочетанию» [Лаптева 2007: 240], как считает О.А. Лаптева, рассматривая инновации с позиции пассивной грамматики, а новый сосед появляется у слова в речи, когда говорящий вольно или невольно вкладывает новый смысл или его новый оттенок в «старое означающее». Следует отметить, что изучение сочетаемости научного термина в научной речи является необходимым условием для адекватного представления той научной картины мира, которой термин принадлежит [Чернейко 2009].

Всякое новое явление, в соответствии с концепцией Н.Ю. Шведовой, входит в литературный язык через две ступени: «на первой оно сохраняет свою инородность» относительно этой системы, «хотя и употребляется» в языке; на второй оно становится членом системы при условии «регулярной воспроизводимости» (цит. по: [Лаптева 2007: 239]). В любом случае речевая семантизация тех лексических единиц, которые вовлечены в лексикографический круг, является свидетельством не только речевой креативности носителей языка, но и мерой лексико-семантической компетенции русской языковой личности. Однако без анализа условий употребления лексикографических дублетов (в дистактных семантико-синтаксических конструкциях и в контактных – синтагмах) нельзя установить, являются ли такие пары, как, например, *благодарность – признательность, препятствие – преграда, врунья – вруша, стачка – забастовка, капризы – прихоти, нахальный – наглый, аргументы – доводы* и многие им подобные, представленные в словарях как взаимобратимые единицы без экспликации их семантических и стилистических различий, истинными, языковыми дублетами (ср.: *Ну, секрет изготовления зеркал уже давно перестал быть тайной* – из разговора взрослого с подростком).

Как известно, семантическая общность идеографических синонимов синтагматически воплощается в их взаимозамене, а семантические различия могут быть проявлены, например, в конструкции уточнения. В ответ на читательскую критику первого выпуска «Словаря сословов» (2 часть «Собеседника») в 3 части помещено «Примечание на критику», в частности на ряд глаголов *учредить, установить, устроить*: «Не спорю, что в некоторых местах сии глаголы можно употреблять без разбору; но гораздо больше случаев, а особливо в важных и рассуждением наполненных сочинениях, где сии глаголы один вместо другого употреблены быть не могут» [Фонвизин 1783/3: 122]. Именно те случаи, где синонимы «один вместо другого употреблены быть не могут» (включая и их связанную сочетаемость), имплицитно указывают на их семантические различия, которые гораздо труднее поддаются обнаружению и осмыслению, чем их семантическая общность. Однако «трудность отыскания чего-либо, – как заметил Л.В. Щерба, – не доказывает еще отсутствие искомого» [Щерба 1958: 70].

3.4. Бесспорно, что «творчество в области слова есть уменьшение экстенциональной и интенциональной неопределенности слов-знаков» [Денисов 1980: 184], однако степень этой неопределенности разная в зависимости от семиотического статуса знака. Экстенциональная определенность предметных имен обеспечивается их свободной сочетаемостью, отображающей логику постижения мира физических реалий. Экстенциональная определенность имен абстрактных очерчивается (в основном) сочетаемостью связанной. В соответствии с подсчетами Н.Ю. Шведовой, «связанных глаголов», т.е. тех, которые реализуют присущее их структуре производное связанное значение «в сочетаниях с определенными словами», создающими «относительно широкие или узкие», но всегда «закрытые» списки [Шведова 2005: 437], в русском языке около 300.

Что касается интенциональной определенности этих двух типов имен, то для ее фиксации существует известное лексикографическое правило, согласно которому словарное толкование должно быть избыточным и достаточным. Внимательное чтение толковых словарей показывает, что избыточность толкования, размывающая его определенность, присуща интерпретации предметных имен за счет внесения в толкование разного рода сведений, которые оказываются либо за пределами границ языкового сознания социума (специальная, энциклопедическая информация, подобная той, которая представлена в уже упоминавшемся слове *колтун*), либо не имеют никакого отношения к стоящему за словом понятию, поскольку включают параметры не «предмета мысли», а «предмета восприятия».

Лексикографическое представление имен абстрактных характеризуется, напротив, недостаточностью толкования, приводящего к порочным кругам. Но семантическое размежевание лексикографических дублетов, превращающее их в синонимы с эксплицитно или имплицитно представленной семантизацией, способствует устранению интенциональной неопределенности того лексикографического подмножества, которое является парадигматическим контекстом для слова или его отдельного ЛСВ, если слово многозначно, и которое Н.Ю. Шведова обозначила термином «макромир».

4.1. Помимо сочетаемости важной лингвистической проблемой оказывается изучение контекстного распределения семантически близких слов при их совместном употреблении либо в пределах одного высказывания (в речи монологической), либо в репликах диалога. Сравним синонимические пары *благодарность – признательность* и *препятствие – преграда* в толковых словарях и в живой речи.

В соответствии с лексикографической интерпретацией пары синонимов *благодарность – признательность*, существительное *признательность* определяется как «воспоминание оказанной услуги или благодеяния», а *благодарность* – как «чувство, возбужденное также благодеянием, но за которое оно стремится оказать равную услугу. Второе гораздо сильнее первого и всегда предполагает как бы некоторое вознаграждение» [Калайдович 1818: 54]. «Словарь» Галича: *признательный* – «чувствительный к благодеяниям», *благодарный* – «чувствующий, памятующий признательность». «Слово *признательность*, кроме внутреннего живого чувства благодарности, которое таится в душе, заключает в себе еще понятие о внешнем изъявлении зависимости одолженного от своего милостивца, именно: соразмерным и посильным воздаянием, ласковостью, нежным участием, услугами» [Галич 1840: 110]. Сравнение приведенных лексикографических интерпретаций одного исторического периода существования русского языка показывает зеркальную противоположность семантизации двух близких, но нетождественных слов. Если и не противоположность, то, по крайней мере, существенные различия в истолковании близких по значению абстрактных имен, за которыми стоят умозрительные сущности (если это субстантив) или эмоциональные оценки (если это адъектив), коренятся не в лексикографической неискушенности составителей словарей, а в семиотическом статусе этих имен.

Д.И. Фонвизин приводит слова Гельвеция: «On disput tous les jours sur ce qu'on doit appeller Esprit: chacun dit son mot, personne n'attache les même idées à ce mot, et tout le monde parle sans s'entendre»¹. В словах Гельвеция обнажается суть проблемы абстрактного имени существительного, сводящейся к тому, что значимые для социума абстрактные имена являются «диалоговыми» и потому имеют «валентность на интерпретацию» (подробно в: [Чернейко 1997, 2010]). Эта особенность выводит на первый план лингвистического анализа изучение их сочетаемости, которая направляется сложившимися

¹ «Ведутся постоянные споры о том, что должно называть именем Esprit, каждый употребляет свое слово, никто не связывает с ним тождественной идеи, и все говорят, не понимая друг друга». Существительное французского языка Esprit покрывает то семантическое пространство, которое в русском языке распределяется между абстрактными именами *ум, рассудок, остроумие, сознание, дух, смысл*. Перевод и комментарий Л. Ч.

в культуре представлениями о стоящей за АИ абстрактной, умозрительной сущности, находящейся, как показывает внутренняя форма прилагательного *умозрительный*, за пределами физического восприятия и потому не имеющей наглядного прототипа.

В третьем томе «Русского семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, где собраны имена абстрактные, слово *признательность* дается как однозначное и попадает в рубрику «Разные чувства, эмоции, их проявления». Под этой же рубрикой находит себе естественное семантическое место и многозначное (четыре значения) существительное *благодарность* в одном из лексико-семантических вариантов – ЛСВ 2. Слова-синонимы толкуются следующим образом: *признательность* – «благодарность за услугу, внимание», *благодарность* – «доброе чувство к кому-н. в ответ на помощь, услугу, внимание» [Шведова 2003: 246]. Приводимые синтагмы, иллюстрирующие употребление выделенного ЛСВ имени *благодарность*, интересны тем, что в них возможна его замена существительным *признательность*: *принять с благодарностью (признательностью), проникнуться благодарностью (признательностью), подарок в знак благодарности (признательности)*.

Субституция, как известно, есть свидетельство большой семантической общности слов или их отдельных ЛСВ. Однако, как показывают наблюдения за современной русской разговорной речью, ближе к отражению этого участка системы стоят не современные лексикографические интерпретации, а те, что были предложены в XVIII в. (в частности П. Калайдовичем) и приведены выше. Например: *Тебе врача надо отблагодарить. – Да. А как ты думаешь, сколько?* (разговор); *А как нам выразить Вам свою благодарность? – Скажите «спасибо».* – *Ну, не в этом смысле... – Тогда поблагодарите свою судьбу, которая меня выбрала исполнителем своей воли, своей рукой* (из разговора с моим участием. – Л. Ч.).

Примечателен следующий контекст, где синонимы представлены в диалоге, при этом в реплике А. Венедиктова они находятся в отношениях не свободного варьирования, а позиционного распределения – второй уточняет первый: *Не появляются ли у вас чисто человеческие обязательства перед этим человеком? Благодарность, например?* – А. Венедиктов: *Благодарность есть, безусловно. Признательность, я бы сказал* (Интервью А. Венедиктова МК. 26 июня 2015). Словом *благодарность* называется и соответствующий речевой акт, включающий не только это титульное слово, но и такие слова и выражения (перформативные высказывания), как *спасибо, благодарю, я вам признателен*. Но современная культура предполагает овеществленную благодарность, что явствует из таких присловий, как, например, *«Спасибо» на хлеб не намажешь; Спасибо много, а три рубля в самый раз* (из советских времен).

4.2. Слова *вруша* и *врунья* даны в словарях как семантические дублиеты. И стилистических различий между ними не отмечено, поскольку оба они принадлежат сниженному стилю и функционируют в разговорной речи. Но не надо быть лингвистом, чтобы заметить, что в этих оценочных словах представлена разная степень неодобрения говорящим поведения человека (женского пола): первое выражает снисходительное отношение к одному из человеческих недостатков, во втором говорящий, порицая этот недостаток, выражает негативное отношение к адресату оценки, что требует пометы «грубое». Так что внутри сниженного стиля, которому они принадлежат, происходит их дальнейшее эмоционально-стилистическое размежевание. Но в контексте *Она была не врунья, а вруша. На первый взгляд это одно и то же. Но это совершенно разные вещи. По задачам. Врунья врет в тех случаях, когда путем вранья она пытается чего-либо достичь. Это оружие, средство. А вруша врет просто так. Низачем* (В. Токарева. Старая собака) эти слова разграничиваются по параметру «корыстие / бескорыстие».

Такую индивидуальную семантизацию можно принимать или не принимать, считая ее субъективной. Но именно она объясняет неодинаковое поведение этих слов в разных речевых ситуациях. Так, девочку нельзя назвать *врунья*, потому что слово это обнажает

неприязнь говорящего к адресату оценки. Именно таким представляется прагматическое содержание пометы «грубое»: резко негативное отношение к человеку, выражаемое через оценку его отдельного качества. Маленькие дети даже если и говорят неправду, то, как правило, не с целью, а по причине, но если цель и есть, вряд ли в ней можно усмотреть корысть, а если и можно, то детская корысть качественно отличается от корысти взрослых. Таким образом, речевая оппозиция лексикографических дублетов строится еще и по более общему параметру «наличие / отсутствие цели», который присущ и другим единицам языка, например глаголам целеполагания.

Как показывают наблюдения над текстами В. Токаревой, такая эксплицитная авторская семантизация, аналогичная текстовой дефиниции, является приметой ее стиля, своего рода интеллектуальной игрой (ср.: *Вы алкоголик? – Нет, я пьяница. – А какая разница? – Большая. Пьяница – хочет, пьет, не хочет, не пьет, а алкоголик – хочет, пьет, не хочет, тоже пьет.* В. Токарева. Сценарий к/ф «Перед экзаменом»). Однако речевая семантизация присуща и текстам СМИ, и обыденному разговору, но чаще имплицитная.

4.3. Слова *стачка* и *забастовка* представлены в словарях как дублеты. По мнению М.В. Панова, более редкое слово *стачка* не стало принадлежностью высокого стиля, поскольку оно встречается в любых синтагматических рядах, в любом соседстве, как и слово *забастовка* [Панов 1963]. Действительно, эти слова имеют тождественную сочетаемость, например, сочетаются с такими фазисными глаголами, как *начаться, вспыхнуть, завершиться*, и как будто семантически ничем не различаются. Однако для этих лексикографических дублетов семантически показателен такой дифференцирующий контекст: *Экономическая неудовлетворенность порождает экономические забастовки. Безверие в способность правительства выполнить данные обещания, справиться с ситуацией ведет к политической стачке* (НГ. 25.01.1994).

В контексте *Эта стачка грозила перерасти в забастовку* (из ТВ-передачи) сосуществование этих слов в одном высказывании представляет их как градационные синонимы, что маркировано глаголом *перерасти*, выявляющим семантический компонент «степень», из чего следует, что забастовка как протестное движение имеет более массовый характер, чем локальная стачка. Но поскольку имя *забастовка* является более употребительным в современном русском языке, чем имя *стачка*, постольку адекватным представлением оппозиции следует признать такое, где *стачка* – маркированный член привативной оппозиции. Что касается прилагательного *локальный*, то именно оно создает условия для субституции этих речевых слов-синонимов, так как выносит в синтагму смысл, имеющий прямую семантическую связь с дифференциальным семантическим признаком оппозиции [Чернейко 1983, 1997].

5.1.1. Исследование поведения лексикографических дублетов в речи позволяет выявить как специфику контекстов, свидетельствующих о семантической самостоятельности лексических единиц, типология которых релевантна и для идеографических синонимов, являющихся аргументированно признанными самостоятельными единицами лексико-семантической системы языка, связанными определенным родом системными отношениями, так и синтагматические показатели (маркёры) этой самостоятельности. Таких типов контекстов два: эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные контексты можно разбить на три подвида, где представлены: а) семантическое согласование имени с синтагматическим партнером (а1 «градация» и «превращение» как особый подтип отношений), б) текстовая дефиниция, аналогичная словарной, в) метатекстовые показатели. Проиллюстрируем выделенные подтипы экспликации контекстами с комментарием.

а) Субстантивы *безразличие – равнодушие* (и соответствующие прилагательные) словарями не семантизированы. Однако в контексте *В последнее время он всё больше ощущал какое-то непривычное для него безразличие* (М. Ибрагимбеков) вряд ли воз-

можно заменить одно слово другим, поскольку мешает семантическое согласование имени с общей интравертной направленностью высказывания (*непривычное для него*). Если человек говорит о своем собственном состоянии, каким он его воспринимает в акте саморефлексии (в данном случае это индифферентность), то точным знаком для его идентификации является слово *безразличие*. Словом *равнодушие* в русском языке обозначается не психическое состояние человека, а скорее психофизический тип человека, его характер. Поэтому если речь идет о другом, то говорящий для обозначения своего восприятия его отношения к себе может выбрать любое из двух слов, например: *Я ощущал его безразличие / равнодушие*. Таким образом, оба синонима сочетаются с глаголом *ощущать*, но семантико-синтаксическую роль в их распределении играет субъектная перспектива: человеку в ощущении может быть дана индифферентность другого, оцениваемая и как *безразличие*, и как *равнодушие*, но для обозначения своего собственного состояния говорящему подходит только слово *безразличие*.

а1) Градационные отношения лексических единиц и их синтагматические показатели разнообразны, но тем не менее могут быть обобщены. В уже приводимом выше контексте с синтагмой *перерасти в забастовку*, а также в контексте *Казалось бы, состояние общества должно было сначала вселять беспокойство, потом тревогу* (МН. 1987. № 36) представлена градация одного параметра по возрастающей линии: тревога – более интенсивное психосоматическое состояние, чем беспокойство, а забастовка масштабнее стачки. Члены градуальной оппозиции занимают строго определенную семантико-синтаксическую позицию, в соответствии с чем употребления **забастовка грозила перерасти в стачку* или **сначала была тревога, потом беспокойство* не представляются семантически обоснованным, поскольку в них нарушается семантическое согласование между глаголом и именем его правого актанта.

В экспликации градационных отношений синонимов принимают участие и глаголы движения в их связанном значении, такие, как, например, *идти, доходить: И оттого я от веры иду к уверенности – Тяньаньмэня избежим; Законодатели, идущие от самостоятельности к независимости* (МН. 1989. № 52); *Во все обозримые времена они занимались своим прибыльным делом с упоением, доходящим порой до самозабвения* (Известия. 1990. № 162); *Заговорили оба, но князь вдруг закричал, как бы в сильном раздражении, доходящем до бешенства* (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Частым семантико-синтаксическим маркером градационных отношений синонимов, а также лексикографических дублетов является усилительная частица даже в функции союза, совмещающего уточнение и градацию: *Я по натуре человек застенчивый, даже робкий* (Неделя. 1989. № 50); *И неприязнь, даже ненависть к сложности* (НГ. 18.11.1991); *Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом* (А. Островский. Без вины виноватые); *Он такой смелый, даже отважный* (из разговора). Если в приведенных контекстах вектор градации – усиление, то в контексте *Он ожидал похвалы или, по крайней мере, одобрения, но Петрович только молча кивнул головой* (А. Галин. В одном стрелковом полку) – ослабление, а вводная конструкция по крайней мере легко заменяется союзом-частицей *хотя бы*, маркирующей малое количество чего-либо или его уменьшение, а также ослабление качества (*похвалы, хотя бы одобрения*).

К уже приводимому контексту со словами *стачка – забастовка*, семантическая дифференциация которых манифестирована глаголом с сугубо количественным значением *перерасти*, примыкают контексты с такими глаголами «превращения» (инхоативами), как *превращаться, вырождаться, становиться: Почему критические дискуссии превращаются в семейные перебранки* (Правда. 1987. № 226); *Конфликт вырождается в склоку, когда один из участников в этом заинтересован и умело манипулирует оппонентами* (Знание – сила. 1985. № 3); *Сначала она (работа. – Л. Ч.) новая, потом становится привычной, ну а затем – рутинной* (Русский мир. Июль. 2015).

Семантико-синтаксическая особенность инхоативов состоит в том, что они связывают идеей превращения, как правило, две стадии одного явления (например, *молодой человек превратился в старика, вещь из новой превращается в старую*), однако логически они могут связывать и разные явления, но мира невидимого – осязаемого или умопостигаемого. При этом имена, обозначающие чувственно воспринимаемую ситуацию (*склока, перебранка*), непременно включают в свою семантику интерпретанту, придающую им статус оценочного имени (с рациональной и/или эмоциональной оценкой). Метаморфозы материальных феноменов («оборотничество») заполняют фантазийные пространства фольклорных текстов, а также текстов художественной литературы. Что касается непредметных имен, то семейная перебранка вряд ли может превратиться в диалог, имя которому *дискуссия*.

Семантика глагола *вырождаться* в однозначно указывает на ту степень деградации, которая, по мнению говорящего, присуща вводимому именем правого актанта феномену, что сопровождается его оценкой. Именно поэтому невозможна взаимообратимость имен *конфликт* и *склока* ни в приведенном контексте, ни в каком бы то ни было другом. Кроме того, *склока* – слово стилистически маркированное (сниженное) и с пейоративной оценкой, что и обеспечивает ему синтаксическую роль правого актанта при глаголе, с которым оно прочно связано семантическим согласованием.

В отличие от градационных отношений отношения превращения не имеют таких синтагматических ограничений на распределение имен при глаголе, но только имен предметных и только при семантически немаркированном глаголе *превращаться*: тыква – в карету, карета – в тыкву; медведь – в принца, принц – в медведя.

Инхоативы представляют собой интересный класс глаголов для изучения семантических отношений имен, заполняющих их валентности, поскольку именно эти глаголы являются частыми синтагматическими маркерами их семантической нетождественности. Смысл 'превращение' часто сопровождается изменением интенсивности проявления профилируемого параметра, который обозначается именем левого актанта, или, напротив, количественные отношения, присущие градационной лексико-семантической оппозиции синонимов, осложняются идеей превращения X в новое качество Y, например: *По всем признакам его ожидание уже переросло в нетерпение* (МК. 1990. №9); *Нельзя, чтобы человек страдал от неурядиц, на каждом шагу вырастающих в проблемы* (Неделя. 1989. №50); *Сначала она (работа. – Л.Ч.) новая, потом становится привычной, ну а затем – рутинной* (Русский мир. Июль. 2015); *Их сражение на наших глазах превратилось в побоище* (из разговора).

5.1.2. Если на факты речи смотреть «сверху», с аналитически выверенных возможностей системы, то возникает такая важная для структурной лингвистики проблема, как характер лексико-семантической оппозиции близких, но нетождественных единиц (синонимов, гипонимов) и выявление закономерностей их распределения в синтагматическом окружении того или одного инхоатива (например, левую валентность глагола *превращаться* способен заместить только немаркированный член оппозиции, с узким сигнификатом: *конфликт, диалог*, а правую – только маркированный: *склока, перебранка*. Но в любом случае семантика и глаголов превращения, и маркеров градационных отношений не допускает в качестве актантов семантически тождественных единиц. И если лексикографические дубликаты попадают в сферу действия указанных единиц, то это означает не что иное, как их семантическую дифференциацию.

б) Примеров на текстовые дефиниции множество, и есть лингвистические работы, избравшие этот материал в качестве предмета изучения. Текстовые дефиниции являются приметой научно-популярных текстов, когда популяризатор науки объясняет аудитории то, что она, по его мнению, либо не знает, либо знает на обывательском уровне, не так, как того требует наука. В научном тексте дефиниция термина вводится в том

случае, если предлагается его отличное от уже сложившегося понимания либо когда абстрактное явление, стоящее за словом, имеет множество интерпретаций, например: *Нынче слово «цивилизация» только ленивый не употребляет и при этом кто во что горазд. Применительно к современному миру самым правильным будет обобщить так: цивилизация – это ареал и продукт распространения определенной мировой этической религии и выросшей на ее базе культуры* (В. Рыбаков. Пропасть господства. ЛГ. 2014. №25).

Кроме того, предлагается семантизация таких пар слов, которые в наивном сознании тождественны (дублеты), а наукой дифференцируются, например, пара прилагательных *социальный – общественный*: *Социальное – это всеобщая, исходная и наиболее абстрактная характеристика всей психики человека. Тогда общественное – это не синоним социального, а более конкретная характеристика различных частных проявлений всеобщей социальности* (Вопросы психологии. 1987. №5) и существительных *правило – требование*: *Значения этих слов почти синонимичны, но терминологически между ними есть разница: правило – это положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений. Требование – условие реализации правил* (Вопросы психологии. 1984. №5).

5.1.3. Примечательно в этих контекстах употребление термина «синоним» как способа обозначения явлений тождественных. Следует отметить, что при общей лингвистической солидарности в признании синонимами слов, обязательно различающихся, употребление термина «синоним» как в научной среде, так и за ее пределами, свидетельствует о том, что в фокусе внимания говорящих находится их сходство, а не различия. При этом лингвисты высказывают прямо противоположные мнения относительно количества синонимов в современном русском языке в зависимости от той концепции синонимичности слов, которой они придерживаются: «Настоящих синонимов в естественном языке достаточно мало. Гораздо чаще встречаются слова с близкими, очень похожими, но неполностью совпадающими значениями» [Кронгауз 2001: 171]), из чего вытекает, что «настоящие» синонимы – это дублеты, а их мало; «В естественном языке достаточно большое число слов с полностью совпадающими лексическими значениями», «Если понимать точные синонимы в определенном... смысле, то в естественных языках их не так уж и мало» [Апресян 1974: 218, 224], из чего следует, что синонимы – это дублеты, и их много.

Отличие терминов науки от синонимов общеизвестного языка состоит в том, что синонимы, будучи единицами близкими, но нетождественными, могут находиться в отношениях функциональной эквивалентности в том случае, когда в синтагме присутствует слово, семантически связанное с дифференциальным признаком синонимической оппозиции (об этом шла речь выше, подробнее в: [Чернейко 1983, 1997, 2010]), т. е. в условиях нейтрализации. Характер семантической оппозиции идеографических синонимов определяет и их функциональные возможности, и их позиционное распределение: поскольку семантическая общность синонимов является нетривиальной, не повторяющейся в других оппозициях лексико-семантической парадигмы, членом которой они являются, а в дифференциальном признаке заключен смысл повторяющийся (оппозиция одномерная пропорциональная), постольку в условиях нейтрализации дифференциального признака и актуализуется семантическая общность синонимов (идеографических), что и обеспечивает им функциональную эквивалентность и, как следствие, субституцию. Однако невозможность взаимозамены членов семантической оппозиции в любых контекстах обуславливает их позиционное распределение, между тем как истинные дублеты находятся в отношениях свободного варьирования (*правописание – орфография*).

5.1.4. Применительно к близким по значению терминам действует другой закон: термины сохраняют свою семантическую специфику в любых условиях контекста, а выражение «синонимичные термины» применимо лишь к разным, сигнификативно соположенным терминам, разных направлений одной науки.

в) Рассмотрим следующие контексты: *«Кризис» в каком смысле? Общий кризис тоталитарного «социализма», который точнее бы назвать банкротством?* (МН. 1990. №1990); *Я веселая, вернее сказать, жизнерадостная* (из разговора); *Она* (жалость к жене. – Л. Ч.) *тотчас сменилась жалостью к себе и самой банальной злостью, если не сказать злобой* (В. Белов. Воспитание по доктору Споку); *Вопрос о самостоятельности телевидения, если хотите, его независимости* (из ТВ); *Уже и сейчас идет отток талантливой молодежи. В сторону бизнеса? Нет, спекуляции* (Правда. 1991. №284). Во всех этих примерах есть общее – поиск подходящего слова для названия явления через такие глаголы называния, которые в данном случае выполняют метатекстовую функцию. И выражение *если хотите*, и отрицание принятого обозначения с заменой его на оценочное свидетельствуют об обращенности сознания говорящего в большей степени к языковому коду, чем к внеязыковой действительности. Помимо этого такие контексты часто обнажают борьбу идей – социальных, политических или научных – и непременно коннотируют оценку противной (во всех смыслах) позиции. Об одном и том же факте можно сказать *эклექтика* или *эрудиция* в зависимости от отношения к адресату оценки. Метаязыковая направленность говорящего может соединить и то, что логически трудно соединимо (см. выше факты соединения несоединимого у М. Цветаевой из статьи М.В. Ляпон), например: *Классический дуэт «покупатель-продавец» правильнее было бы назвать дуэлью* (Известия. 1990. №162). Такая речевая креативность связана не только с антиномией «кода и текста», но и с антиномией двух функций языка – «информационной и экспрессивной».

5.2. «ИмPLICITными» следующие контексты названы условно и только потому, что их семантизация не развернута, но обозначена синтаксическими средствами связи, такими, как союз: *К слушателям льется ностальгия исполнителя по своему городу, улице, двору, Красной площади, соседям, нехваткам и дефицитам* (Л. Гурченко. МН. 1989. №44); *И если оно* (отсутствие договора. – Л. Ч.) *и препятствие, то все же не преграда* (Ю. Выборнов. ТВ «Время». 22.01.1990); *У него есть доводы, но нет доказательств; Ваши доводы не аргументы* (из разговора); *Наша позиция по отношению к новой демократической власти – условная поддержка. Мы для новой власти не сторонники, а соратники* (Ю. Афанасьев. Известия. 07.10.1991); *Некоторые находили, что спасение было вполне возможно, но не воздействием на него другого – сильного – ума, а влиянием близкого человека* (Л. Андреев. Рассказ о Сергее Петровиче). В отличие от «эксплицитных» контекстов, которые явно дифференцируют семантические различия синонимов (или лексикографических дублетов), «имPLICITные» являются слабо дифференцирующими.

Семантика противительных союзов с достаточной определенностью указывает не только на семантические различия соединяемых слов, но и на их языковую и/или речевую противопоставленность (*соединять, не смешивая; не смелый, а трусливый*). Но если речь идет о синонимах (например, стилистических), то в такой синтаксической конструкции актуализируется аксиологическое (семантико-прагматическое) различие и у стилистически маркированных слов, которые, как известно, денотативно тождественны нейтральным (*Это не проекты, а прожекты*).

Что же касается соединительного союза *и*, то его функционально-семантическая особенность давно определена и состоит в том, что он соединяет отдельные самостоятельные и логически равноправные понятия (денотативно-сигнификативные логические комплексы): *В зоопарке были слоны и крокодилы при *В зоопарке были животные*

и крокодилы, а также *В зоопарке были гиппопотамы и бегемоты. Невозможно также соединить этим союзом денотативно тождественные стилистически маркированные единицы, например, *Ему нравились ее глаза и очи (ср. хрестоматийное: У Ули были не глаза, а очи) или *Волосы падали на лоб и закрывали чело.

Предложения *По стране прокатилась волна стачек и забастовок; Он выполнял все ее капризы и прихоти; Они преодолеют все препятствия и преграды* не воспринимаются как аномальные. Более того, по ним можно судить о семантической самостоятельности лексикографических дублетов и превращении их в идеографические речевые синонимы. Однако по ним нельзя определить, в чем же состоит семантическое различие сопряженных союзом слов. Требуется привлечение разножанровых текстов, в том числе диалогов обыденной речи, чтобы подтвердить факт их языковой синонимичности.

5.3. Новые слова чаще всего создаются при помощи имеющихся в языке словообразовательных средств по определенным продуктивным моделям, либо возникают на базе употребления слова в новом смысле (внутрисловная деривация, эпидигматика, или, по Л.В. Щербе, «семантический способ словообразования» [Щерба 1958: 18]), либо заимствуются. Возникновение в речи самостоятельных лексических единиц в результате преодоления лексической избыточности языка или лексикографической недостаточности можно назвать «**семантическим словотворчеством**», уменьшающим асимметрию означающих и означаемых непредметных «макромиров» лексикона, проявляющуюся у слов данного семиотического статуса не в полисемии, а в синонимии. Кроме того, такого рода процесс соответствует «нормальному мышлению», а его особенность К. Леви-Стросс лингвистически сформулировал следующим образом: «нормальное мышление всегда страдает от недостатка означаемого, в то время как так называемое патологическое мышление (по крайней мере в некоторых его проявлениях) располагает избытком означающего» [Леви-Стросс 2000: 188]). А те тонкие, трудноуловимые отличия, которые эксплицируют в речи лексикографические дублеты, или те, которые трудно обнаружить в идеографических синонимах, суть самые существенные в слове, так как благодаря им слово живет в речи. И только «семантический дальтонизм» (выражение И.А. Бодуэна де Куртенэ) может помешать носителям языка увидеть их.

Однако есть люди, имеющие дар ловить смыслы, заложенные в потенциях культуры, и выражать их в своей речи, что, бесспорно, повышает и ее рациональность, и ее экспрессивность. Семантическое размежевание лексикографических дублетов в речи усложняет лексико-семантическую систему языка, удлинняя код. Однако синтетическому строю русского языка такой процесс не только не противоречит, но проявляет креативные возможности самой системы.

Вывод. Как отмечал Л.В. Щерба, «нельзя забывать того, что, занимаясь “языком”, мы лишь обобщаем частные случаи “речи”, которые только и даны в опыте. Эти обобщения обнаруживаются на фактах “речи”, которые оставались бы необъяснимыми без предположения наличия этих обобщений» [Щерба 1958: 23]. Поэтому лексикографические факты, квалифицируемые как «лексикографическая недостаточность», воспринимаются таковыми исключительно на фоне существующих теоретических достижений лексико-семантической науки и лексикографии как ее прикладной отрасли. Н.Ю. Шведова теоретически обосновала объективно существующую неизбежность такого лексикографического недостатка, как избыточность означающего даже в высокоразвитом литературном языке, не только обеспечивающую язык запасом семантической прочности, но и открывающую творческие перспективы носителям языка и нормального, непатологического мышления, для которого, согласно К. Леви-Строссу, нормальным является недостаток означаемого, т. е. поиски смыслов.

2. ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАЛЕКСЕМ (ПРЕДМЕТ, ВЕЩЬ, ОБЪЕКТ)¹

1. Среди абстрактных имен существительных (АИ), основная семантическая особенность которых заключается, как уже было сказано в первом разделе, в их умозрительности, т. е. в отсутствии чувственно воспринимаемого фрагмента действительности, стоящего за именем и выделенного им (наглядного прототипа класса), металексем (метаимена) занимают особое место. Абстрактные имена создают метафизический мир культуры, состоящий из ее специфических моделей, представляющих собой «вторичные образы» реальности, артефакты, сложным образом преломляющие первичную реальность – природу и социум. Имея слабую опору в эмпирической действительности, абстрактные сущности не обладают независимым от языковой материи бытием.

Что же касается метаимен, то они сами являются опорой сознания в структурировании действительности как результат высшего уровня ее обобщения. В том аспекте они аналогичны таким грамматическим категориям, как «предметность» (*ПРЕДМЕТ, ВЕЩЬ, ОБЪЕКТ, РЕАЛИЯ*), «процессуальность» (*ПРОЦЕСС, ДЕЙСТВИЕ, АКТ, СОБЫТИЕ*), «атрибутивность» (*СВОЙСТВО, КАЧЕСТВО, ПРИЗНАК, АТТРИБУТ*). Эти имена грамматичны и по той причине, что способны к более частным строевым функциям (*на предмет, в процессе, в качестве*). Как метаимена (после- или над-имена) они обозначают наиболее общие свойства и признаки явлений и потому являются именами-категориями, т. е. определенными базовыми параметрами отдельных единичных фрагментов физического мира (греч. *kategoria* – высказывание, *kategorikos* – утверждающий).

В отличие от имен конкретных, предметных (имен-«денотативов», по терминологии Д.Н. Шмелева), в которых происходит категоризация физического мира и семантика которых является «плотной» [Шмелев 1973: 276], семантика метаимен представляется максимально разреженной, а сами они принадлежат к множеству слов с «плавающим означаемым».

В «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой (далее РСС) метаимен *ПРЕДМЕТ* на основании выделяемых в нем значений включено в две разные рубрики: в подрубрику «Собственно общие обозначения» (наряду с именами *ВЕЩЬ, РЕАЛИЯ, ШТУКА: Странный предмет был в его руках*) рубрики «Названия разных предметов по форме, состоянию, составу, по местонахождению, по непостоянной функции или по употреблению» тома 2 «Имена существительные с конкретным значением» и в подрубрику «Слова со значением собственно дейктическим» (наряду с именами *ВЕЩЬ, ОБЪЕКТ, ДЕЛО* и некоторыми другими, выполняющими функцию местоимения-связки при субъекте оценочного суждения, выраженном абстрактным именем, например: *Восток – дело тонкое*) рубрики «Слова дейктические и оценивающие» тома 3 «Имена существительные с абстрактным значением».

Квалификация рассматриваемых метаимен как конкретных противоречит принятому авторами критерию «конкретности». В предисловии к тому 3 отмечено, что «есть классы слов, в значениях которых вообще трудно провести разграничение между абстрактным и конкретным значением имени» [Шведова 2003: XXI], и именно к этому классу отнесены слова упомянутой рубрики «Названия разных предметов по форме (и другим параметрам)» тома 2, где собраны имена конкретные. Разграничить абстрактные и конкретные имена, а также соответствующие значения в рамках одного имени действительно трудно, если не предложен критерий разграничения. Но составители РСС такой критерий сформулировали: конкретная лексика «относится к именованию вещей и предметов, принадлежащих к материальному миру и воспринимаемых физически: наглядно или

¹ В основе данного раздела лежит переработанный и дополненный материал статьи: Металексеммы русского языка: лексикографическая интерпретация и общие принципы их семантического анализа (имя *ПРЕДМЕТ* и смежные с ним) // Исследования по семантике. Вып. 24. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 359–373.

осознательно. При осмыслении и толковании конкретного имени существительного сознание... обращается к реальному, физическому образу и находит его в мире живых существ и конкретных предметов» [Шведова 2003: XXI].

Концептуальное противоречие авторов словаря видится в следующем. Во-первых, из того факта, что имя способно называть единичный фрагмент физической действительности (*Из тумана выплыли очертания темного предмета* – РСС), вовсе не следует вывод о его семиотическом статусе (предметное оно или абстрактное). Так, при повторной номинации референтом любого гиперонима является конкретный физический объект (*ВОДОЕМ* обозначает реку или озеро, *ПЛОД* – яблоко или грушу, *ДЕРЕВО* – березу или дуб), но своего статуса единицы с преобладанием сигнификативной, классифицирующей функции над номинативной, статуса гиперонима они не теряют.

Во-вторых. Что касается метаимен (и имени *ПРЕДМЕТ* в частности), то их осмысление (лексикографическое в том числе) не может опираться на «физический образ», поскольку метаимя критерию наглядности, создаваемой самим именем, не соответствует: *Молния у него залила и потопила всё, как будто бы с тем... чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя* (Н.В. Гоголь. Статьи); *Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим... и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы* (Н.В. Гоголь. Невский проспект). Если в первом контексте речь идет о воспроизведенных на художественном полотне и заполняющих его пространство фрагментах ситуации и деталях (всех, любых), то во втором контексте имя *ПРЕДМЕТ* имеет еще более широкое значение – ‘всё, что не-Я’, т. е. обозначает любой фрагмент физической действительности (единичный, дискретный), включая и людей, что не противоречит функциональным возможностям имени, проистекающим из его широкой семантики (ср.: *предмет его обожания* – всегда лицо, например, в шуточной формуле ситуации «стрелять глазами» – *в сторону, на нос и на предмет*, т. е. на человека). Кроме того, возникает вопрос о правомерности словосочетания «физический образ» в таком жанре научного текста, как семантический словарь, и, шире, в научном языке: если физический, то не «образ», а реалья, семиотизированный фрагмент физической действительности, если же «образ», то не физический, а идеальный, даже если этот образ перцептивный, представляющий собой след увиденного предмета в сознании.

2. Лексикографической особенностью метаимен является не столько то, что «они способны войти в определение любой... единицы» [Шведова 2002: 551] того множества, которое они задают (для метаединиц это норма, проявление их категориальной классифицирующей функции), сколько «порочный круг толкования». Эта особенность – недостаточность толкования в противоположность избыточности толкования конкретных имен – в разной степени присуща всем абстрактным именам, поскольку они стоят на службе у идеальной действительности, континуальной по своей природе, дискретизация которой обеспечивается только именованием, вещностью означающего. Мир, стоящий за абстрактными именами, дискретен антропоцентрически, а не онтологически. Он членится именем, и его дискретность обусловлена дискретностью материальной стороны знака как физической величины, а не материальностью отдельных и самостоятельных элементов физического мира (онтологически дискретных тел). Что касается «счетных» абстрактных имен, т. е. грамматически «конкретных», то «конкретны они только морфологически, и дискретность стоящих за ними фрагментов действительности языковая (символическая), противопоставленная дискретности физических объектов» [Чернейко 2001: 477].

В РСС порочный круг толкования анализируемых метаимен присутствует в обеих рубриках. В группе «Собственно общие обозначения» (это собственно метаимена) из интересующих нас слов представлены *ВЕЩЬ* и *ПРЕДМЕТ* (том 2). Имени *ПРЕДМЕТ* предписана дефиниция ‘нечто материальное, отдельное и оформленное, воспринима-

емое зрительно (возможно также на вкус, на ощупь, обонянием)’, а имя *ВЕЩЬ* толкуется как ‘неодушевленный предмет’. Следует отметить, что дефиниции других имен этой группы включают как имя *ПРЕДМЕТ* (*СРЕДСТВО* и *ШТУКА*), так и имя *ВЕЩЬ* (*РЕАЛИЯ* и *ШТУКОВИНА*). Имя *ОБЪЕКТ* в данной группе отсутствует.

В группе «Слова со значением собственно дейктическим» тома 3 (а это метаимена в их дейктической функции, метаимен-дейксис) имя *ПРЕДМЕТ* входит в дефиницию имени *ВЕЩЬ* (‘нечто: предмет, явление, ситуация, слова’) и в дефиницию одного из двух приведенных здесь значений имени *ОБЪЕКТ* (‘явление, ситуация, событие, предмет познания, на который направлена деятельность, внимание’), а имя *ОБЪЕКТ* – в дефиницию имени *ПРЕДМЕТ* (‘объект приложения какого-н. действия, познания, внимания’). Что касается имени *ОБЪЕКТ*, то первое из его значений сформулировано как ‘то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира’ и дано с пометой «спец.». Однако совершенно неясна мотивация введения этого значения в группу дейктических имен, поскольку это значение коррелирует с соответствующим значением имени *ПРЕДМЕТ* в группе «Собственно общие обозначения» тома 2.

Таким образом, выявленный «порочный круг» толкования метаимен в РСС имеет следующий вид: имена *ВЕЩЬ* и *ОБЪЕКТ* толкуются через имя *ПРЕДМЕТ*, а имя *ОБЪЕКТ* входит в дефиницию имени *ПРЕДМЕТ*. Совершенно очевидно, что семантическая интерпретация метаимени *ПРЕДМЕТ* и смежных с ним, представленная в РСС, не снимает тех вопросов, которые возникают при анализе их дефиниций в других словарях. Очевидно также, что система взаимоотношений анализируемых метаимен в разных толковых словарях совпадает лишь частично, что обусловлено различием в понимании составителями семантических связей между вокабулами. Например, в словаре С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой 1991 г. и имя *ВЕЩЬ* (‘отдельный предмет’), и имя *ОБЪЕКТ* (‘предмет, на который направлена чья-н. деятельность’) толкуются, как и в РСС, через имя *ПРЕДМЕТ*, но в отличие от РСС в дефиниции последнего присутствуют оба имени: в первом значении ‘всякое материальное явление’ представлено имя *ВЕЩЬ*, а во втором ‘то, на что направлена мысль, какое-н. действие’ – имя *ОБЪЕКТ*.

Хотя зона референции метаимен (и, в частности, имен поля ‘*ПРЕДМЕТ*’) достаточно неопределенная, трудно очертить ее семантические границы и структурировать содержание каждой единицы набором семантических маркёров, о чем свидетельствуют лексикографические «порочные круги» не только в толковых, но и в философских словарях, тем не менее каждая попытка семантизации метаимен открывает некоторые новые перспективы их осмысления. «Порочные круги» дают важную информацию семантологам, поскольку «не только фиксируют принадлежность к металексике, но и задают отношения внутри нее» [Кнорина 1996: 113].

3. Анализ лексикографического представления метаимен *ВЕЩЬ – ПРЕДМЕТ – ОБЪЕКТ* показывает центральное положение имени *ПРЕДМЕТ* в этом ряду. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова это имя входит в дефиниции четырех из семи выделенных значений вокабулы *ВЕЩЬ* и в одну из двух дефиниций вокабулы *ОБЪЕКТ*. Иную картину рисует реальное функционирование этих имен. В «Частотном словаре русского языка» Л.Н. Засориной распределение их частотности по рангам выглядит так: *ОБЪЕКТ* – 538, *ПРЕДМЕТ* – 463, *ВЕЩЬ* – 290 [Засорина 1977]. В Национальном корпусе русского языка с базой около 35 миллионов словоупотреблений ситуация следующая: слово *ВЕЩЬ* (8,5 тысяч), *ПРЕДМЕТ* (6 тысяч), и *ОБЪЕКТ* (5 тысяч)¹. Очевидно, что слова поменялись рангами частотности.

Перераспределение ролей этих имен и выдвижение на передний план имени *ВЕЩЬ* обусловлено, как представляется, такой важной культурологической причиной, как из-

¹ Статистические сведения по НКРЯ взяты из курсовой работы студентки филологического факультета МГУ А. Маховой, выполненной под моим руководством. – Л. Ч.

менения в общественном сознании российского общества, один из важных векторов которого – постулируемая ценность индивидуума, личности. В интервью журналу «Домовой» (2001. № 10) Т. Толстая так ответила на вопрос «Есть ли у вас любимые вещи?»: *Одна из моих главных бесчисленных претензий к большевикам та, что они выбросили вещи. Ведь вещи – это люди, это их слова, смех, глупость, тщеславие, капризы, гениальность, скука, любовь, страх, флирт, жестокость. У вещей есть свои маленькие души, маленькие личики, тихие голоса. Я очень люблю вещи, но любимых вещей именно поэтому у меня мало так же, как не бывает много любимых людей.*

Анализ лексикографического представления трех выбранных метаимен в толковых и философских словарях и изучение их реального функционирования в текстах разных жанров с учетом частотности не только означающего (имени), но и актуализованного означаемого (определенного лексико-семантического варианта) приводят к выводу о том, что каждое из них имеет свою семантическую специфику, выявить которую утвердившимися методами компонентного анализа не представляется возможным.

4.1. Исследование содержания метаимен требует соблюдения двух принципов. Общий принцип сводится к обязательному разграничению философского и обыденного дискурсов. За метаименами (субстантивами-категориями) стоят главные объекты философской интенции, вопрос о сущности и содержании которых обеспечивает непрекращающийся внутри- и межкультурный диалог. Но поскольку метаимена задают базовый уровень категоризации мира и обыденному сознанию, постольку они являются единицами общего для всех лексикона, требующими своего осмысления и описания. Однако семантическая специфика метаимен диктует исследователям особую стратегию как их научного анализа, так и лексикографического представления.

Эта особая стратегия и составляет частный принцип лингвистического исследования их содержания, который был сформулирован английским философом Дж. Муром применительно к анализу содержания базовых слов и понятий этики, в частности слова *ДОБРО*: «Общее всех предметов, к которым приложимо прилагательное “хороший” как раз и составляет содержание понятия “добро”» [Мур 1999: 46]; «Фактическое использование слов – интересный предмет для обсуждения» [Мур 1999: 48]. Фактическое, спонтанное использование метаимен и как философских терминов, и как слов обыденного языка, с одной стороны, направляется сложившимися в культуре (субкультуре) глубинными представлениями о стоящих за именами абстрактных феноменах, с другой – позволяет моделировать эти феномены и представлять их как содержание соответствующих понятий.

Можно выделить три тактики семантического анализа метаимен. Первая сводится к изучению их в функции предиката и как дейктических знаков при субъекте, выраженном абстрактным именем (например: *Жизнь – вещь сложная*), и как общих имен при субъекте, выраженном именем конкретным (например: *Ваза – вещь хрупкая; Ваза – предмет антиквариата*), с выявлением семантических различий в одинаковых условиях контекста.

Следует отметить, что в состав сказуемого при подлежащем, выраженном абстрактным именем, имя *ВЕЩЬ* (считающееся десемантизированным и выполняющим дейктическую функцию) способно ввести любое дескриптивное прилагательное, метафорически обозначающее свойство идеального объекта (*Репутация – вещь хрупкая*). Без этого существительного в функции именной части сказуемого прилагательное возможно только при именах конкретных: *Ваза хрупкая*. Имя *ПРЕДМЕТ* в такого рода контекстах имеет существенные ограничения в первую очередь жанрово-стилистические, так как оно отсылает к целенаправленной практической деятельности: *Социальный мир – предмет заботы и властей, и общества; Научный спор – предмет деликатный*, а контекст **Жизнь – сложный предмет* не представляется корректным по причине от-

сутствия семантико-прагматического согласования между именами, занимающими позиции субъекта и предиката суждения. В приведенном контексте позицию предиката может занять только имя *ВЕЩЬ*, вводящее идею независимости существования феномена, имя которого занимает позицию субъекта, а в сочетании с прилагательным *сложный* отражающее когнитивную направленность сознания на этот феномен. Кроме того, в позиции предиката имя *ПРЕДМЕТ* реализует в обыденной речи не то значение, которое является для него общим с именем *ВЕЩЬ* ('дискретный единичный фрагмент'), а значение 'цикл знаний, образующий дисциплину', метонимически производное от значения 'то, на что направлена деятельность познания'. Именно это значение слова *ПРЕДМЕТ* актуализировано в строке *Жизнь – это самый серьезный предмет* текста известной песни «Школьные годы», что проявляет окказиональную имплицитную коннотацию жизни как 'школьной учебной дисциплины'.

Процесс грамматикализации имени *ВЕЩЬ* в его дейктической функции не приводит вопреки сложившемуся мнению к десемантизации этого слова. В контексте *Жизнь – удивительная вещь* слово *ВЕЩЬ* не может быть заменено и словом *ОБЪЕКТ*. Хотя жизнь как биосоциальный феномен существует объективно, стоящая за именем *ЖИЗНЬ* сущность принадлежит умопостигаемой действительности, а само имя является абстрактным. И слово *ВЕЩЬ* в этом контексте обусловлено сложившимся в русской культуре представлением о жизни как о субстанции, которая существует сама по себе, параллельно каждому отдельному индивидууму и может стать предметом его рефлексии (*удивительная*), но не предметом практической деятельности, т. е. объектом. Вещи составляют неконтролируемую реальность человеческого бытия, тогда как объекты подконтрольны. Именно этот логический параметр содержания абстрактного имени *ВЕЩЬ* согласуется с мифологическим (коннотативным) параметром абстрактного имени *ЖИЗНЬ* в приведенном аксиологическом суждении. Более того, сам объект не тождествен объективной реальности: во-первых, та часть последней, которая не вступила в отношения с субъектом, не является объектом; во-вторых, объектами могут быть и состояния сознания, если на них направлена познавательная или уже практическая активность человека.

4.2. Вторая тактика состоит в изучении синтагматики имен: их валентностных свойств (*ВЕЩЬ чья? ПРЕДМЕТ чего?*), обуславливающих глагольную, адъективную и субстантивную виды сочетаемости. Например, синтагму *предметная сущность вещей* находим в тексте А. Чудакова «Слова и вещи» (возникает вопрос: «А возможна ли синтагма *вещная сущность предметов?*); *функция предмета, вещи, но не объекта*. В контексте *наблюдаемое уменьшение предметов при их отдалении* (Чудаков) слово *ПРЕДМЕТ* не может быть заменено словом *ВЕЩЬ*, как и во многих других контекстах: *На закате все предметы казались окрашенными в золотисто-розовый цвет; Встав с постели, Аркадий раскрыл окно – и первый предмет, бросившийся ему в глаза, был Василий Иванович* (И. Тургенев. *Отцы и дети*), так как в обыденном дискурсе, который представлен и в художественном тексте, слово *ПРЕДМЕТ* связано с позицией созерцания, бескорыстного наблюдения, тогда как слово *ВЕЩЬ*, помещенное, например, в контекст *первая бросившаяся в глаза вещь*, отражает положение человека, попавшего в незнакомый интерьер и осматривающего его, или позицию потребителя, «охотника» в ситуации шоппинга.

В контексте *взаимные отношения находящихся в пространстве вещей и существ* (П. Флоренский. Исследования по теории искусства) именем *ПРЕДМЕТ* нельзя заменить имя *ВЕЩЬ*, но можно заменить синтагму *вещей и существ*, потому что в синтагме *вещи и существа* актуализовано противопоставление неживого и живого в рамках их общей субстанциональности (независимого существования) и имя *ВЕЩЬ* выступает как обозначение существующего независимо от человека в пространстве и во времени

элемента физической действительности. Но синтагма *взаимные отношения*, содержащая в себе антропоцентрическую идею, указывает на то, что эти физические тела выступают как объекты познания, поскольку любые отношения между явлениями выстраиваются только в сознании человека.

Имя *ПРЕДМЕТ* как философский термин также содержит в своей семантике антропоцентрический параметр. Как писал С.С. Аверинцев, «вещь имеет бытие и держит его при себе, предмет имеет реальность и предъявляет ее созерцающему субъекту» [Аверинцев 1997: 41]. Поэтому возможная замена *синтагмы вещей и существ* именем *ПРЕДМЕТ* в философском тексте разрешена согласованием его антропоцентрической семы 'интенциональность' (выделенность явления направленностью сознания) с семой 'когнитивная интенциональность' (направленность сознания на познание явления) абстрактного имени *ОТНОШЕНИЯ*. В философском тексте семантическое содержание имени *ПРЕДМЕТ* в сравнении с именем *ВЕЩЬ* в общем для них лексико-семантическом варианте 'материальное явление' более узкое, т. е. в оппозиции *ПРЕДМЕТ* – *ВЕЩЬ* имя *ПРЕДМЕТ* является маркированным по дифференциальному для них признаку «антропоцентричность».

В следующем фрагменте речь идет о морской раковине, которую рассказчице купил и привез отец: *И купил-то, скорее всего, потому, что положено что-нибудь морское с моря привозить. А потом эта раковина стала таинственным предметом, который мне иногда давали поддержать и послушать* (Е. Гришковец. Монолог). Раковина, начавшая свое существование в жизни человека как вещь (то, что включено в бытовую личную сферу человека, чем обладают) становится когнитивно значимым и при этом отчужденным предметом. Имя *ВЕЩЬ* в этом контексте было бы неуместным как слово, обыденное значение которого словарь С.И. Ожегова трактует под №2 как 'то, что принадлежит к личному движимому имуществу'. Имя *ПРЕДМЕТ* выводит вещь из сферы обладания в сферу бытия, чем достигается увеличение расстояние между субъектом и объектом обладания.

4.3. Важные для адекватного представления содержания рассматриваемых метаимен результаты дает моделирование ассоциативного контура стоящих за ними фрагментов идеального мира в рамках концептуального анализа. Алгоритм этого метода достаточно прост и подробно описан в [Чернейко 1997, 1998, 2003, 2007, 2015]. Суть его состоит в извлечении имплицитной информации из сочетаемости абстрактного имени со вторичными предикатами, в первую очередь с глаголами, обозначающими эмпирически постигаемые действия, содержание которых включает стандартные актанты ситуации. Сложившиеся в данной культуре ассоциативные связи абстрактной сущности с физическим миром в виде ее проекций на конкретные явления действительности или на их отдельные параметры направляют глагольную сочетаемость абстрактного имени (и метаимени в частности). Именно эти проекции дают объективные лингвистические основания для моделирования вещных коннотаций абстрактных сущностей, коннотаций, выводимых из буквального прочтения глаголов физического, ментального действия при абстрактном имени.

Подобно тому, как субъектная и объектная валентности производящего глагола сохраняются (или могут сохраниться) в дериватах словообразовательной парадигмы, они также воплощаются во «фразеологической парадигме» (термин В.Г. Гака) абстрактного имени через такие глаголы, которые Ю.Д. Апресян назвал «субстантивными лексическими параметрами»: эти глаголы присоединяются к именам «физических предметов, которые *обычно* (выделено мной. – Л.Ч.) принимают участие в данной ситуации на правах ее i-го актанта» [Апресян 1974: 49]. Таким образом, еще одной «ипостасью» системы актантных значений, обнаруживающих себя на самых разных уровнях языка» [Апресян 1973: 295], является коннотативная система абстрактных сущностей (отра-

жение позиции говорящего, «активной грамматики»), направляющая сочетаемость абстрактного имени и создающая его ассоциативный ореол.

4.4. В философско-лингвистическом трактате А.Ф. Лосева «Философия имени» имена *ВЕЩЬ* и *ПРЕДМЕТ* достаточно употребительны. При этом вещь, мыслимая как грамматический субъект действия (агенса), *ищет, действует, рождает*, вещь как грамматический объект действия (в ролевой падежной грамматике имеющий разные обозначения) *воспринимают, осмысливают, понимают, постигают*. Что же касается имени *ПРЕДМЕТ*, то его также можно *мыслить*, но важнее то, что из него можно *выкидывать*, в него *вносить* и что в предмет *попадают* сущности. Исследование употреблений этих имен в тексте А.Ф. Лосева с применением указанной методики приводит к следующему: если у предмета есть жизнь, то вещь осмысливается как нечто неживое, но при этом вещь обладает структурой, в ней выделяются части и элементы, тогда как предмет, обладая глубиной, мыслится как вместилище, контейнер.

4.5. Для адекватного описания содержания абстрактных слов и в особенности метаимен, подобных рассматриваемым, необходимо изучение не только семантико-синтаксических позиций (оно важно для описания содержания любого слова), но и тех единиц, которые эти позиции заполняют. В частности, важно установить лексико-семантические границы, в рамках которых имена *ВЕЩЬ*, *ПРЕДМЕТ*, и *ОБЪЕКТ* способны в русском языке выполнять синтаксическую функцию предиката. Поэтому третья тактика их анализа является сугубо экспериментальной и состоит в проверке составленного по определенным критериям списка конкретных и абстрактных имен русского языка на возможность их соединения с рассматриваемыми метаименами, что позволяет смоделировать такие парадигмы обыденного дискурса, как «вещь», «предмет», «действие», «процесс», «событие», «явление» и подобные.

5.1. Семантический инвариант трех рассматриваемых метаимен, соотносимый с одним из их значений, которое многие толковые словари сопровождают пометой «философское» (его можно назвать «субстанциальным»), кратко формулируется как ‘фрагмент субстанции’, т.е. независимый от сознания фрагмент физической действительности. Исходя из анализа философских определений рассматриваемых имен (они и в философском дискурсе неоднозначны) можно сделать следующий вывод: в современной философии, во многом наследующей традиции философской мысли прежних эпох, вещь и предмет противостоят друг другу. Вещь субстанциональна, она бытийствует, физически существует в пространстве и времени помимо человека и на равных с ним правах как первосущность, реальность которой не подвергается сомнению.

Вещь становится объектом, если она включается в познавательную деятельность субъекта. Объекта без субъекта нет. При этом, как было отмечено выше, объектами могут быть и идеальные, несамостоятельные параметры феноменов, например состояния сознания субъекта. Никакой объект действительности не доступен в своей целостности сознанию субъекта, даже коллективного. Выделенный в объекте интенцией сознания аспект и есть предмет. А если это так, то предмет противостоит вещи как идеальное материальному, как виртуальное актуальному. П. Флоренский писал: «Всякий акт знания идеален. И, с этой точки зрения, идеален и всякий познаваемый объект» [Флоренский 1996: 48].

Основное отличие предмета от объекта заключается в том, что в предмет входят лишь главные, наиболее существенные для данного исследования свойства, которые становятся его признаками. Как писал Ф.А. Степун, «понимать нечто означает в этой сфере состоявшегося знания уловлять это нечто. Иметь его предметом означает отмечать его элементы и признаки» [Степун 1991: 111].

За абстрактными именами *ВЕЩЬ*, *ОБЪЕКТ*, *ПРЕДМЕТ* стоят идеи, но за именем *ВЕЩЬ* стоит идея материального, физического, а за именем *ПРЕДМЕТ* – идея иде-

ального, в которой просвечивают два вида действительности: материальная (вещи) и идеальная (идеи, состояния, отношения), что находит свое отражение и в обыденном дискурсе: *предмет неопределенной формы, какой-то предмет и предмет спора, предмет восхищения*. Исследование философского дискурса позволяет смоделировать семантические отношения между анализируемыми метаименами так: *ВЕЩЬ* – самостоятельно существующий в пространстве и времени фрагмент физической действительности, *ОБЪЕКТ* – охваченный деятельностью субъекта фрагмент физической и идеальной действительности, *ПРЕДМЕТ* – интенциональный¹ аспект объекта.

Исследование метаимен методом Дж. Мура (в их функции предиката) в обыденном дискурсе позволяет установить, что мыслится как вещь, что – как предмет и что – как объект. Для обыденного сознания вещь в первую очередь антропоцентрична, но она по-другому антропоцентрична, чем предмет в философии. *ВЕЩЬ* в философском смысле термина и *ВЕЩЬ* в обыденном значении метаимени соотносятся как омонимы.

Философский антропоцентризм предмета делает его целью познания, теоретической целью. Вещь, являясь самостоятельной дискретной единицей физического мира, антропоцентрична в ее практическом отношении к человеку. Она – средство его существования. Имя *ВЕЩЬ* (в любом значении этого слова) обозначает феномен, включенный в личностную эмоциональную сферу человека. Как писал В.Н. Топоров, «вещи образуют не беспорядочное и не неорганизованное множество, но именно мир, т.е. своего рода совершенную систему связей и отношений, удостоверяющую свою законченность» [Топоров 1995: 84]. Можно отметить, что это не просто «мир» человека, но его первый материальный круг, в котором вещи осязаемы и потому ему близки². И центр этого вещного мира – сам человек. Именно поэтому сочетаемость имени *ВЕЩЬ* значительно шире (*свобода – вещь важная; вещь прекрасная, опасная, трудная, сложная*), чем имени *ПРЕДМЕТ* (*какой-то предмет, неясный предмет; предмет забот, поклонения*), что и отражает их статистический анализ (частотность).

Важно обратить внимание на возможность взаимозамены имен *ВЕЩЬ* и *ПРЕДМЕТ* и раскрыть ее семантическое условие: если в контексте есть лексическая единица, обозначающая интенцию сознания, т.е. такое слово, которое связано с дифференциальной семой 'направленность мысли' лексико-семантического варианта имени *ПРЕДМЕТ* (словарное значение под №2, определяемое через слово *ОБЪЕКТ*), субституция существима, но с оговоркой, что текст не соотносится с учебным процессом: *интересная, замысловатая, сложная вещь / предмет*.

5.2. В обыденном дискурсе у имени *ПРЕДМЕТ* существуют два базовых лексико-семантических варианта, которые можно сформулировать так: 1. 'материальное явление', делающее предмет коррелятом вещи в философском понимании, что лексикографически отражается во включении имени *ВЕЩЬ* в определение вокабулы *ПРЕДМЕТ*; и 2. 'интенциональное явление', делающее предмет коррелятом объекта в философском понимании, что лексикографически отражается во включении имени *ОБЪЕКТ* в определение вокабулы *ПРЕДМЕТ*. Но в обыденном дискурсе наблюдается широкая сочетаемость имени *ПРЕДМЕТ* с именем в родительном падеже: *предмет одежды, гардероба, мебели, обихода, роскоши, быта, потребления*. В этих словосочетаниях речь идет о рукотворных дискретных материальных элементах физической субстанции, т.е. о вещах-артефактах, обслуживающих потребности человека. При этом вещь мыслится как единичная и выделенная из тиража вещей (всего множества одежды, мебели и т.д.), но потенциальная

¹ В феноменологии Э. Гуссерля этот предмет обозначается термином «феномен», в котором профилируется связь объективной действительности, взятой в категориях пространства и времени, и сознания, но в феномене на первый план выходит время, которое и превращает воспринимаемый «здесь и сейчас» и переживаемый предмет в феномен: «Действительная вещь не есть феноменологическое данное» [Гуссерль 1994: 6].

² В проксемике (науке о социально-психологической дистанции) как дисциплине субъектоцентрической важной дистанцией является расстояние «вытянутой руки».

и потому абстрактная, далекая. Эти вещи, названные именем *ПРЕДМЕТ*, принадлежат не личностной сфере отдельного человека, а виртуальной сфере потребностей человека вообще.

Следует отметить, что слово *ОБЪЕКТ* в описанных синтагмах не может заменить слово *ПРЕДМЕТ* (**объект мебели, обстановки, роскоши, антиквариата*). Поскольку в имени *ОБЪЕКТ* сильна сема 'интенциональность', эпифеноменом которой является смысл 'процессуальность', в этих синтагмах сталкиваются разные значения имен: *МЕБЕЛЬ, РОСКОШЬ, АНТИКВАРИАТ* обозначают результат практической деятельности человека (предмет как вещь-артефакт), тогда как *ОБЪЕКТ* вводит идею процесса ментального (теоретического) постижения действительности. И если сочетание **объект антиквариата* семантически немотивировано, то высказывание *Этот предмет мебели* (например, особенный старинный шкаф с выставки) – *объект для антиквара* вполне допустимо.

Итак, имя *ПРЕДМЕТ* в обыденном дискурсе может обозначать единичные фрагменты мира как материального, так и идеального. В обозначении вещей-артефактов семантическое различие между именами *ВЕЩЬ* и *ПРЕДМЕТ* состоит в том, что они репрезентируют разную меру пространства между человеком и артефактом. Иными словами, их референты мыслятся проксемически, но на разном расстоянии от наблюдателя: вещами человек обладает (посессивные отношения «Я-вещь»). Именно они составляют его малый физический мир, создают определенную конфигурацию личностного пространства и тем самым характеризуют личность, тогда как предметы либо физически удалены от личности (*Вдали виднелись какие-то предметы*), либо являются виртуальной сферой приложения ее потребностей (*предметы потребления, первой необходимости, домашнего обихода*). В обыденном дискурсе именно посессивность маркирует имя *ВЕЩЬ*, оставляя имя *ПРЕДМЕТ* немаркированным.

Широкая семантика метаимени *ПРЕДМЕТ* в обыденном сознании, отраженная в словарных дефинициях, противопоставлена узкой семантике этого термина в философском дискурсе, но это философское содержание в несколько модифицированном виде вобрал в себя и обыденный дискурс. Словарь Д.Н. Ушакова определяет *ПРЕДМЕТ* как 'то, на что направлена деятельность познания'. Именно в этом значении имя *ПРЕДМЕТ* включает в себя как теоретическую (*предмет спора, мысли, суждения, искусства*), так и практическую (*предмет потребления, роскоши*) интенциональность субъекта.

6. Предложенные тактики исследования метаимен можно распространить на слова *СВОЙСТВО, КАЧЕСТВО, ПРИЗНАК*, семантически примыкающие к уже описанным. Но это особый лингвистический предмет, требующий отдельного рассмотрения. Наиболее важным и лингвистически перспективным представляется разграничение понятий *СВОЙСТВО* и *КАЧЕСТВО*, что существенно и с онтологической точки зрения (с позиций самого объекта), и с гносеологической – для моделирования взаимодействия субъекта и объекта. Но в обыденном сознании эти понятия смешиваются, и на первое место выдвигается понятие *КАЧЕСТВО*, семантически корреспондирующее с частотным понятием *ВЕЩЬ*.

Особенность свойства в том, что оно принадлежит и объекту, и субъекту: не существует свойств самих по себе, вне объекта; в свойствах объект проявляет себя перед субъектом, а субъект воспринимает только те свойства, которые постигаются эмпирически; при этом свойств меньше, чем объектов-носителей, по причине ограниченности познавательных возможностей субъекта; а поскольку свойство связывает разные объекты между собой, постольку оно гносеологическая категория.

Качество как философская категория индивидуализирует явление, выделяет его среди множества других реально существующих и сходных с ним по свойствам на основании их совокупности. В обыденном сознании к этому свойству качества добавляется идея соответствия вещи-артефакта (прежде всего продукта производства, товара, а

также поступков) должному (стандарту, идеалу): *качество работы, изделий; высокие душевные качества*. Поэтому качество считается наиболее общей характеристикой явлений действительности, релевантной для познания всех существующих в природе и культуре феноменов.

Признак – отличительное свойство индивидуализированного объекта, по которому его можно распознать (*признаки весны, зимы; болезни, наступающей старости* при невозможности **признаки здоровья, молодости*, что допускает семантическое обоснование). Примечательно, что слово ПРИЗНАК не входит в номенклатуру энциклопедий.

Таким образом, объект и свойство связаны познавательной и классифицирующей активностью сознания; предмет и признак – интенциональностью, определенным аспектом рассмотрения уже выделенного объекта и его свойства, которое выступает в функции отличительной черты; вещь и качество – индивидуальностью, самостоятельностью и независимостью от активности сознания. Вещь так относится к качеству, как объект относится к свойству, а предмет – к признаку. Так же соотносятся по своим базовым значениям и метаимена: *ВЕЩЬ : КАЧЕСТВО = ОБЪЕКТ : СВОЙСТВО = ПРЕДМЕТ : ПРИЗНАК*, что подтверждается частотностью воспроизводимых синтагм *качества вещи, свойства объекта, признаки предмета*.

Выводы. Разные типы слов диктуют свои, отвечающие их семантической природе методы моделирования содержания. Объект структурной семантики очерчивается ее методом (подробно в [Чернейко 2003, 2015]). У структурной семантики есть свои ограничения научного объекта, в который метаимена не входят. У когнитивной семантики объект широкий – когниция, а цель – выявление через множество текстов картины мира носителей языка. Одна из задач когнитивной семантики – найти иные фигуры широко понимаемого ею содержания слова, возможности инвариантного представления «языкового знания», мира опыта нации, его культуры, нашедших выражение в языке. Это не статические отношения, позволяющие устанавливать внутрисистемные значимости единиц разных уровней («внутренняя лингвистика» Соссюра), а живая ткань языка, отражающая то, что знает о мире сам язык и чего могут не осознавать его носители (незнание о знании), но на основании чего они мыслят о мире («внешняя лингвистика»).

Анализ употребления метаимен в философском, художественном и обыденном дискурсах, проверка их на взаимозаменяемость в конкретных контекстах с акцентом внимания на тех из них, где взаимозамена невозможна, а также моделирование их сочетаемости с целью выявления ассоциативного контура, сложившегося у стоящих за ними абстрактных феноменов в конкретной культуре и в ее определенном субъязыке, позволяют достичь более адекватного описания их содержания через выявление дифференциальных семантических параметров, но в рамках не структурного, а когнитивного метода – с учетом не только логики отношений знаков и стоящих за ними сущностей, но и их мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1996.
- Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 2. Ч. 1: Сочинения филологические. М., 1875.
- Апресян Ю.Д.* К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 279–325.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь современного русского языка. Вып. 2. М., 2000.

Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Русская речь: сборники, издаваемые Отделом словесных искусств: новая серия. Вып. 1 / Гос. ин-т истории искусств; под ред. Л.В. Щербы. Л.: Academia, 1927. С. 90–118.

Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.

Винокур Г.О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) // Русская речь: сборники, издаваемые Отделом словесных искусств: новая серия. Вып. 3 / Гос. ин-т истории искусств; под ред. Л.В. Щербы. Л.: Academia, 1928. С. 75–93.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Галич А. Лексикон философских предметов, составленный А. Галичем. Т. 1. СПб., 1845.

Галич А. Словарь русских синонимов, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. СПб., 1840.

Гуссерль Э. Собр. соч.. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.

Дымарский М.Я. Словарь как орудие манипуляции общественным сознанием // Проблемы русской лексикографии: Тезисы докладов межд. конф. «Шестые Шмелевские чтения». М., 2004. С. 31–34.

Засорина Л.Н. Частотный словарь русского языка. М., 1977.

Калайдович П. Опыт словаря русских синонимов издан П. Калайдовичем. Ч. 1. М., 1818.

Карамзин Н.М. Московские ведомости. 1795. № 90. Раздел «Смесь».

Кнорина Л.В. Грамматика. Семантика. Стилистика. М., 1996.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Слово в системе словарей русского языка. Л., 1989.

Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001.

Курилов А.С. Фонвизин Денис Иванович // Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. Т. 4. М., 2004.

Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л., 1966.

Лаптева О.А. Сочетаемость слов как фактор изменения его значений // Язык как материя смысла: Сб. в честь Н.Ю. Шведовой. М., 2007. С. 239–258.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.

Ляпон М.В. Причина как предмет рефлексии // Язык как материя смысла: Сб. в честь Н.Ю. Шведовой. М., 2007. С. 111–117.

Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.

Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие русского литературного языка: сб. науч. тр. М., 1963. С. 5–38.

Походный журнал. 1710. СПб., 1911.

РЯиСО – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.

САР – Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 2. СПб., 1809.

Степун Ф.А. Жизнь и творчество // Логос. М., 1991. № 1. С. 98–121.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.

Флоренский П. История и философия искусства. М., 2000.

Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника // Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783. Ч. 1, 3, 4, 10.

Фонвизин Д.И. Филологические работы // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 221–262.

Чернейко Л.О. К вопросу о критериях выделения идеографических синонимов // Сборник за филологију и лингвистику. XXV 1/2. Нови Сад, 1983. С. 27–43.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Чернейко Л.О. «Языковое знание» и концептуальный анализ слова // Научн. доклады филолог. факультета МГУ. Вып. 2. М., 1998. С. 19–50.

Чернейко Л.О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сб. научн. статей к 80-летию К.В. Горшковой. М., 2001. С. 467–487.

Чернейко Л.О. Содержание слова как объект структурной и когнитивной семантики // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: Сборник докладов. Т. 1. СПб., 2003. С. 189–198.

Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония. Сб. в честь юбилея Р.К. Потаповой. М., 2007. С. 150–183.

Чернейко Л.О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. 2009. № 3. С. 15–25.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд., перераб. М., 2010, 2013.

Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея Р.К. Потаповой. М., 2007. С. 150–183.

Чернейко Л.О. Метод как инструмент формирования лингвистического объекта // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков, 2015. С. 37–48.

Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Т. 3. М., 2003.

Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М., 2005.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.

Lacroix U. Les mots et les idées: Dictionnaire des termes cadrant avec les idées. Paris, 1969.

КОНЦЕПТ ‘ЖЕЛАНИЕ’ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Желание является одним из основных проявлений человеческой жизнедеятельности. Известно, что А. Шопенгауэр полагал, что в основе не только действий человека, но и явлений природы в целом лежит воля (т. е. желание). (Ср. его работы «О воле в природе», «О свободе воли», «Мир как воля и представление».) Знаменательно, что одним из богов скандинавского пантеона был *Wünsch*, или *Wish* (желание). «Бог Уиш может дать нам все, чего бы только мы ни пожелали (wished)» [Карлейль 2014: 23–24]. Образование форм будущего времени глагола во многих языках содержит вспомогательный глагол с семантикой желания (ср. англ. *will*) или ставшие грамматическими морфемами континуанты такого глагола (ср. континуанты **xotěti* в южнославянских языках, кроме словенского, превратившиеся в показатели футурума: сербохорв. *-ће, -ћеш* и т. д., болг. и макед. *ще*). Это свидетельствует о том, что действие, которое предполагалось совершить в будущем, представлялось носителям данных языков как желаемое.

В предлагаемой работе рассматриваются языковые средства выражения концепта ‘желание’ (категории оптативности, или волитивности) в польском и русском языках. Поскольку термин «концепт» не имеет установившегося в науке содержания, необходимо определить, что мы имеем в виду под данной дефиницией.

Одни исследователи, исходя из этимологии слова концепт (лат. *conceptus*), понимают его как эквивалент термину «понятие» (например, Ю.С. Степанов в ЛЭС), другие считают, что это «содержание понятия» (его смысл). Третьи дают более широкое определение концепта, подчеркивая его ментальный характер и связь с картиной мира, охватываемость им совокупности всех знаний о данном объекте. Ср. следующее определение концепта: «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. О концепте как «ментефакте культурного пространства» (т. е. предмете лингвокультурологии) пишет В.В. Красных [Красных 2003]. При этом, говоря о вербальном выражении того или иного концепта, исследователи имеют дело, как правило, с лексикой и фразеологией. На наш взгляд, сфера выражения концепта, особенно если подчеркивается не логический, а сублогический [Чернейко 1997], психологический характер этой ментальной структуры, шире, чем только лексические или фразеологические языковые средства.

Во-первых, тот или иной ментефакт может выражаться невербально, в имеющих социо-культурное значение кинемах. Например, жест соединения ладоней, прижатых к груди, выражает просьбу-желание у русских, а концепт ‘угрозы’ в русском социуме может передаваться кинемой ‘согнутая в локте рука со сжатой в кулак кистью, совершающая несколько колебательных движений’. Ср. фрагмент из повести Т. Толстой «Кысь», где «показывание кулака» наряду с соответствующим выражением лица и глаз главного героя Бенедикта призвано испугать потенциального похитителя купленной на базаре снеди: *Бенедикт, когда его [холопа] нанимал на торжище-то, в холопском закуте-то, и кулачищи свои ему показывал, и личиком суровился, и глазами выражал: гнев грядущий, подозрение всеохватное, неудовольствие* [Толстая 2004: 98]. Концепт ‘уважение’ в польском обществе по отношению к дамам реализуется в жесте ‘целование руки’ при начале или окончании общения, при этом данная кинема является одновременно гендерно маркированной, поскольку целуют руку в подобных ситуациях только женщинами. В военной среде тот же концепт реализуется в кинеме «взятие под козырек»

(«отдавание чести») первоначально нижестоящими чинами при встрече с вышестоящими. При наличии изофункциональных кинемам словесных формул хронологическое соотношение между ними может быть различным. Вероятно, первоначально появляется кинема «целование дамской руки», а затем фраза «*całuję rączki*», которую раньше галантные польские мужчины добавляли, например, в конце послания даме. А соотношение между жестом, означающим победу (разведенные указательный и средний пальцы), иное, поскольку данная кинема символизирует латинскую букву «V», с которой начинается латинская лексема *victoria* «победа». Как и лексемы, одна и та же кинема в пределах одного и того же социума может быть неоднозначна. С другой стороны, существуют и кинемы, аналогичные синонимам. Ср.: угрозу в русском социуме передает также жест 'движения поднятого вверх указательного пальца' («погрозить пальцем»). Ср.: *Вот все птицы, все лесные пужалища вроде как приумолкли. Будто кто прошел и пальцем погрозил* [Толстая 2004: 54].

Во-вторых, концептосфера того или иного языка неоднородна, так как негомогенны ее компоненты. Поля некоторых из составляющих концептосферу того или иного языка концептов пересекаются с качественно другими полями (функционально-семантическими – далее ФСП). К такого рода концептам относится и концепт 'желание', соотносящийся с ФСП (или функционально-семантической категорией – ФСК) модальности¹. Таким образом, концепт 'желание' выражает не только лексические автосемантические и фразеологические феномены, но и языковые средства иного порядка и иных уровней (синсемантические единицы, грамматические средства оптативности, включающие показатели сослагательного наклонения – частицу *бы* в русском языке и спрягаемую частицу *-but, -buś, -buśtu, -buście* в польском языке, интонация и др.). Ср. русск. «*Чайку бы!*», «*Кофейку бы!*», польск. «*Oby tak było!*», русск. «*Если бы он пришел*», произнесенное с соответствующей интонацией. Ср. также пример из стихотворения Е. Винокурова «Мир разложил на части Пикассо»: *Устал. Пошел пройтись на полчаса / – Эх, что б еще!* Во всех приведенных примерах выражен концепт 'желание' (Я хочу чаю, кофе, чтобы было так, чтобы он пришел, пройтись на более продолжительное время)².

Таким образом, на наш взгляд, концепт как ментальная структура может выражаться совокупностью всех языковых средств, номинирующих тот или иной объект или явление видимого или невидимого мира или находящихся в отношении ассоциации с ними (объектом или явлениями), а также невербальными средствами.

Иначе говоря, «лексико-семантическое поле» («понятийное поле») – это лишь часть (хотя и наиболее существенная) «концептуального поля». Именно эта часть – компоненты лексико-семантического поля 'желание' (далее ЛСП 'желание'), входящего в состав более объемного концептуального поля оптативности, – предмет данного исследования.

Особую трудность при анализе языковой репрезентации концепта 'желание' создает то обстоятельство, что смысл 'хотеть, желать' входит в число так называемых «семантических примитивов», с помощью которых когнитивисты толкуют значения слов любого языка. Иначе говоря, существует опасность безмерного расширения этого концепта. Поэтому в наш анализ вовлекаются только те лексемы, для определения значений которых в словарных источниках используются слова оптативной семантики.

Из определения концепта следует, что концептуальный анализ сопряжен не только с анализом номинатов, называющих тот или иной концепт определенного языка (па-

¹ Ср.: Е.М. Вольф рассматривает, как оценка накладывается на такие *модальности* (курсив здесь и далее наш. – Н.А.), как модальность долженствования, *модальность желания* и другие [Вольф 2002].

² О манифестации концептов разноуровневой системой языковых средств см. также, например: [Баранов, Добровольский 1997; Апресян 2006; Алтабаева 2007: 474]. О возможности невербальных составляющих тех или иных концептов и даже «невербальных концептов» (последнее представляется нам весьма спорным) см., например: [Воркачев 2004].

радиgmатический аспект), но и с исследованием сочетаемости, как лексической, так и синтаксической (синтаgmатический аспект). В сферу концептуального анализа входит также изучение вторичного (метафорического) функционирования в том или ином языке вербальных репрезентантов анализируемого концепта. Анализ концептов как «ментефактов культурного пространства» [Красных 2003: 266] позволяет выявить идиоэтническую (национально-культурную) и универсальную составляющие в картине мира и в языковой картине мира того или иного этноса. О том, что «в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу», писал еще А. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» [Афанасьев 1994, I: 16].

Границы между отдельными концептуальными полями, как и лексико-семантическими группами (ЛСП), являются размытыми. Так, концептуализируемое волитивное психофизическое состояние желания близко к аналогичным по статусу (т. е. также волитивным) состояниям стремления и влечения [Чернейко 1997]. С другой стороны, поле концепта ‘желание’ пересекается с концептуальными полями ‘надежда’, ‘ожидание’ (ср.: *долгожданный* ‘тот, которого давно *хотели*, долго ждали и дождались’ или синонимию *желанный* и *жданый* у М. Цветаевой: *Не чувствую, как в этих стенах жарко, / Как зелено в саду. / Давно желанного и жданного подарка / Не жду.*). Таким образом, между полями существует обширная переходная зона, компоненты которой могут быть составляющими нескольких концептуальных полей.

К лексическим составляющим ЛСП концепта ‘желание’ относятся слова, содержащие континуанты следующих основных корневых морфем: **xot^(l)-*/**xъt-*/**xot’-*, **žel’-*, **žed(j)-*, **jъsk-*, **olk-*, **prag-*, **t’eg*, **vol(j)-* и некоторых других. В обоих сопоставляемых языках концепт ‘желание’ манифестируют лексемы, содержащие корневые континуанты **žed(j)-* (жажда, др.-русск. жажа, *žadza* и др.), **t’eg-* (тяга, *rosiąg* «желание, влечение»), **vol(j)-* (воля, *wola*, *woleć*, волеизъявление и др.), **olk-* (алкать, *łaknąć* и др.). При отсутствии в русском языке, в польском языке компонентами ЛСП оптативности являются слова с континуантами корней **prag-* (*pragnienie*, *pragnąć*) и **žit^(l)* (*życzenie*, *życzyć*). В русском же языке основным средством лексической репрезентации анализируемого концепта является континуант корня **žel-*, в то время как в польском языке лексемы, соотносящиеся с *žal-* / *žel-*, выражают значения, связанные с понятием ‘жалости’ (известные также и русскому языку и закрепленные в современном литературном языке за корнем с гласным *a*: *жалеть*, *жалкий*, *жалко*, *жалость*). О разных этимологиях для русск. *желать* и *жалеть* (возводящих оба глагола к одному праславянскому корню с разной огласовкой или дифференцирующих праформы **želēti* / **želati* ‘хотеть’ и **žalēti* / **žaliti* ‘жалеть, скорбеть’) и континуаций этих праформ в славянских языках см. [Толстая 2019: 71–81].

Представленность континуации **jъskati* польском языке тем не менее не позволяет включить *iskać* (и его устаревшие и диалектные варианты *wiskać*, *hiskać*) в ЛСП оптативности, поскольку для польской лексемы известно только значение специализированного поиска: ‘искать в голове (паразитов, вшей)’. Напротив, для русск. *искать* с его основным значением неспециализированного поиска ‘стремление найти’, а также аналогичного польскому (хотя и не отмеченного в [ЭССЯ 8: 238]) специализированного значения ‘искать в голове вшей’, выделяется и смысл ‘хотеть что-либо сделать’ [ЭССЯ 8: 238]. Это значение представлено, например, в таком выражении, как *искать руки* ‘хотеть взять в жены кого-л.’ Ср. также синонимию «искать» и «желать» в пословице: *Искав (желаючи) чужого, свое потеряешь* [Даль 1996, III: 58]. Судя по материалам ЭССЯ [ЭССЯ 8: 238], значение ‘хотеть’ наряду с ‘искать’ характерно для южнославянского ареала, в то время как у западных славян оно не выделяется. Русский язык занимает здесь срединное положение: русск. *искать* входит в периферию ЛСП оптативности, являясь основным средством выражения смысла ‘поиск’.

Поскольку часть семантических признаков концепта 'любовь' образуют так называемый «дезидеративный» (оптативный) смысловой блок (влечение, страсть, стремление), восходящий к «этимону» глагола *любить* – 'хотеть / желать' [Воркачев 2007: 211], в сферу исследования компонентов ЛСП 'желание' вовлекаются также континуанты корней **lub-*, **mil-*, **lask-* (в обоих сопоставляемых языках) и **koch-* (в польском). О субстантивных континуантах этих корней см. [Ананьева 2018: 11–22].

И в русском и в польском языках представлены также лексические компоненты концепта 'желание', не связанные с континуацией вышеперечисленных праславянских корней и производством от них соответствующих дериватов. Например, содержащие «органолептическую» лексику (в том числе и заимствованную) фразеологизмы: *mieć chrapkę na coś* «иметь охоту к чему-л.» (*chrapka* – уменьш. от *chrapu* «ноздри»), *mieć apetyt na coś* 'иметь охоту к чему-л., аппетит к чему-л.' (*annetum / apetyt* связан со вкусом), русск. диал. сибирск. *норка свистит* 'непреодолимо хочется что-либо сделать' (*норка* = *ноздря*) [Элиасов 1980: 244], простор. *зубу раскатать на что-л.*, заимствованная поговорка «*Annetum* приходит во время еды», употребляемая в ситуации, не связанной с поглощением пищи (о возрастании в процессе каких-либо действий некоторого желания). Ср. также различного происхождения польские диалектные лексемы со значением 'желание': *zabażyć* «захотеть, пожелать», *zabażyć się* «захотеться, прийти в голову, взбредить на ум», существ. *zabażenie* и *zabażenie się* [Słownik Warszawski VIII: 17–18], малопольск. (дер. Гурно, окрестности Жешува) *чудора* 'chęć, zachcianka' («желание, каприз») [Ożóg 2001: 220], южномалопольск. («подегородский» говор) *хас* 'ochota przy picciu', 'kuraż' («желание во время выпивки», «кураж») [Pawłowski 1955: 190]. Последняя лексема выводится Е. Павловским предположительно из гуральского *xasen* 'zysk' («прибыль»), которое, в свою очередь, восходит к унгаризму *haszon* 'korzyść, zysk' («польза, выгода; прибыль»). Ср. также заимствования, в которых содержится сема 'желание' или, напротив, 'нежелание': русск. *волонтер* 'доброволец'; польск. устар. *wolontariusz* 'то же'; русск. *волюнтаризм*, *волюнтарист*, польск. *benewolencja* «доброжелательность» (т. е. 'желание добра кому-л.'), «благосклонность»; *volens-nolens* «волей-неволей».

В польском языке, в отличие от русского, в поле концепта 'желание' входит и устар. глагол *raczyć* «хотеть, извопить». Ср. устар. «*racz Pan usiąść*» «извольте сесть». Этимологически с ним связан сохранившийся адвербиум *raczej* «скорее; лучше». В современном языке устар. *raczyć* «хотеть что-то сделать, соизвопить что-л. сделать» может быть употреблено с оттенком иронии (*Nie raczył nawet mi odpowiedzieć* «Не соизволил мне даже ответить, т. е. даже не удостоил меня ответом»), *Ledwie raczyła spojrzeć* «Едва изволила посмотреть, едва удостоила взглядом») и сохранилось в поговорке *Bóg raczy wiedzieć* «Бог (его) ведает / знает» (букв. Бог изволит знать). Глагол *raczyć* был чрезвычайно распространён в XVI в. и наличие его в таких словосочетаниях, как «*raczy chorować*» («изволит [т. е. хочет] болеть» вместо *choruje* «болеет») или «*raczył umrzeć*» («соизволил умереть» вместо *umarł* «умер»), высмеивал Л. Гурницкий [Brückner 1970: 451].

Ряд репрезентантов концепта 'желание' (как в русском, так и в польском языках) восходит к глаголам движения или каузации движения. Ср. польск. *peździć* «гнаться, стремиться» – *poręd* «влечение; склонность, пристрастие», польск. *ciągnąć* «тащиться, тянуть» – *rosiąg* «желание», русск. *тяга*, *стремление* и др.

В концептуальное поле оптативности входят также поговорки. При этом они могут включать лексические компоненты ЛСП 'желание', но не обязательно. Например, приращение чрезмерности желания выражается в русской поговорке содержащими глаголы *хотеть* и *желать* поговорками *Лишнего пожелаешь – последнее потеряешь*, *Много желать – добра не видать*, *Кто много желает, тот и мало не видает*, *Назови его братом, а он и в большие (старшие) похочет* и мн. др., а также поговорками с от-

сутствием подобных компонентов (например: *За двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь*, *Двух зайцев гонять – ни одного не поймаешь*) [Даль 1996, III: 58–60]¹. В свете этимологии *хот^(')- / *хѣт- / *хѣт'-, которые возводятся к *хвот- (родственному *xvatati) [ЭССЯ 8: 83–84], любопытной представляется синонимия *желать* – *хватать* в паремиологических вариантах: *Много желать – добра не видать* и *Много хватать – свое потерять*.

В данной работе мы рассмотрим лексические репрезентанты, производные от корней *хот^(')- / *хѣт- / *хѣт'-, *žel'- (I), **žed(j)*-, *prag- (II) в польском и русском языках. Привлекается также фразеологический материал и паремии, содержащие лексемы с указанными корнями. Главным источником являются словари, в меньшей степени – литературные произведения.

I. Польск. *chcieć* – *chęć*, русск. *хотеть* – *желание*

Центральными лексическими репрезентантами концепта ‘желание’ (нейтральными, стилистически не маркированными) в польском и русском языках являются польск. *chęć*, *ochota* (менее частотное, но стилистически не маркированное, в отличие от русск. устар. простор. *охота* «желание»), *chcieć* и русск. *желание*, *хотеть*. Хотя в русском языке есть и глагол *желать* (*пожелать*), но как нейтральный он употребляется в значении польск. *życzyć*, т. е. желать кому-л. чего-л. (*Życzę Państwu Wesołych Świąt* «Желаю Вам хороших праздников»; *życzenia noworoczne, bożonarodzeniowe* и т. д. «новогодние, рождественские и т. д. пожелания», *Życzę dobrej nocy* «(Желаю) спокойной ночи», *Życzymy przyjemnej podróży* «(Желаем) счастливого пути», *koncert życzeń* «концерт по заявкам»). Только в случае с местоимением *sobie* (*życzyć sobie*) глагол *życzyć* выступает в значении ‘хотеть, желать’. Ср.: *życzę sobie spokoju* «я хочу спокойствия», *nie życzę sobie, żebyś ze mnie żartowała* «я не хочу, чтобы ты подшучивала надо мной». Ср. также этикетное обращение к посетителю, клиенту в магазине или другом общественном месте: *czego pan / pani (и т. д.) sobie życzy?* «что Вы хотите?». Не исключено, что вследствие совмещения в русск. *желать* двух значений (1. хотеть, 2. желать кому-л. чего-л.) в первом из этих значений глагол *желать* превращается в стилистически маркированное слово (книжн., более высокое) и одновременно, как нам кажется, обозначает более высокую степень состояния (*Неприменно желаю его видеть, желать невыполнимого*). Но во фразеологизмах *оставляет желать лучшего*, *позволяет желать многого* представлено значение ‘хотеть’.

Таким образом, между субстантивным и глагольным нейтральными репрезентантами концепта ‘желание’ в русском языке существует асимметрия: нейтр. *желание* соответствует нейтр. *хотеть*. В польском языке и субстантивный, и глагольный репрезентанты представлены континуантами *х*-содержащих корней: *chęć*, менее частотное *ochota*, *chcieć*. Любопытно, что, несмотря на большую частотность и нейтральность *хотеть* по сравнению с *желать*, в русском языке в качестве образованного от причастия субстантива представлена формация от глагола *желать*: *Все желающие могут прийти к 8-ми*. Ср. в польском соответствии: *Wszyscy chętni mogą przyjść na ósmą*.

Кроме нейтральных соответствий *chęć* – желание, *chcieć* – *хотеть* / *желать* (?), в польском и русском языках представлены следующие слова, соотносящиеся с *х*-содержащими корнями, репрезентирующие концепт ‘желание’: русск. *охота*, *охотный*, *охотно*, польск. *chętny*, *chętnie*, *ochoczy*, *chętnie*, *chętki*, *zachcianka*, *zechcieć* и др., на анализе значения, лексической сочетаемости и стилистической характеристике кото-

¹ Вообще у В.И. Даля представлено значительное число паремий, входящих в ЛСП оптативности. Исключая огромное количество пословиц, относящихся к категории оптативности по форме (содержащих частицу бы), это паремии, сгруппированные прежде всего в разделах «Зависть – Жадность», «Умеренность – Жадность», «Терпение – Надежда».

рых мы остановимся ниже. Как мы уже сказали, основным и наиболее нейтральным существительным среди польских слов с х-содержащим корнем, выражающим концепт 'желание', является слово *chęć*, стилистически и семантически соответствующее русск. *желание*. Во многих контекстах польск. *chęć* и *ochota* употребляются параллельно (взаимозаменяемы). Например: *nieprzeparta chęć // nieprzeparta ochota* «непреодолимое желание»; *szalona chęć // szalona ochota* «безумное желание»; *tam ochotę na coś słodkiego // tam chęć na lody, ktoś nabrał ochoty do czegoś // ktoś nabrał chęci* «у кого-то появилось желание к чему-то»; *stracić chęć do życia // stracić ochotę do życia* «утратить / потерять желание жить»; *mieć chęć – mieć ochotę coś zrobić (tam ochotę pójść do teatru, tam chęć wujechać* «я хочу пойти в театр, уехать»), *pracować z ochotą // z chęcią (= chętnie)* «работать с (большим) желанием, с удовольствием».

Примеры контекстов из повести Т. Конвицкого «Mała Apokalipsa».

1) *Widzę, że masz ochotę, to bierz.* «Я вижу, что тебе **хочется**, так бери» [Konwicki 1993: 138].

2) *Ochota mu tryska z bystrych oczu* «**Желание** так и брызжет из его быстрых глаз» [Konwicki 1993: 112].

3) *Jedyne dobro materialne, jeśli je tak można nazwać, moje zwłoki, zapisuję z ochotą, prosekorium Akademii Medycznej dla ćwiczeń młodych chirurgów.* «Единственную материальную ценность, если так можно назвать мои останки, я **охотно** завещаю прозекторской Медицинской академии для обучения молодых хирургов» [Konwicki 1993: 81].

Русское существительное *охота* «желание» стилистически снижено по сравнению с субстантивом *желание* и менее частотно, хотя в XIX в., по всей видимости, употреблялось шире и относилось, скорее всего, к нейтральным средствам выражения анализируемого нами концепта. Ср. у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: *Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест)* [Глава восьмая, XIII]. В современном языке «охота учиться», «охота к чтению» или «неохота» (при польск. *niechęć* «нежелание» отсутствует *nieochota, хотя есть *niechętny – niechętnie*), относятся к стилистически сниженным. Значение 'желание' сохраняется в пословице «*Охота пуще неволи*», фразеологизме «*отбить охоту*». В разговорном языке чаще употребляется в значении категории состояния: *кому-то охота / неохота что-л. делать* (невозможно в польском языке). К разговорно-просторечным, в отличие от польского, относится и употребление твор. в адвербиальной функции – с *охотой* (ср. также просторечное *в охотку*). Ср. у В. Высоцкого: *Сегодня я с большой охотой распоряжусь своей субботой*. Разговорно-просторечный характер имеют и префиксально-суффиксальные глагольные дериваты от *охота*: *разохотить(ся), приохотить(ся)*. Если русск. *охотка* сохранилась только в составе простор. адвербиального выражения *в охотку*, то в польском наряду с деминутивом *chęćka* представлен и более редкий *ochotka*.

Польск. *chęć* по сравнению с *ochota* чаще употребляется в функции подлежащего (хотя и для *ochota* тоже возможно такое употребление: *ochota mnie wzięła na coś* «меня разобрала охота к ч.-л.», *ochota kogoś bierze* «кого-то разбирает желание», *ochota tryska z oczu* (в вышеприведенном предложении из Т. Конвицкого). С существительным *chęć* при употреблении его в функции субъекта действия употребляются многие глаголы, обозначающие активные действия: *chęć bierze* (как *ochota* и *chęćka*), *chwyta, ogarnia, poruwa, zdejmuję kogoś, przychodzi* (ср. также *chęćka komuś przyszła*), *budzi się, powstaje, wybucha w kimś*. В большинстве из перечисленных глаголов присутствует элемент «внезапности» возникновения психофизического состояния желания (ср. *poruwa* «схватывает, охватывает», *chwyta* «схватывает», *ogarnia* «охватывает», *wybucha* «вспыхивает» и др.). Учитывая этимологию корней *xot'-/ *xьt-/ *xqt'-, которые возводятся к *xvot-

(родственному *xvatati), сочетания *chęć chwyta*, *chęć bierze* относятся к генетическим плеоназмам, поскольку в *xotěti первоначально содержалось значение ‘хватать, брать’ (подробнее [ЭССЯ, VIII: 83–84]).

Номинат предмета желания, выраженного существительным *ochota*, всегда употребляется с предлогом (*ochota do czegoś, na coś*), в отличие от репрезентации субстантивом *chęć*, который может употребляться с номинатом этого предмета в беспредложной конструкции (*chęć zysku, sławy, posiadania czegoś, wybicia się*). Ср. то же в русск. языке: *охота к чему-л., желание чего-л.* С инфинитивом употребляются как русск. *желание* (и *охота*), так и польск. *chęć, ochota* (*tam chęć uciec stąd* «у меня **желание убежать** отсюда», *tam ochotę pójść do teatru* «у меня **желание пойти** в театр»).

В отличие от *ochota*, имеющего только форму ед. ч., *chęć*, как и русск. *желание* (ср.: заглавие романа В.А. Каверина «*Исполнение желаний*», есенинское «*Я теперь скунее стал в желаньях*» или у Р. Казаковой: *И спокойно мне, будто / по желаньям благим / чувство, полное бунта / стало чувством другим*), употребляется и во множественном числе. При этом в плюратаве часто в этом слове появляется значение ‘намерение, интенция’: *ktoś ma dobre chęci* «у кого-то добрые намерения», *ktoś jest pełen najlepszych chęci* «у кого-то самые лучшие намерения», ср. пословицу: *Dobrymi chęciami piekło (wy)brukowane* «Благими намерениями дорога в ад вымощена».

Состояние ‘желания’ может иметь различную степень интенсивности, и чаще всего в языке выражена высокая степень интенсивности этого психофизического состояния, что проявляется в лексической сочетаемости с соответствующими глаголами и прилагательными существительных *chęć* и *желание*. Ср. польск. *chęć* может быть *gorąca, gwałtowna, nieprzeparta, niepokonwana, nieprzyswycięiona, przemożna, szalona, wielka*. То же с *желанием* – *горячее, внезапное, неукротимое, неудержимое, непреодолимое, неистребимое, огромное, безумное, большое*. Ср. глагольные сочетания: *pałac i płonąc chęcią* «гореть / пылать **желанием**».

Малая или средняя степень интенсивности состояния желания, как правило, не имеют столь широкой репрезентации в языке (*небольшое желание, умеренное желание*). Язык стремится выразить или высокую степень состояния «желания», или вообще отсутствие этого состояния: с помощью слов с негацией (*niechęć, niechcenie* – ср. одно из значений фразеологизма *od niechcenia* ‘неохотно, против желания’ – *нежелание, неохота* при отсутствии польского аналога **nieochota, niechętny, niechętnie* – *неохотно, не хотеть, не mieć ochoty / chęci* – *не иметь желания* и т. п.), сочетанием существительных *chęć* и *желание* с соответствующими глаголами: *ktoś stracił chęć / ochotę* «у кого-то пропало желание», *ktoś komuś odebrał chęć* «кто-то лишил кого-л. желания», *komuś brak, brakuje, zabrakło chęci* «у кого-то нет, кому-то не хватает желания» и т. д. и т. п. Утрата желания может выражаться в глаголах префиксальными средствами. Ср. русск. разг. *расхотеть* и *расхотеться* (чего-л. кому-л.) (*расхотел есть, расхотелось сдать*) и польск. *odechcieć się – odechciewać się*. Примеры польских контекстов: *Po prostu mi się odechciało i już*. «Просто мне расхотелось и всё» [Konwicki 1993: 184]; *Kłamię! Znowu mi się odechciało!* «Врет. Снова ему расхотелось» [Konwicki 1993: 186].

Аксиологическая характеристика объектов желания может быть различна, что обусловлено как объективными, так и субъективными условиями коммуникации: зависит от эмоционального настроения говорящего, ситуации, его социальной ориентации. Так, в обществе, ориентированном на потребление и успех, «желанными» объектами являются предметы и феномены, обозначенные номинатами «слава», «прибыль», «достижение» и т. п. Ср. приводимые обычно в словарях современного польского языка словосочетания: *chęć zysku* «желание получить прибыль», *chęć sławy* «желание славы / прославиться», *chęć posiadania czegoś* «желание / жажда обладать чем-л.», *chęć wybicia się* «желание выбиться (в люди), выдвинуться» и т. д. С другой стороны, мо-

гут возникнуть ситуации, в которых эмоциональное состояние человека порождает у него такие высказывания, как *chętnie go zabilabym, chciałabym ją zabić*, что вовсе не означает, что речь идет о реальном преступлении. Основным нейтральным средством выражения концепта 'желание' в польском и русском языках является *x*-содержащая лексема *chcieć* (< *chociec*) / *хотеть*. Синтаксические связи *chcieć* и *хотеть* в польском и русском языке совпадают: они сочетаются с инфинитивом, придаточными предложениями, вводимыми союзами *чтобы*, *żeby* и без них, с существительными в вин. и род. п., местоимением *что*, *со* (|| *czego*), наречиями места и направления (напр. «Я хочу домой» – название пьесы С.В. Михалкова) и их заменителями (ср. у М. Цветаевой: *Два дерева хотят друг к другу*).

Примеры из повести Т. Конвицкого с соответствующими русскими переводами:

1. *Rób to, czego ludzie chcą* «Делай то, чего хотят люди» [Konwicki 1993: 97].
2. *Ja wiem wszystko, co chcesz powiedzieć* «Я знаю всё, что ты хочешь сказать» [Konwicki 1993: 69]. Инфинитив с *хотеть* чрезвычайно частотен как в польском, так и в русском языке (ср. *хочу все знать*, цветаевские «Я столько раз хотела жить, / и столько умереть» и «Быть хочу твоей последней колокольней», знаменитые эпатажные строчки К. Бальмонта: «Хочу быть дерзким. Хочу быть смелым... / Хочу одежды с тебя сорвать» и т. д.).
3. *I czego chcesz ode mnie!* «И что / чего ты хочешь от меня» [Konwicki 1993: 77].
4. *Coś chciałem powiedzieć, ale nie wiem co.* «Я что-то хотел сказать, но не знаю, что» [Konwicki 1993: 107].
5. *Chcesz, pójdę z tobą na stos.* «Хочешь, пойду с тобой на костер» [Konwicki 1993: 70].
6. *Może chcą pan środek uspokajający?* «Может быть, Вы хотите успокоительное средство?» [Konwicki 1993: 168].
7. *Ode mnie chcą filmów.* «От меня хотят фильмов» [Konwicki 1993: 99].
8. *Chcesz, żeby przyszedł?* «Ты хочешь, чтобы он пришел?» [Konwicki 1993: 88].

Ср. эллипсоидные конструкции:

а) с пропущенным инфинитивом: *Skoczył kulawo z sąsiedniej galaktyki. Może chciał [skoczyć] gdzie indziej, ale trafił do nas.* «Прыгнул неудачно из другой галактики [Антихрист]. Возможно хотел [прыгнуть] куда-то в другое место, но попал к нам» [Konwicki 1993: 160];

б) с пропущенным придаточным / инфинитивом: *Może oni chcieli [żeby było / zrobić. – H.A.] dobrze.* «Может быть, они хотели [чтобы было / сделать] хорошо» [Konwicki 1993: 201];

в) объектом желания является номинат, выраженный в первом предложении; опущено обобщающее слово *to*: – *Będę ciebie pamiętał młodą, tajemniczą, przyciemnioną letnim zmierzchem jak słowiańska madonna. Chcesz?* «Я буду тебя помнить молодой, таинственной, затемненной летним сумраком, как славянская Мадонна. Хочешь?» [Konwicki 1993: 213].

Ср. употребление причастия от *хотеть* в поэме П. Антокольского «Сын»: *Кусок его мальчишеской души, хотившей жить*. Просторечное *хощь* и в значении 2 л. ед. ч. глагола *хотеть* и в значении союза «хотя, хоть» использует М. Цветаева для создания песенно-фольклорного лада в цикле «Сугробы» («А не хощь – не бери», «хощь и крут мой порог»).

Примеры с *chcieć* и рефлексивом *chcieć się* «хотеться» в составе фразеологизмов: *chcesz czy nie chcesz* «хочешь не хочешь»; *niech się dzieje (niech będzie) co chce* «будь что будет»; *przypadek / traf chciał, że...* «так случилось, что...»; *jak chce autor* «как утверждает автор»; *chcąc nie chcąc* «волей-неволей»; *co / jak / ile... się chce* «что (как, сколько и т. д.) угодно».

От *chcieć* в польском языке функционирует отглагольное существительное *chcenie*. *Chciał to zrobić, ale na **chceniu się skończyło***. Русск. *хотение* употребляется обычно лишь в пословицах (*На всякое хотение есть терпение*) и фольклорно-сказочных формулах («по иучьему велению, по моему хотению» – ср. польск. перевод «*na życzenie szczyraka*»). Хотя в русском поэтическом языке возможно даже функционирование слова *хотение* во множественном числе: «*Нет хотениям*» в «Поэме конца» М. Цветаевой. Императивной формой *chciej* мотивирован книжный дериват *chciejstwo* «волюнтаризм»: *pańwie chciejstwo, polityczne chciejstwo*.

По сравнению с русским языком правила речевого этикета польского языка требуют предпочтения форм кондиционала презентным формам в случаях типа «*Я хочу Вас познакомиться с кем-л.*», «*Вы не хотите / не хотели бы отдохнуть?*» и т. п. (польск. *Chciałbym przedstawić Panu moją żonę, Czy nie zechciałby Pan odpocząć* и т. д.).

Русск. пара *хотеть – захотеть* соответствует польск. *chcieć – zechcieć* (*postąpisz / zrobisz jak zechcesz* «ты поступишь / сделаешь, как захочешь», *nikt nie chciał / nie zechciał ustąpić* «никто не хотел / не захотел уступить»). Глагол *zechcieć* широко употребляется в этикетных формулах: *zechce pan, czy nie zechciałaby pani tam pójść* и т. п. Раньше в этом значении употреблялся глагол с префиксом, аналогичным русскому (*zachcieć*). В настоящее время *zachcieć* и *zachciewać* употребляются только в выражениях с субъектом в Т. п. (*komuś się zachciało // zachciewało się, czegoś / coś robić*). Например: *zachciało się mi jeść / pić / spać, lodów, spaceru* «мне захотелось есть / пить / спать, мороженого, прогулки». Примеры из Т. Конвицкого:

1. *zachcieć się: Jakoś nagle i bez powodu zachciało mi się spojrzeć na świat dookoła* [Konwicki 1993: 109].

2. *zechcieć: Będę robić, co ja zechcę* «Я буду делать то, что я захочу» [Konwicki 1993: 97].

В современном польском языке функционирует дериват от устаревшего глагола *zachcieć* – существительное *zachcianka*, которым негативно оценивается состояние желания: «каприз, минутное и легко изменяющееся желание чего-л.», т. е. русск. *прихоть* (ср.: *Он возчик, и он же конь / Он прихоть, и он же право*. Цветаева, «Маяковскому»). На негативную оценку состояния, отраженного лексемой *zachcianka*, указывает ее сочетаемость: а) с прилагательными *głupia, śmieszna, dziecinna, kosztowna zachcianka* «глупое, смешное, детское, дорогостоящее желание / каприз»; б) с глаголами: *trwonić pieniądze na zachcianki* «транжирить деньги на (глупые) желания», *dogadzać czymś zachciankom* «потворствовать / угождать чьим-то капризам».

Глагол *chcieć*, как и русск. *хотеть*, в определенных контекстах может иметь значение ‘испытывать сексуальное желание – *chęć erotyczno-seksualną*’ (= *pożądanie, porędy płciowy* «половое влечение»). Пример: *ona chciała mnie* [Konwicki 1993: 66], *chcieć kogoś za żonę, za męża* «хотеть на ком-то жениться, выйти за кого-то замуж». Ср. также польск. диалект. *chcieć do konia* (о лошади), *do byka* (о корове), *do knura / kiernoza* (о свинье) ‘проявлять половое влечение’ (о животных). С этим более узким значением *chcieć* соотносится и субстантив *zachciewajki* – формально дериват от глагола *zachciewać* (имперфектива к *zachcieć*). Это шутовское название прыщей, появляющихся в период полового созревания, объясняемое как проявление неудовлетворенного полового влечения (желания). В современном русском языке это значение представлено в существительном *похоть* (от *похотеть*, которое имело в более раннее время и имеет в современных русских говорах значение «хотеть»). Впрочем, в древнерусском языке существительное *похоть* имело, как и производящий глагол, более общее значение ‘желание’. Например, в «Слове о полку Игореве» читаем: *Спаль князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго* (Ум князя уступил желанию и охота отведасть Дон великий заслонила ему предзнаменование) [Слово 1978: 48–49].

Приведенный фрагмент свидетельствует также о том, что корень *žal-* (с корневым *a*) раньше мог в восточнославянских языках иметь значение 'желание'. В этом же произведении мы встречаем еще один дериват от корня **xot'*-, не сохранившийся в современном русском языке, а именно существительное *xot(u)я*, которое в одних контекстах обозначает жену (желанную – см. а), а в других – любимца (желанного – см. б). Примеры: а) *Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, и града. Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?* (Какой раны, братья, побоится тот, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отцов золотой стол, и своей милой, желанной прекрасной Глебовны свычаи и обычаи?) [Слово 1978: 60–61]; б) *...а самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травъ притрепанъ литовскими мечи и с хотио на кров...* (а сам под червлеными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами на кровь со своим любимцем...) [Слово 1978: 86–87].

О некоторых дериватах, образуемых в польском и русском языках от центральных репрезентантов концепта 'желание', мы уже говорили. Приведем еще ряд производных лексем, имеющих отношение к концепту 'желание'. Русск. наречию *охотно* (при отсутствии прилаг. *охотный* в данном значении, ср. только имеющий отношение к *охоте* 'выслеживанию зверей и птиц с целью умерщвления': *охотный ряд*) соответствует польск. *chętnie*. Впрочем, польская поговорка *Przy szklance i język ochotniej chodzi* «За рюмкой (букв. стаканом) и язык *охотнее* двигается» свидетельствует о наличии в более ранний период подобного адвербиума и в польском языке. В обоих языках есть прилагательные *ochoczy / охочий*. Однако они различаются употребимостью и стилистической окраской. Русск. *охочий* (в м.р. чаще краткая форма *охоч*, отсутствующая в польском языке – *охоч до вина, на работу, работать, до баб*) имеет ярко выраженный просторечный характер и меньшую употребимость, чем польск. *ochoczy* (и отсутствующее в русском наречие *ochoczо*). О большей употребимости польск. *ochoczy, ochoczо* свидетельствует также развитие в них второго значения (*ochoczy* 1. = охочий, проявляющий желание, охоту, готовность к чему-л.; 2. живой, бравурный, радостный; *ochoczо* 1. охотно, с охотой; с удовольствием; 2. рьяно, с пылом). Примеры с первым значением: 1) *Ochoczy do pracy, ochoczy do zabawy, do potosu* «имеющий желание работать, развлекаться, готовый помочь». 2) *Ochoczо tańczyć, Bawiono się ochoczо aż do rana*. В польском языке от *ochoczy* в свою очередь образовался субстантив *ochoczоść* «желание, энтузиазм»: *przejawiać nadmierną ochoczоść do czegoś* 'проявлять излишнюю готовность к чему-л., излишнее рвение'.

В современном польском языке *nomen agentis ochotnik* и производные от него феминативы *ochotniczka* (реже *ochotnica*) означают лиц, которые по собственному желанию занимаются какой-либо работой (например, общественной или службой в армии). Иначе говоря, им соответствует русское слово *доброволец* (для ж.р. нет соответствия). Значение, соответствующее русск. разгов. *охотник поестъ (потанцевать)* 'любитель чего-л.' и *охотница до чего-л.* 'любительница', в польском относятся к устаревшим. Кроме того, русск. *охотник* употребляется как эквивалент «желающий» (*Много тут охотников на эту книгу. На эту книгу не нашлось охотников*). Хотя в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1973 г.) выделяется для *охотник* значение 'тот, кто добровольно берется за выполнение какого-л. поручения', на наш взгляд, это значение, широко известное литературе XIX в., в современном языке утратилось. Отсутствуют в русском языке и однокоренные соответствия польск. *ochotniczy* «добровольный» и *ochotniczo* «добровольно» (*ochotnicza służba wojskowa, zgłosić się ochotniczo do pracy*).

Паре *ochota – ochotka* соответствует пара *chęć–chęтка*. При этом *chęтка* более употребима, чем деминутив от *ochota*: *mieć chętkę na czekoladę; kogoś bierze chęтка do zbytków; kogoś naszła chęтка uciec, mieć chętkę, żeby komuś przyszła chęтка potańczyć*. Ср. у Т. Конвицкого: *Mam ochotę, tam straszną chętkę, żeby skusić los* «Я хочу, у меня

страшное желание испытать судьбу» [Konwicki 1993: 226]. Многозначен адъектив от *chęć* – *chętny* 1. имеющий желание что-л. делать, склонный к чему-л.; старательный: *Chętny uczeń* «старательный ученик». *Chętny do pomocy, do nauki, do usług, do zabawy* «желающий / готовый помочь, учиться, услужить (услужливый), развлекаться»; 2. благосклонный; 3. желающий (*nie ma chętnych*). Ср. пословицу: *Chętnym uchem słuchać* «охотно слушать».

В значении ‘*chętny człowiek*’ («желающий») употребляется и отпричастный субстантиват *chcący*: *stypendium dla chcących się uczyć* «стипендия для желающих учиться». Ср. пословицу с этим субстантиватом: *Dla chcącego (nie ma) nic trudnego*. Пара *chcący* – *niechcący*, генетически связанная с глаголом *chcieć* (т. е. «желая – не желая»), в современном языке употребляется как наречие в значении «специально, умышленно, нарочно – не нарочно, нечаянно»: *Potrącano go, jedni – chcący, inni – niechcący* «Его толкали, одни – нарочно, другие – нечаянно». Синонимом адъектива *chętny* является и стар. *chętniwy*.

С концептом ‘желание’ связан в польском языке и глагол каузации желания *zachęcać* (сов. *zachęcić*) «возбуждать / возбудить желание». В русском языке представлено стилистически сниженное по сравнению с польск. *zachęcić* префиксальное образование *приохотить*. В качестве нейтральных соответствий польск. *zachęcić* функционируют русск. *ободрять, поощрять* и др. (ср. то же в *zachęta* ‘стимул, поощрение’). Пример из Т. Конвицкого: *Zachęcam więc tych, którzy mi ufają, aby rano, po obudzeniu się, na czczo wypili szklaneczkę zimnej, przegotowanej wody* «Я призываю тех, кто мне доверяет, утром после пробуждения натошак выпить стаканчик холодной кипяченой воды» [Konwicki 1993: 83]. Ср. образования от *zachęcać*: *zachęcająco* «обещающе, поощрительно», *zachęcający* «поощрительный, ободряющий». Рефлексив *zachęcić się (do czego)* означает «приохотиться к чему-л.», «втянуться во что-л.», «увлечься чем-л.», т. е. ‘испытать желание что-л. делать’.

В польском языке существует, в отличие от русского языка, и соотносящийся с корнем **xqt’*- глагол каузации нежелания: *zniechęcać / zniechęcić kogoś do czegoś* «отбивать / отбить охоту у кого-л. к чему-л.» (*zniechęcać kogoś do pracy* – отбивать желание работать (охоту к работе). Адъектив *zniechęcony* «потерявший охоту (интерес) к чему-л.» → «разочарованный», «вялый». В субстантиве *zniechęcenie* также представлены значения ‘отсутствие желания’ → «разочарование», «вялость», «уныние» (ср. *zniechęcenie ogarnęło go* «уныние / разочарование овладело им / охватило его».) Рефлексив *zniechęcać się / zniechęcić się* означает «утратить / потерять желание, охоту, интерес к чему-л.» → «разочароваться», «охладеть к чему-л.».

В современном языке не входят в поле концепта ‘желание’ этимологически соотносящиеся с *chcieć* слова *chciwy* «жадный, скупой», *chciwość* «жадность, скупость», *chciwiec* «скупой». Однако такая, например, интерпретация слова *chciwy*, какую нам дал во время диалектологической экспедиции польский крестьянин, а именно: ‘*ten, kto wszystko chce mieć, chce wszystko zagarnąć, chce, żeby wszystko jemu tylko*’ «тот, кто хочет иметь все, хочет все захватить, хочет, чтобы все было только у него», свидетельствует о глубинной связи между концептами ‘желание’ и ‘жадность’.

II. ПОЛЬСК. *ŻĄDZA*, РУССК. ЖАЖДА – ЖАЖДАТЬ, ПОЛЬСК. *PRAGNIENIE* – *PRAGNĄĆ*

В отличие от нейтральных составляющих ЛСП ‘желание’, компоненты с континуантами **żęd(j)-* и **prag-* в современных русском и польском языках (русск. *жажда*₁ – *жаждать*₁, польск. *żądza*₁, *pożądanie*₁ – *pożądać*₁, *pragnienie*₁ – *pragnąć*₁) обозначают высокую степень желания. Ср. словарные определения некоторых из этих лексем: *жажда*₁ – ‘сильное, страстное желание чего-н.’, *жаждать*₁ – ‘сильно желать’, *pragnienie*₁ – ‘*gorąca*

chęć, dążenie do czegoś' «горячее желание, стремление к чему-л.», *pragnąć* – 'chcieć czegoś usilnie' «сильно чего-н. желать», *żądza* 'gwałtowne, niepohamowane pragnienie czegoś' «внезапное неудержимое сильное желание чего-н.».

Выражая высокую степень, интенсивность желания, слова *жажда*₁ и *жаждать*₁ одновременно являются стилистически маркированными, в отличие от нейтральных центральных компонентов ЛСП оптативности существительного *желание* и глагола *хотеть*, поскольку приводятся в словарях современного русского языка с квалификатором *высок*. Они частотны в лексиконе русских поэтов, причем не только XIX в., но и современных, где подчеркивают «высокий стиль» поэтического языка.

В отличие от современной русской пары *жажда* – *жаждать* (генетических церковнославянизмов, которым соответствуют исконно русские др.-русс. *жажа*, устар. и диал. *жадать*, ср. говорящую фамилию *Жадов* у А.Н. Островского), в современном польском языке в глаголе несов. в. *żądać* (соответствующий перфектив *zaządać*) специализировалось значение 'требовать', в котором волитивный компонент значения хотя и просматривается (поскольку всякое требование предполагает желание требуемого действия или предмета, ср. определение отглагольного существительного *żądanie* 'życzenie wyrażone w kategoriowej formie' «желание, выраженное в категорической форме»), но затемнено значением 'совершение определенных действий для достижения желаемого' (категорической просьбы в устной или письменной форме). Значение 'сильно желать чего-н.' представлено в современном польском языке в производном от *żądać* префиксальном глаголе *pożądać*. В древнепольском языке *żądać* сохраняло еще значение 'сильно желать чего-н.; ожидать'. Это значение представлено как в древнейших памятниках польской письменности, так и в источниках XVI в. Например, в рукописном памятнике конца XIV в. «Житие св. Блажея» читаем: *Swyoty blasze[ry] mosznye [=mężnie] zodal cyrzpyenyja prze Ih[e]zv crista* «Святой Блажей мужественно жаждал пострадать (букв. страданий) ради Иисуса Христа»; *kaszda [niewiasta] zodala miloscyye prze ihezu Crista cyrzpyecz* «Каждая дева жаждала во имя любви к Иисусу Христу страдать» [Vrtel-Wierczyński 1969: 32]. В таком же значении этот глагол употребляется в ряде произведений XVI в., например в первой польской печатной книге, переводе средневековых латинских молитв «*Raj duszny*» («Рай души», 1513 г.) и рукописи «*Sprawa chędogo o męce Pana Chrystusowej*» (1544 г., в III ее части «*Historia o trzech królach*»). Примеры из «Рая души»: *bych też ani myślił ani żadał jedno tobych tobie wdzięcznie go baczył* «и я бы тоже и не думал и не желал ничего, только бы с благодарностью [букв. благодарно] его [Иисуса] видеть»; *A stąd ża[da]ł Piłat wypuścić go* «А отсюда хотел Пилат выпустить его» [Vrtel-Wierczyński 1969: 224]. Пример для *żądać* 'желать' из «*Sprawy chędogiej*»: «*yze tho zaslužily wydziecz, czego sdawnych czassow wssidczy ludzie ssmąthliwie czekały a zandaly*» [Vrtel-Wierczyński 1969: 112] «что это заслужили видеть, чего с давних времен все люди с грустью ожидали и желали». Кстати, употребление в данном контексте рядом глаголов *czekać* 'ожидать, ждать' и *żądać* 'желать' – косвенное свидетельство близости и пересекаемости ЛСП 'ожидание' и 'желание'. В древнепольском языке употреблялся также субстантивный дериват от этого глагола с суффиксом *-ość*: *żadość* «алчность; вожеление». В частности, существительное *żadość* выступает наряду с другими наименованиями пороков (Тщеславием, Чревоугодием, Словоблудием, Своеволием, Спесью и под.) в аллегорическом произведении «*Fortuny i spoty różność*» (перевод с чешского, 1524)¹. Старое значение 'желание' выходит на первый план в выражении *na własne żądanie* «по собственному желанию»: *odejść (zostać zwolnionym) z pracy na własne żądanie* «уйти (уволиться) с работы по собственному желанию».

¹ «*Komornikow pana Szczęścia iestci niemalo dosyżc wspanoszałych, a czelnieyszi: Pych, Dopor czci, Lubosż, Lako(m)stwo, ktorzy mie (iakom rzekł) z dworu wypchali. Potym ijnych mnostwo, iako: Slowotwor, Przechyra, Swieboda, Żadość, które próżno wyliczać*» [Vrtel-Wierczyński 1969: 272].

И дело здесь не в переводном эквиваленте, поскольку смысл ‘желание’ представлен для данного контекста в толковых словарях польского языка. Ср. трактовку этого выражения в трехтомном Словаре польского языка под ред. С. Шимчака: «*odejść, zostać zwolnionym z pracy z własnej inicjatywy*» [Szymczak 1981, III: 1086]. Полным синонимом к «*na własne żądanie*» является словосочетание «*na własne życzenie*». В других контекстах *na żądanie* = по требованию. Ср.: *na (każde) żądanie* – по (любому) требованию (например: *przystanek na żądanie* – остановка по требованию).

Об исходном синкретизме значений ‘желать’, ‘требовать’ (а также ‘просить’), которые указывают этимологи для реконструируемого праслав. **žed-* – континуации и.-е. **g^hhedh-*, – свидетельствуют, например, соответствия русского *хотеть* и польск. *żądać* в следующих контекстах: *ile pan za to żąda?* – что (сколько) вы за это *хотите*?

Кроме того, значение ‘желание’ как основное представлено в адъективе *żądny* книжн. ‘*gorąco, namiętnie czegoś pragnący, spragniony, chciwy czegoś*’ «горячо, страстно желающий чего-л., жаждущий, алчущий чего-л.».

Таким образом, в современном литературном польском языке значение неспециализированного желания как основное представлено в таких лексемах, содержащих континуант корневой морфемы **žed(j)-*, как существительное *żądza*₁, адъектив *żądny* (книжн.) и образованное от него наречие *żądnie* ‘с вожделением, жадно, алчно’, глагол *pożądać*₁ ‘страстно желать чего-л., жаждать’, а также в формах, производных от этого глагола, которые подробнее мы рассмотрим ниже.

Обозначающие неспециализированное желание русск. *жажда*₁ и польск. *żądza*₁ управляют родительным падежом существительного, номинирующего объект ‘желания’. Это могут быть номинации определенных объектов, обладание которыми считается в данном социуме благом (знание, слава, почести, богатство и т. п.), действий, состояний и чувств, обычно довольно сильных (месть, любовь, ненависть и т. п.): *żądza zemsty* – «жажда мести», *żądza czynu* «жажда действий», *żądza wiedzy* «жажда знаний» (= любознательность), *żądza władzy* «жажда власти» (= властолюбие), *żądza walki* «жажда борьбы», *żądza zaszczytów* «жажда почестей» (= честолюбие), *żądza miłości* «жажда любви», *żądza przygód* «жажда путешествий», *żądza sławy* «жажда славы» (= честолюбие). В отличие от русского языка, в котором в сочетании с лексемой *жажда* возможен инфинитив, номинирующий тот или иной объект желания, в польском языке инфинитив невозможен. Ср. русск. *жажда действовать*, *жажда обладать чем-л.* и польск. *żądza działania*, *żądza czynu*, *żądza posiadania czegoś*. Адъектив *żądny* «жаждущий» имеет сходную с субстантивом *żądza*₁ синтаксическую (род. п. суц.) и лексическую сочетаемость: *żądny sławy* «жаждущий славы», *żądny wiedzy* «жаждущий знаний» (= любознательный) (в отличие от польского языка в русском предпочтительнее форма плюратива в управляемом адъективом субстантиве; ср. синоним *chciwy*), *żądny władzy* «властолюбивый; жаждущий власти»; *żądny zaszczytów* «жаждущий почестей», *żądny silnych wrażeń* «жаждущий сильных ощущений / ярких впечатлений», *żądny przygód* «жаждущий / ищущий приключений». То, что *жажда – żądza* является состоянием высокой степени эмоционального напряжения человека, охватывающей всю его сущность воликативной эмоцией, которой трудно и даже невозможно противиться, выражено в лексической сочетаемости этих субстантивов с такими адъективами, как *nieporównywalna (żądza)* – «неудержимая» (*жажда*), *niezasyczona (żądza)* – «ненасытная» (*жажда*), *nieustrzebiona жажда знаний*, *oranowany żądzą przygód* «охваченный жаждой приключений», а также со следующими глаголами: *пылать – pałać* (*пылать жаждой мести*, *pałać nieodpartą żądzą wiedzy* «гореть / пылать неустрабимой / непреодолимой / некротимой жаждой знаний»).

Русский глагол *жаждать*₁ и польский аналог *pożądać*₁ также управляют род. п. существительных, обозначающих конкретный объект желания: *pożądać snu* «жаждать

сна», *pożądać spokoju* «жаждать покоя / спокойствия», *pożądać szczęścia* «жаждать счастья», *жаждать примирения*. Образованное от глагола *pożądać*, причастие *pożądany* в значениях 'желаемый', 'желанный' также является компонентом ЛСП оптативности. (Ср. толкования этих двух значений в словарях: 'taki, którego obecność sprawia przyjemność, mile widziany' «такой, присутствие которого желаемо, приветствуется»; 'będący przedmiotem pragnienia, upragniony' «являющийся предметом желания, желанный».) Примеры сочетаемости адъектива *pożądany* с определяемым существительным: *pożądany gość* «желанный гость», *pożądane odwiedziny* «желанный визит», *pożądany skutek* или *pożądany wynik* «желаемый / ожидаемый результат / эффект». Объект 'желания' при адъективе *pożądane* может быть выражен целым придаточным предложением (ср. то же с русск. *желательно*): *Byłoby pożądane, żeby pan do nas przyszedł rano* «Было бы желательно, чтобы Вы пришли к нам утром». Кроме того, адъектив *pożądany* употребляется и в сформировавшемся на базе первичной 'желательности' вторичном значении 'соответствующий' (намерению, желанию, планам и т.п.) (польск. словарное толкование значения: «odpowiadający planom, zamierzeniom, stosowny, odpowiedni») → 'нужный'. Ср.: *jechać w pożądanym kierunku* «ехать в соответствующем (нужном) направлении». Слияние сем 'желательности' и 'необходимости' представлено в распространённом в научном стиле клише *coś jest / wydaje się bardzo pożądane* (употребление наречия *bardzo* «очень» – свидетельство стирания в подобном клише 'высокой степени' действия, ср.: то же самое представлено, как мы увидим ниже, и при употреблении *pragnąć*, в официальном стиле). Пример из научной лингвистической статьи с данным клише: *Bardzo pożądane wydaje się również szczegółowe zbadanie północnej peryferii języka rosyjskiego* [Popowska-Taborska 2004: 291]. Если в польском языке место давнего бесприставочного *żądać* в ЛСП оптативности занял приставочный *pożądać*, то в русском языке архаическим является приставочный *возжаждать* (перфектив в отличие от польского префиксального глагола несов. вида), который уже не приводится многими словарями современного русского языка и употребляется в качестве маркера возвышенной поэтической речи.

В ЛСП 'желание' в польском языке входят также производные от *pożąd-* имена с суффиксом *-liw-* (*pożądliwie*, *pożądliwy*, *pożądliwość*), которые относятся чаще всего к конкретному виду желания ('желание физической близости, похоть, половое влечение'), но также употребляются и в значении 'жадный = алчный', 'жадно, с вождением', 'жадность, алчность'. В приведенных русских соответствиях *жадный*, *жадно*, *жадность* (не в значении 'скупой', 'скупость') представлено сохранение собственно русского корня *жад-* (в отличие от церк.-слав. *жажд-*). Образований с этим континуантом в русском языке было значительно больше, чем сохранившиеся в современном литературном русском *жадность*, *жадный*, *жадно*. Так, в СлРЯ XI–XVII вв. представлены: *жадати / жедати* 2. сильно желать, жаждать, хотеть чего-л., *жадѣти и жадити* 'сильно желать, хотеть чего-л.', *жадный₂* 'сильно желающий, жаждущий чего-н.', *жадательный (жедательный)* 'испытывающий сильное желание, жаждущий чего-н.', *жадание(ье) (желание)* 2. желание, стремление, *жадовати (жедовати)* 'то же, что *жадати₂*', *жажа* (только в конкретном значении 'жажда' – желание пить), *жажати* (то же, что *жаждати₂*) [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 69–70]. Ср. у В.И. Даля ряд диалектных лексем с корнем *жад-* со значением 'желание' (без учета конкретного значения 'жадность, скупость'): *жадаты* 'сильно желать, хотеть, волиять' (*жадаю видеть его* влгд., тмб., ряз. или я *жадаю его*), *жадеть*, 'жадать, жадно желать, нетерпеливо хотеть, ожидать'. *Жаданье* ср. состояние по значению глагола. *Жадатель* м. -ница ж. желатель, нуждающийся в ком или в чем. *Жадничать* орл. *жадовать* чего быть нескромным, в желаниях своих, страстно и ненасытно хотеть приобрести что... *Жадобный* нвг., твр., ряз. или сщ. *жадобинка* об. нвг. *жадобнушка* об. ол. *жадоба* об. желанный,

милый, любимый, любезный, родимый; душа, сердце мое, ласкательн. кого жалею и // кого желаю. Вместо *жа́добный* в этом значении употребл. *жа́дный*... *Жадо́ба* юж. так-же *жажда, алчба, алчность, страстное хотенье, стремленье, желанье. *Жадо́бить* чего, юж. страстно хотеть, желать [Даль 1978,1: 524].

Остатки некогда более обширного словообразовательного гнезда корня *жад-* (*жад-ный, жадно, жадность*), входя в современном русском литературном языке в ЛСП 'желание', выражают его чрезвычайно высокую степень, чрезмерность, избыточность. Ср. словарные толкования этих лексем: *жадность* 1. *Чрезмерное* стремление удовлетворить какое-л. желание. Есть с жадностью. Ж. к развлечениям, *жадный* 1. неудержимый в стремлении удовлетворить какое-н. желание, *слишком* падкий на что-л. Ж. к деньгам, на еду (до еды). Жадно слушать. Жадное любопытство. Ж. на работу (до работы) [Ожегов 1973: 175].

Чаще всего определители *жадно, жадный* относятся, помимо поглощения еды и воды (*жадно есть, пить* 'с жадностью, т.е. с большим желанием', *он жадно сделал глоток воды*), характеристики активных действий (*жадно / с жадностью* работать, что-л. делать), к органам внешнего восприятия (т.е. зрению и слуху), которые являются основным каналом получения информации о внешнем мире, средством удовлетворить «жадное любопытство» или «жажду знаний / знать». Ср.: *жадный взгляд (взор), жадно слушать кого-л.* (= с жадностью), *жадно внимать кому-л.* и т.д.

В ряде слов, входящих в ЛСП 'желание', представлен также конкретный вид желания (специализированное желание), относящегося к основным физиологическим потребностям человека: 'желание пить' (*жажда₂ – жаждать₂, pragnienie₂, ср. jestem spragniony* «я хочу пить»), 'желание есть' (ср. устар. высок. *алкать*, др.-польск. *łaczny* 'голодный'), 'желание совокупляться' (*хотеть, похоть, chcieć* – см. выше; *pożądać₂, pożądanie₂, пожелать / устар. возжелать* – библич. *не пожелай жены ближнего, возжеление* < *въж-желъние* <– *желю* 'желать' и 'сожалеть', *желанный, желанная* (о любимых), *pożądliwy* «похотливый», *pożądliwość* «похоть», *rosiąq* «половое влечение», *poręq* 'то же'). Вероятно, и хронологически специализированные желания «есть» и «пить» предшествовали в некоторых случаях неспециализированному. Об этом свидетельствует наличие в старославянском *алькати, лакати* значения 'быть голодным, испытывать голод' и производного от первого значения 'поститься' (т.е. 'намеренно голодать') [Ст.-слав. словарь 1994: 69]. Те же значения как первые два представлены для *алкать* в «Словаре» В.И. Даля, только значения, связанные с чувством голода, указаны здесь для префиксальных и префиксально-суффиксальных *взалкать, поалкать, наалкаться, доалкаться до тошноты, заалкаться*, а также 'голод, голодание' и 'голодный' определяют семантику существительных *алкание, алкота, алчба* и прилагательного *алчный* [Даль 1978, 1: 11]. Ср. употребление Сумароковым лексемы *алч* в значении 'голод' в переводе басни Лафонтена: *Утоли мой алч и жажду!* (цит. по [Топоров 2006: 408]).

Приведем примеры с *жажда₂* 'желание пить' и *жаждать* 'хотеть пить' из произведений М.И. Цветаевой, поэтика которой тяготеет к употреблению экспрессивной, высокой лексики: *Стакан воды во время жажды жгучей / – Дай – или я умру!* («Земное имя»); *Слепец... Обратной не отдашь? / Нет? Наклонюсь – услышишь? / Всеутолительницы жажд* [т.е. воды. – Н.А.] / *Держусь, как края крыши* («Поэма конца»); *Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна, / Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.* («Я – есмь цвет»). Ср.: в переносном значении употреблено А.С. Пушкиным в «Пророке»: *Духовной жаждою томим / В пустыне мрачной я влачился.* При этом в русском языке «жажда утоляется», а в польском, поскольку в западнославянских языках отсутствует континуант *toliti, *utoliti (и.-е. **tel-* / *tol-* / *tl-*) [Черных II: 295], она «гасится»: *ugasić pragnienie*. Номинация жидкой субстанции представлена и в I части

композиата *кровожадный* (ср.: в польск. *krwiożerczy* отсутствует во II части континуант **żęd-* и представлено образование от глагола *żreć* «жрать, пожирать»).

Прежде чем перейти к корню **prag-*, остановимся на соотношении 'желания' и 'ожидания'. Мы уже отмечали, что целенаправленное ожидание чего-л. благого (надежда) предполагает желаемость действия / события. *Долгожданный* ребенок – это тот ребенок, которого *хотели* и долго ждали. Ср. *ждет не дождется* 'сильно хочет'. Древнеславянские антропонимы типа *Nieždan* и *Ždan* (как и *Нечай*), даваемые детям при рождении, закрепляли в имени процесс желаемости / ожидаемости – нежелаемости / неожиданности появления новорожденного. Ср.: в русском переводе сказки французской писательницы г-жи д'Онуа «Лесная лань» долгожданную новорожденную принцессу называют, по совету фей, *Желанием*. Ср. также у И.А. Крылова в «Письме о пользе желаний»: *Не тот счастлив, кто счастьем обладает: / Счастлив лишь тот, кто счастья ождает* (т. е. желает, стремится к счастью). И в современном русском глаголе *ждать* выделяется значение 'стремиться (т. е. желать) получить что-л.', которое приводится через запятую с 'надеяться на что-л.' [Черных, I: 294], хотя основным является значение 'пребывать в состоянии, когда появление чего-л. не является внезапным' (но не обязательно желательным). *Ждать* – континуант корневой морфемы **žbd-*, отличающейся от корня **žęd-* лишь огласовкой, возводится к **g(h)eidh*. Для и.-е. **g(h)eidh* реконструируют сему 'ждать' наряду со значениями 'быть жадным' и 'требовать', которое реконструируется и для **g^hhedh* (> **žęd-*) [Черных, I: 294]. Формальная близость не могла не способствовать и сближению семантики. С другой стороны, формальная и семантическая близость континуантов корневых морфем **žbd-* и **žęd-* проявляется и в наличии значения 'надеяться, уповать' не только в *ждать* (современное и древнерусское), но и в др.-русск. *жадати*. В СлРЯ XI–XVII вв. приводятся примеры XVI – начала XVII в. [СлРЯ XI–XVII 5: 69].

Глагол *żdać* в современном польском языке отсутствует, хотя *żdać* было известно древнепольскому языку. В современном польском языке ему соответствует глагол *czekać* (др.-польск. *czakać*). Таким образом, в ЛСП 'желание' в современном русском языке входят (хотя и не в ядро ЛСП, а ближе к периферии) глагол *ждать, ожидать*, субстантив *ожидание* (как и *чаять* – *не чаял вас увидеть, нечаянно* [т. е. не желая, ср. – невольно] *толкнуть кого-л.* – еще один периферийный компонент ДСП 'желание'), а в польском – *czekać, czekanie*.

В свете вышеизложенного словосочетание *жадно ждать* в какой-то степени (а в еще большей степени *жадно желать / хотеть*) – генетические плеоназмы ('с огромным желанием желать'), поскольку и в наречии, и в глаголах присутствует смысл 'желание'. (Ср. в связи с этим аналогичный генетический плеоназм *chęć chwyta* «желание охватывает / берет».)

Переходим к анализу **prag-*, который, несмотря на формальную континуацию в русском языке в значениях, связанных с 'горением' и 'жареньем', в отличие от польского континуанта, не входит в ЛСП оптативности. Лексемы с континуантом **prag-* репрезентативны для польского языка и находятся в ЛСП 'желание' ближе к центру, чем к периферии. Хотя *pragnąć* обозначает более высокую степень желания, чем *chcieć* (ср. толкования в словарях польского языка: *pragnąć* – 'chcieć czegoś usilnie' «сильно чего-н. желать», *pragnienie*, 'gorąca chęć, dążenie do czegoś' «горячее желание, стремление к чему-л.»), в ряде контекстов (клише) эта 'более высокая степень' стирается, а лексема *pragnąć* сигнализирует об определенном стиле клишированного выражения – высоком, официальном. Ср.: *Pragnę Państwa zawiadomić* (из официального приглашения на конференцию), *Pragnę złożyć Panu życzenia z okazji jubileuszu* (из официальной поздравительной телеграммы). В научных статьях (так же как выше рассмотренное *jest (wydaje się) bardzo pożądanе*) глагол *pragnąć* сигнализирует не о высокой степени выражаемого

желания, а является маркером научного стиля. Ср.: *Tematyka, którą pragnę podjąć, ma już za sobą duże tradycje badawcze, sięgające początków rozwoju geografii lingwistycznej, i dotyczy prób lokalizacji faktów językowych w powiązaniu z szeroko pojętymi faktami kulturowymi* (пример из лингвистической статьи) [Popowska-Taborska 2004: 269].

С одной стороны, стирание этой семантики ‘сильного, горячего’ состояния (совпадающего, кстати, с этимологией корня *prag-*, соотносимого этимологами с *prażyć* «жарить», *Praga* и под. [Brückner 1970: 434], ср. литовск. *prāgaras* ‘ад, пекло, преисподняя’, *prāgariškas* ‘адский’, белор. диал. *праці* «жарить» (*праці яечню* – цит. по [Борковский 1981: 124]), белор. диал. и литер. *пражыць* и белор. диал. *пражонка* ‘яешня’ «яичница» [Бялькевіч 1970: 338]), а с другой – проявление закона «семантической гармонии» [Гак 1972] приводит к появлению генетических плеоназмов типа *pragnąć czegoś gorąco*.

Словосочетания *pragnąć z całej duszy, z całego serca* свидетельствуют о передаче глаголом *pragnąć* эмоционального состояния, охватывающего всю духовную сущность человека, с которой связаны понятия сердца и души, топологически располагающихся в одном и том же месте.

Каким может быть *pragnienie*? Иначе говоря, какова лексическая сочетаемость этого существительного с прилагательными и субстантивами, выступающими в функции определения? *Pragnienie* может быть, в частности, *przemężne* «огромное, непреодолимое», *najskrytsze* «сокровенное, самое скрытое». Как и *chęć*, *pragnienie* употребляется с род. п. существительного (в древнепольском возможен был и ‘дат. п. с предлогом *ku*’: *pragnienie ku czemu* «желание чего-л.»): *pragnienie miłości* (жажда / желание любви), *pragnienie sławy* – ср. синонимы *żądza / chęć sławy* (жажда славы), *pragnienie wiedzy* – ср. синоним *żądza wiedzy* (жажда знаний), *pragnienie zemsty* (жажда / желание мести), *pragnienie zysku* (жажда прибыли), т. е. в качестве объекта «*pragnienia*» могут быть, как и для «*żądzy*», номинации довольно сильных чувств или объектов, представляющихся в данном социуме благом материальным или духовным (*zysk* «прибыль», *sława* «слава», *wiedza* «знание»). *Pragnienie* может сочетаться с инфинитивом: *pragnienie dowiedzieć się czegoś* «желание узнать о чем-л.».

Что можно делать с «*pragnieniem*»? Его можно *budzić* «возбуждать», *obudzić* «возбудить», *podniecać* (как и с огнем – отсвет «жаркой» этимологии корня *prag-*) «разжигать; возбуждать», *spełnić* «исполнить», *zaspokoić* «удовлетворить» (например, *zaspokoić wszystkie pragnienia* «удовлетворить все желания»). Субъект может *doznawać / doznać pragnienia* «испытывать / испытать желание». И можно *nie mieć żadnych pragnień* «не иметь никаких желаний». Само *pragnienie kogoś opanowuje* «охватывает кого-л.», *rośnie w kimś (w czyimś sercu)* – словосочетания указывают на всепоглощающий характер этого состояния (*opanowuje*) и на возможность усиления этого чувства. Глагол *pragnąć* (кроме вышеприведенных сочетаний) обязательно сочетается с род. п. субстантива (как *pożądać* и в отличие от *chcieć*, который в зависимости от лексического наполнения объекта может сочетаться с род. или вин. п.): *pragnąć spokoju, szczęścia, sprawiedliwości, zdrowia* (номинации объектов, аксиологически позитивно маркированных в данном обществе). *Pragnąć* сочетается с инфинитивом: *pragnąć wyjechać na wakacje* «очень хотеть уехать на каникулы». Ср. у А. Мицкевича в поэме «Pan Tadeusz»: *Pragnąłby u Woźnego lepiej się zapytać o pani Telimienie, / Lecz go nie mógł schwytać; Podróżny do folwarku nie biegł sług zapytać, / Odemłknął, wbiegł do domu, pragnął go powitać* (Księga I: Gospodarstwo). *Pragnąć* сочетается с придаточным, являющимся развернутой номинацией объекта ‘желания’: *pragnę, abyś (byś) dochował obietnicę* «я очень хочу, чтобы ты выполнил обещание». Лексема *pragnąć* функционирует в составе фразеологизма «*pragnąć czegoś jak kania deszczu*» ‘bardzo, gorąco, niecierpliwie pragnąć czegoś’ (кстати, употребление в словарной трактовке данного фразеологизма определителей *bardzo, gorąco, niecierpliwie* в сочетании с *pragnąć* свидетельствует о выхолащивании семы

‘высокая степень’ эмоционального состояния в глаголе *pragnąć*, о чем уже шла речь в связи с научным и официальным стилями). В качестве синонимов к *pragnąć* в данном фразеологизме употребляются также глаголы *wyglądać / czekać / łaknąć (czegoś jak kania deszczu / dżdżu)*. *Pragnąć* входит также в состав частотного разговорного клише, призванного убедить собеседника в искренности говорящего: *jak pragnę szczęścia (zdrowia)* ~ «провалиться мне на этом месте», «право». Причастная форма *spragniony* «жаждущий, алчущий» употребляется с род. п. номинации объекта желания (*spragniony czegoś*, например: *spragniony co raz nowszych wrażeń* «жаждущий / алчущий новых впечатлений»). *Spragniony* имеет также значение, связанное со специализированным желанием (‘хотеть пить’), которое выделялось выше для *pragnienie*₂, *жажда*₂, др.-русск. *жажа*. Значение ‘хотеть пить’ представлено как устар. в современном польском языке в *pragnąć*₂. В древнепольском языке эта лексема широко употребляется в значении ‘хотеть пить’ (ср.: Иисус Христос на кресте говорит «Pragnę» «я хочу пить» в сборнике молитв «Raj duszny»)¹. В отличие от двузначного в современном польском языке причастия *spragniony* также входящее в ЛСП оптативности причастие с префиксом *u-* (*upragniony*) выражает только неспециализированное желание (тот, которого желают, желаемый, синоним *wymarzony* – пересечение с ЛСП ‘мечта’).

Некоторые выводы

1. Центральными нейтральными субстантивным и глагольным компонентами поля концепта ‘желание’ в русском языке являются пары *желание* – *хотеть*, в польском *chęć / ochota* – *chcieć*. В русском языке глагол *желать* и существительное *охота* занимают периферийное положение (стилистически маркированы, не столь употребительны), что, возможно, связано с наличием омонима *охота* «выслеживание диких животных и птиц с целью их умерщвления» (польск. *polowanie, polować*, но *myśliwy* «охотник») (ср. вторичное употребление русск. *охота* – *подводная охота, охота с камерой / фотоаппаратом*, польск. «*Polowanie na tuchu*» – название фильма А. Вайды), а для *желать* – наличием в нем еще одного значения ‘желать кому-л. чего-л.’ (польск. *życzyć*).

2. В польском языке в связи с употребимостью лексемы *ochota* широко представлен по сравнению с русским круг производных от нее дериватов (*ochotka, ochoczy, ochoczo, ochotnik, ochotnica // ochotniczka* и др.). Вообще число образований с континуантом корня **xьt-* / **xqt-* в польских существительных значительно превосходит количество русских формаций (ср. *chęćka, zachcianka, zachcenie, chcenie – niechcenie, niechęć, zachciewajki* и др. и русск. *похоть, прихоть*, периферийное *хотение*).

3. Синтагматический (или ассоциативно-синтагматический) анализ центральных компонентов поля концепта ‘желание’ показал, что в обоих языках находит выражение либо высокая степень проявления состояния желания, либо его отсутствие или утрата. Это состояние выражается языком как внезапно, стремительно возникающее. Этот же анализ выявил, что и в польском и в русском языке центральные субстантивные репрезентанты данного концепта часто сочетаются с глаголами активных действий, которые исходно относятся к живым существам (*желание пришло, ochota wzięła, chęć chwytą, roguwa* и тому подобные языковые метафоры). Особенно любопытно сочетание с глаголами с семантикой ‘хватать, брать’, поскольку в них (с учетом возводимости этимологии **xot-*, **xьt-*, *xqt-* к **xvot-*) проявляется, по всей видимости, имеющий универсальный характер принцип семантического соответствия (или «закон семантического согласования» по В.Г. Гаку [Гак 1972]).

4. Содержание концептуального поля (в данном случае ЛСП, входящего в состав концептуального поля ‘желание’) исторически изменчиво как по составу его компонентов,

¹ «*Potym wiedząc Jezus, iż sie wssytko spełniło, iż by sie wypełniło pismo, rzekl: Pragnę*» [Vrtel-Wierczyński 1969: 225].

так и в отношении места, которое занимает тот или иной лексический компонент в ЛСП. Например, в древнерусском языке состав лексем с корнем *жад-*, входящих в ЛСП ‘желание’, значительно превышает состав лексем с этим корнем в современном русском языке, отсутствует в последнем морфонологический вариант *жед-* в качестве компонента концепта ‘желание’ (др.-русс. *жедати, жедание, жедательный*). Тем не менее новое в языке создается из элементов старого, и, в частности, особенности лексической сочетаемости и фразеологизмы компонентов ЛСП ‘желание’ доносят до нас «отсвет» представлений, которые легли в основу номинации того или иного явления. Так, сочетаемость *gasić pragnienie, rozniesać pragnienie*, фразеологизм *pragnąć jak kania deszczu* дают представление о чем-то горячем и жгучем (что можно «угасить» водой), присутствующем в значении номинации *pragnienie*, что совпадает с реконструируемой семантикой корня **prag-*. Следует заметить, что в ряде случаев в ЛСП ‘желание’ на определенном этапе развития языка может входить один из морфонологических вариантов, континуирующих один и тот же корень. Например, из морфонологических вариантов корней **t'ęg-* и **tǫg-* в польском и русском языках только первый входит в ЛСП ‘желание’ (*pociąg* «влечение», *тяга к чему-л.*), а континуант варианта **tǫg-*, как в древний период (в русском и польском), так и в современном русском языке (в современном польском литературном языке отсутствует), является компонентом ЛСП ‘тоска’ (*туга, тужить*, др.-польск. *tużyć // tężyć* «тосковать, тужить») в отличие от чешско-словацкой зоны, где чешск. *touha, toužiti*, словц. *tužiti, tuga* являются также составляющими концепта ‘желание’ (ср. *touha povědění* «жажда знаний», *horet touhou* «гореть желанием»). В ЛСП ‘желание’ в чешском входят и дериваты *toužebný* «жаждущий, страстный», *toužený* «желанный», *toužebně (hledet)* «жадно» (смотреть), *tužba* книжн. «сильное / страстное желание чего-н.; страсть к чему-л.», мн. *tužby* «чаяния». Или для двух морфонологических вариантов *žel-* / *žal-* (если считать их восходящими к одному глаголу или (при противоположной точке зрения) смешавшихся вследствие формальной близости континуантов разных глаголов), входящих в древнерусском как в ЛСП ‘жалость, скорбь’, так и в ЛСП ‘желание’ (хотя *žal-* занимает во втором поле маргинальное место, ср. «*жалость* ему знамение заступи, искусити Дону Великаго» в «Слове о полку Игореве»), впоследствии происходит дифференциация: *žel-* относится исключительно к полю ‘желание’, а периферийный для ЛСП ‘желание’ вариант *žal-* – к компонентам ЛСП ‘жалость, скорбь’.

5. Несоответствие в формальной эквивалентике выражения концепта ‘желание’ в сопоставляемых языках может быть обусловлено не только отсутствием в одном из языков континуанта лексемы с определенным корнем, входящим в ЛСП оптативности (**prag-* в русском, которое переводится в последнем образованиями с корнями *жажд-* и *жел-*), но и отсутствием в системе языка определенной грамматической формы при наличии той же корневой морфемы. Например, для глагола *požadac* представлен русский эквивалент с тем же этимологическим корнем *жаждать*, а для причастия *požadany* – только *желательный, желаемый*, поскольку нет причастных форм с корнем *жажд-* (**жажданный, *жаждуемый*).

6. Рассмотренные в статье лексемы, содержащие континуанты корневых морфем **žed-* и **prag-*, демонстрируют, в частности, следующие модели семантических изменений: ‘специализированное желание’ → ‘неспециализированное желание’ (**prag-*) ‘желание’ → ‘требование’ (**žed-*), ‘желание’ → ‘чрезмерное, избыточное желание’ → ‘жадность, скупость’ (**žed-*). Интенсивная степень волитивного эмоционального состояния ‘желания’, выражаемая континуантами **prag-* и **žed-*, может стираться и затемняться в научном и официальном стилях (*jest bardzo požądane*). Формальная близость корней обуславливает семантическое сближение (**žed-* и **žbd-*). ЛСП ‘желание’, как и другие ЛСП, не имеет резко очерченных границ, пересекаясь с другими ЛСП («надежда», «поиск», «мечта» и др.).

Таким образом, лексико-семантическая система любого языка, состоящая из совокупности пересекающихся, плавно «переходящих друг в друга» разнообъемных ЛСП, представляет собой такой феномен, к которому возможно применение понятия «континуум».

ЛИТЕРАТУРА

Ананьева Н.Е. Производные континуанты от корней *mil-, *l'ub-, *lask-, *koх- в русском и польском языках (субстантивы, обозначающие понятие 'любовь') // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова XVIII. Этимология / Гл. ред. А.М. Молдован. М., 2018. С. 11–22.

Алтабаева Е.В. Оптативность в категориальном пространстве языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М., 2007. С. 474.

Апресян Ю.Д. и др. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Идрик, 1994.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН СЛЯ. 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21.

Борковский В.И. Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М., 1981.

Бялькевич І.К. Краёвы слоунік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 367–395.

Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: В 2 т. М.; Варшава, 1980.

Даль В. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 3. М., 1996.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А-З. М., 1978.

Карлейль Т. Прошлое и настоящее. М., 2014.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973.

Слово о полку Игореве. М., 1958.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 (Е–ЗИНУТИЕ). М., 1978.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Толстая С.М. Желать и жалеть: этимология и семантика // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М., 2019. С. 71–81.

Толстая Т. Кысь. М., 2004.

Топоров В.Н. Этимологические заметки // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике: К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М., 1980.

- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
- Konwicky T.* Mała Apokalipsa. Warszawa, 1993.
- Ożóg K.* Polszczyzna przełomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia. Rzeszów, 2001.
- Pawłowski E.* Gwara podegrodzka. Wrocław; Kraków, 1955.
- Popowska-Taborska H.* Problematyka peryferii językowych w badaniach etnogenetycznych // Popowska-Taborska H. Z językowych dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa, 2004. S. 285–294.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Wydanie fotooffsetowe. Tom ósmy. Z–Ż. Warszawa, 1953.
- Słownik języka polskiego / Red. S. Szymczak. T. 3. Warszawa, 1981.
- Vrtel-Wierczyński S.* Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
ПРИКЛАДНОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РУСИСТИКИ:
НАУЧНАЯ БАЗА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Несмотря на сужение функционирования русского языка как языка «горизонтальной передачи» научного знания, т. е. языка, на котором происходит обмен научными результатами и их распространение среди специалистов, в наши дни увеличивается востребованность русского как языка «вертикальной передачи» научного знания, т. е. языка, на котором к специальным знаниям приобщаются новички: ученики, студенты и аспиранты [Сидорова 2016]. Такое количественное увеличение сочетается с изменением качественным, связанным с открытием МГУ имени М.В. Ломоносова и другими российскими вузами филиалов и совместных университетов в Китае и странах постсоветского пространства, т. е. с расширением круга будущих специалистов, осваивающих гуманитарные и естественно-научные дисциплины на неродном русском языке вне языковой среды, причем в ряде случаев освоение этих дисциплин начинается с минимальной задержкой по отношению к началу изучения русского как иностранного. В новой ситуации первостепенную роль играет не собственно методика преподавания РКИ, но понимание лингвистического и предметного содержания обучения. К сожалению, за последние годы первая настолько обособилась от последних, что вразрез с традициями, заложенными когда-то академиком В.Г. Костомаровым, начала ощущать себя самоценной. С другой стороны, за последние годы в области точных методов анализа текста и в психолингвистике получено много данных, подкрепляющих лингвистическую основу обучения РКИ и, в частности, языку специальности, сформированную в восьмидесятые годы XX в. Л.П. Клобуковой, О.Д. Митрофановой, Е.И. Мотиной и другими учеными, методические рекомендации которых всегда стояли на фундаментальной и современной лингвистической почве.

Целью настоящей статьи является обсуждение и аргументация некоторых положений, формирующих лингвистическую основу преподавания русского языка как неродного языка изучения специальных дисциплин. Эти положения лежат в области стилистики, грамматики, современной лексикологии, базирующейся на компьютерных методах анализа больших текстовых корпусов, и психолингвистики. Нам представляется, что без их учета обучение РКИ не может полноценно выполнить свою вспомогательную, инструментальную роль в процессе формирования современного молодого специалиста, а именно это, а не «обучение вербальной интеракции» (как выразилась недавно в дискуссии коллега, преподающая на подготовительном факультете) является целью, которой преподаватель-русист добивается совместно с преподавателями специальных дисциплин. Если филологи не обеспечат бросающуюся в глаза эффективность обучения русскому языку на начальном этапе, мы придем к тому, за что ругают многие коллеги-естественники, – к обучению иностранцев российскими преподавателями в российских и совместных вузах на английском языке, т. е. к потере полнофункциональности русского языка (с тем, как государственный язык потерял или теряет науку и образование как сферу своего существования в развитых странах, можно ознакомиться в [Ferguson 2007] [Stickel 2010] [Bennett 2015]).

Интересно, что решение этой, казалось бы, абсолютно прикладной задачи заставляет нас по-новому взглянуть на соотношение фундаментальной и прикладной лингвистики. Это соотношение в последнее время разворачивается по пути, который в 2003 г. английский лингвист Д. Кристал рассматривал как нуждающийся в защите и аргументации. В статье «Final Frontiers in Applied Linguistics» Кристал приводил дока-

зательства того, что прикладная лингвистика не просто использует идеи и результаты лингвистики теоретической. Она ставит перед теоретической лингвистикой вопросы, решая которые та получает не только практикоориентированное, но и собственно научное знание: «Agreed, you need to know your linguistics before you can develop a mature and sophisticated applied linguistics; but should one not need to know applied linguistics before one can develop a mature and sophisticated linguistics? Should there not at least be a discussion of cases when applied linguistic questions make linguists refine or rethink just what it is they possess?» Кристал, автор значительного количества исследований по теоретической лингвистике, признается, что ко многим из них его подтолкнули именно запросы практической сферы: «I made a personal discovery of a critical and still rather neglected role of English adverbials by trying to answer the question “Is it really true that the English Present tense has 16 meanings and if so then how on earth do you teach them?” There is nothing worse than to see the facial expression of innocent hopeful expectation – the one that accompanies “You are a linguist, you’ll know!” – changed to one of disillusioned disbelief on hearing the response “No, I don’t, actually”. We then try to salvage some face by offering “to do some work on it” [Crystal 2003: 10]. «Понимание того, что нужно иметь в научной лингвистике, частично происходит из понимания того, на какие вопросы мы должны ответить в лингвистике прикладной» – этот тезис Кристала трудно, да и не нужно оспаривать. однако сейчас проблема «сохранения лица» носит, скорее, зеркальный характер. Она состоит в том, чтобы прикладные области русистики, в том числе РКИ, не считали себя эмансипированными от того, что создано в научной лингвистике, и чаще обращались к этому источнику знаний, чтобы лингводидактический взгляд на язык не отрывался от научных представлений о нем.

1. Первым бросающимся в глаза проявлением такого отрыва является существование в программе обучения иностранных студентов начального уровня названия дисциплины «Научный стиль речи» и пособий под тем же названием, обеспечивающих эту дисциплину. Мы уже неоднократно писали и говорили о том, что языковой курс, формирующий предметно-коммуникативную компетенцию на начальном этапе, должен называться «Введение в язык специальности» или «Язык специальности», но ни в коем случае не «Научный стиль речи». Последняя формулировка не просто дезориентирует как преподавателя, так и студента. Она противоречит, во-первых, представлениям научной лингвистики о том, что такое функциональный стиль и стилистическая система языка; во-вторых, современным данным о лексическом составе научных текстов и его дифференциации на общелитературный, общенаучный и специальный словарь. Разберем эти проблемы по очереди.

По определению В.В. Виноградова, «функциональный стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. Из самого этого определения следует, что, не обманывая себя, мы не можем на начальном этапе ставить и решать задачу обучения научному стилю речи, поскольку функциональный стиль – это сознательный выбор из системы возможностей (элементов) языка, осуществляемый на фоне других возможностей, которые по тем или иным причинам в данной ситуации отвергаются как неприемлемые или худшие. Иностранному студенту начального уровня не из чего выбирать, и они не знают факторов и ограничений, определяющих этот выбор, не говоря уже об отсутствии у них представлений о стилистической шкале, на которой локализуется научный стиль речи.

Для того чтобы осуществить стилистический выбор из различных способов выражения готовности выслушать собеседника «Я – весь внимание; Я вас слушаю; Готов я внять твоим речам; Ну, что у тебя там?; Давай, выкладывай, не тяни резину» [Долнин 1978: 19], – говорящий должен а) владеть этими способами; б) знать критерии выбора, включающие в данном случае социальный компонент, который лингвокультурно специфичен. А в чем задача обучения языку на начальном этапе? В том, чтобы как можно быстрее дать учащимся по **одному** способу выражения всех требуемых значений, при этом максимально нейтральному (полифункциональному – со стилистической, жанровой, регистровой точек зрения). Отбор таких способов выражения должен базироваться на результатах, которые дает лингводидактике научная лингвистика. См., например [Клобукова 1987: 11], где демонстрируется дидактическая продуктивность разграничения изосемических и неизосемических моделей предложения и разъясняется, что «именно с освоения изосемических моделей с их нейтральным и экономичным строением и должно начинаться изучение иностранными учащимися русского языка, поскольку изосемическая модель успешно функционирует как в разговорной речи, так и в условиях официального общения». То же касается лексики. Например, в языке зоологии есть стилистически маркированные способы выражения локализации видов животных (*обитать*, *населять*) и стилистически немаркированный (*жить*), который при этом употребляется в нашем текстовом корпусе вузовских учебников по зоологии позвоночных (общий объем – более 505 000 словоупотреблений) 546 раз – более чем в два раза чаще, чем *обитать* (258 раз) и *населять* (227 раз). Следовательно, целесообразно на начальном этапе учить будущих биологов строить предложения и тексты именно с глаголом *жить* (хотя он ни в коей мере не может быть охарактеризован как глагол «научного стиля»). Фактически, говоря о том, что *обитать* и *населять* – глаголы научного стиля речи, а *жить* – общелитературный глагол, мы подразумеваем, что *обитать* и *населять* менее типичны за пределами научного стиля, а *жить* – полифункционален стилистически, «годится» для всех сфер существования языка. Ср. приведенные данные с частотностью этих глаголов по Новому частотному словарю русской лексики [Ляшевская, Шаров 2009]: *жить* – 725,5 ipm (вхождений на миллион словоупотреблений), *обитать* – 13,0 ipm, *населять* – 5,1 ipm. Здесь разница уже не в два, а в десятки раз (следует отметить, что доля учебно-научных текстов в материале словаря Ляшевской-Шарова на 2011 г. составляла всего 11,30% [Ляшевская 2016: 227]).

Кроме того, глагол *жить*, будучи глаголом с более широким значением, чем *обитать* и *населять*, обеспечивает учащихся возможностями сообщать не только о месте обитания, но и о социальной организации и продолжительности жизни различных видов животных (выражение всех этих значений требуется для построения первого же необходимого в курсе зоологии позвоночных типа текста – описания вида животных): *Чешуеноги живут в норах, на поверхности, прячась под подстилкой, в сыпучем песке; Многие виды агам живут колониями, проявляя иерархические отношения и сложное территориальное поведение; Половой зрелости достигают в возрасте одного года, живут 3 года, вырастая до 12 см* (здесь и далее все примеры по зоологии – из учебника «Зоология», авторы Ф.Я. Дзержинский, Б.Д. Васильев, В.В. Малахов; М., 2013). Глаголы *обитать* и *населять* не просто стилистически маркированы, но и более узкофункциональны, чем *жить*, поэтому их можно дать учащимся позже.

Иное соотношение в лексико-семантической группе глаголов *есть*, *питаться*, *кормиться*, *поедать* (глагол *поглощать* малочастотен, поэтому его не рассматриваем): *У обыкновенной песчаной акулы Carcharias taurus самый крупный эмбрион перед поглощением таких яиц поедает всех эмбрионов более мелких размеров; В большинстве ведут придонный образ жизни, поедают различных беспозвоночных и мелких рыб; немногие мелкие пелагические виды питаются зоопланктоном; Особенно интенсив-*

но **питаются** зимой, **поедая** рыб и различных донных беспозвоночных; **Питаются** планктонными и донными беспозвоночными, **поедая** икру и молодь других рыб, они оказываются конкурентами и прямыми хищниками по отношению к ценным промысловым рыбам. В свою очередь, они сами служат кормом для многих рыб (например, трески) и морских птиц; **Кормятся** в основном насекомыми, хотя более крупные, даже наша озерная лягушка могут поедать птенцов; **Кормятся** насекомыми и пауками, но два вида лиалисов охотятся на сцинков, причем относительно крупных; **Кормятся** амфибии почти исключительно беспозвоночными.

Глагол *есть* встречается в нашем корпусе учебных текстов по зоологии позвоночных всего 32 раза, тогда как *питаться* – 466, *кормиться* – 167 раз, *поедать* – 115 раз. Для сравнения: глагол *есть* в Новом частотном словаре стоит на 1290-м месте с частотностью 94,7 ipm, *питаться* – на 5360-м месте с частотностью 17,9 ipm, *кормиться* находится во второй половине тринадцатой тысячи слов (5,2 ipm) и *поедать* – за пределами пятнадцати тысяч (4,0 ipm). То есть в данном случае можно говорить о том, что эти глаголы распределены между функциональными стилями речи: *питаться*, *кормиться*, *поедать* характерны для научного стиля и гораздо реже употребляются за его пределами, а глагол *есть* для него нехарактерен. Но и эта формулировка весьма условна. Точнее было бы сказать, что глаголы *питаться*, *кормиться*, *поедать* характерны для биологических научных текстов, в текстах по химии в них нет нужды, так же, как и в глаголе *есть*.

Итак, для определения стилистической маркированности единицы нам нужно либо привлекать лингвистический анализ, выходящий за пределы интересующего нас типа текста, в другие сферы «речевой общественной практики», либо апеллировать к стилистическим представлениям, складывающимся с детства в речевой практике у носителей данного языка. Невозможность определить стилистическую окраску иначе как на фоне других стилистических окрасок или ее отсутствия является общим местом научной стилистики. О.Г. Ревзина пишет, ссылаясь и на Ш. Балли, и на К.А. Долинина, чья авторитетность в этой области вне сомнений: «Ш. Балли сделал очень важное открытие: он показал, что стилистические смыслы не конвертируются в значение каких-либо других языковых единиц и воспринимаются (по выражению К.А. Долинина) “на неявном уровне психики”. Ш. Балли предложил толковать социальную окраску исходя из так называемого “общего” языка: “Общий язык – это та норма, при сопоставлении с которой выявляется социальная окраска, точно так же, как понятийный язык является критерием для определения собственно эмоциональной окраски” [Балли 2001: 247]. Однако, в отличие от понятийного, общий язык представляет собой конструкт, он “рассеян по всей поверхности речи” [Там же: 250] – неслучайно Ш. Балли уподоблял социальную окраску “запаху, характерному для той среды и тех обстоятельств” [Там же: 238], в которых речевые факты обычно употребляются. <...> Стилистические смыслы – точки зрения, закрепленные в системе языка <...>. Стилистические смыслы задают способы видения мира в данном языковом социуме. В стилистических смыслах отражается тип личности, способ мышления, привлеченная неязыковая действительность. Они могут рассматриваться как набор стилистических модальностей. Стилистические смыслы находятся в отношении внутренней диалогичности, их системность обеспечивается внутренним единством и противопоставленностью» [Ревзина 2020: 47–48]. Вряд ли можно рассчитывать, что иностранец, находящийся в освоении общего языка между уровнями А2 и В1, способен ощутить «запах, характерный для той среды и тех обстоятельств», в которых речевые факты обычно употребляются. И у него нет такой необходимости: он изучает русский язык, чтобы продуцировать и понимать тексты, прежде всего по специальности (если он обучается вне языковой среды), ему нужны средства для выражения значений.

Обратим внимание еще на одну часть виноградовского определения функционального стиля: «внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения». О стилистической принадлежности отдельного элемента языка можно говорить только как о потенции, функциональный стиль как реализация – это всегда объединение, совокупность, сочетание языковых средств, причем далеко не все средства, образующие текст научного или другого функционального стиля, маркированы как принадлежащие данному стилю.

Рассмотрим пример описания животного, сделанного китайским студентом биологом (уровень общего владения – между А2 и В1)¹:

Волк – это хищник. Они живут на суше и дышит легкими. Волк относится к позвоночному животному. Волк среднего телосложения, похож на собаку. Пальто коричневого или серовато-желтого цвета. У волка сильные когти, которые помогают им бегать.

Пищеварительная система волка состоит из рта, глотки, пищевода, желудка и кишечника, как и у людей. У волка четырехкамерное сердце и его кровеносная система замкнутая. Нервная система волка состоит из центрального и периферического отделов, как и большинство животных.

Волк – плотоядное животное, питается другими животными, например, зайцами, оленями, овцами и т.д. Волк оплодотворяется внутри тела и относится к живородящим.

Волк – это социальное животное. В стае волков от 5 до 12 волков.

Мы видим, что автор текста владеет арсеналом глагольных и безглагольных моделей русского **предложения**, предназначенных для выражения значений «субъект и его классификация», «субъект и его качество», «субъект и его действие», «субъект и его количественная характеристика», а также трехкомпонентными релятивными моделями, предназначенными для выражения посессивных, партитивных и сравнительно-сопоставительных отношений. Кроме того, китайский студент владеет необходимой лексикой – набором **слов**, требующихся для заполнения этих моделей, т. е. называющих само животное и те классы, к которым оно может относиться, действия животных, части тела животных, наблюдаемые и ненаблюдаемые непроцессуальные признаки самих животных и частей их тела и т. п. Часть этих слов относится к терминам (*четырёхкамерное, плотоядное* и под.), часть – к общелитературной лексике (*бегать, сильный, рот* и под.). Автор текста еще допускает лексические (*пальто* вместо *шкура*), графические (*лютей* вместо *людей*) и грамматические (*рота* вместо *рта*) ошибки, но они не мешают передаче смысла. Наконец, на уровне текста мы можем констатировать освоенность типа текста «описание животного» как на композиционном, так и на логическом уровне: перечисляются релевантные признаки в не произвольном, а обусловленном задачами и принципами биологического описания вида порядке, устанавливаются отношения между признаками животного и функциями (когти помогают бегать), указывается на параметры, обуславливающие классификацию (плотоядное, так как питается другими животными, социальное – живет стаями). Нельзя не признать, что преподавателями, обучавшими данного студента, достигнут хороший результат.

Остается задать вопрос: нужно ли для получения этого результата понятие *стиля*, *научного стиля*, *функционального стиля речи*? Нам представляется, что нет. Зачем тогда выносить в название дисциплины то, чему в ее пределах не учат? Студента учили словам, моделям предложений, структуре определенного типа текста, который он должен уметь строить и понимать как будущий биолог. Часть этих слов и моделей он получил на занятиях по языку специальности, часть – на занятиях по общему владению.

¹ Текст получен к.б.н. Ш.Ю. Хапчаевым в Университете МГУ – ППИ в Шэньчжэне в ходе занятий по введению в язык специальности (биология) по разработанной нами совместно методике. См. концепцию в [Сидорова, Хапчаев 2021].

Схему, план построения текста – на занятиях по языку специальности. Для перехода от мотивационного-планирующего этапа к отбору и сочетанию средств для речевой деятельности стилевые фильтры, которые применяются носителями языка, этому студенту пока не нужны. Соотношение «план содержания – план выражения» у него строится на этом этапе по принципу «один к одному» или, как в случае, например, классификационной конструкции *Волк – хищник / Волк относится к хищникам*, на один план содержания два синонимичных, стилистически не противопоставленных плана выражения.

2. Перейдем ко второму противоречию с современной научной лингвистикой, в которое вступает попытка обучать студентов-иностранцев начального уровня «научному стилю речи». Это противоречие имеет отношение к риторическому статусу установления: а существует ли научный стиль речи как некоторое лингвистическое единство, которому можно целенаправленно и примерно одинаково обучать студентов разных направлений подготовки, гуманитариев и естественников? Наиболее разумными и перспективными в мировой лингвистике представляются исследования, находящиеся в русле разграничительных, а не объединительных тенденций.

Так, несмотря на хорошую «раскрученность» англоязычных списков-минимумов общеакадемической лексики [Xue, Nation 1984], [Coxhead 1998], [Gardner, Davies 2014], убедительно выглядит их критика в [Hyland, Tse 2007], где приводятся аргументы, демонстрирующие сомнительную дидактическую эффективность общеакадемических словарей. Хайланд и Цзе показали, что единый перечень общеакадемических слов вряд ли может быть ценным для студентов всех специальностей, спроецировав состав Academic Word List (AWL) [Coxhead 1998] на три созданных авторами статьи специализированных корпуса – по техническим, естественным и социальным наукам. Проблемы возникли и с представленностью лексических семей из общеакадемического корпуса в специализированных корпусах, и с их частотностью, и с покрытием текстов.

Было выяснено, что из 570 лексических семей AWL во всех трех корпусах (технических, естественно-научных и социальных наук) встретилась 541 семья. Остальные 29 семей встречались в одном или двух корпусах, т. е. эти 29 семей относятся скорее к специальной лексике и представляют интерес только для определенной группы учащихся. 534 из 570 лексических семей AWL (94%) имеют нерегулярное распределение по трем специализированным корпусам. Только 192 лексических семей оказались действительно частотными, при этом из них только 82 обладали высокой частотностью во всех трех специальных корпусах, а 50 семей встречались частотно только в одном корпусе. Еще более разительные несоответствия обнаруживаются при анализе представленности якобы общеакадемической лексики в отдельных дисциплинах специализированных корпусов: очень многие слова не распределены равномерно по всем дисциплинам корпуса, а фигурируют только в одной дисциплине.

Нерелевантность общеакадемического списка обнаружилась и при подсчете покрытия текста (доля словоупотреблений, которые охватываются словами того или иного списка). Считается, что если учащийся владеет 2000 частотных слов английского языка, входящих в General Service List (GSL) <http://jbauman.com/gsl.html> и AWL, то он может понять 85% научного текста. Однако это всего лишь суммарный охват – процент покрытия текстов распределяется неравномерно между специальными областями. Например, естественно-научные тексты в корпусе Хайланда и Цзе покрываются словарем AWL вместе с GSL всего на 22% – это процент совершенно недостаточный для того, чтобы обеспечить понимание текста на должном уровне.

Если учесть, что в AWL входят слова, которые упоминаются обычно как приметы научного стиля речи, то из сказанного напрямую вытекает сомнительность ориентации на представление о лексическом единообразии этой сферы функционирования языка, в том числе в дидактических целях.

Хайланд и Цзе обращают внимание и на то, что общеакадемические словники нивелируют различия в сочетаемости и многозначность слов. В идеальном случае в общеакадемические списки должны входить только слова, которые имеют одинаковую сочетаемость и одинаковое значение в разных дисциплинах, что обеспечит учащимся правильное понимание слова в каждом конкретном научном тексте. Очевидно, что таких слов крайне мало. Элементарный пример: употребления слова *volume* в значении «book» в естественно-научных текстах, входящих в исследуемый в статье корпус, составляют только 1 % от общего количества употреблений, а в значении «quantity», соответственно, 99 %, в отличие от социальных наук, где это же слово в значениях «book» и «quantity» встречается одинаковое количество раз (по 50 %) [Hyland, Tse 2007]. Распределение значений в инженерном корпусе: 7 % – «book», 93 % – «quantity».

Примечательно, что в отечественной лингвистике об этом говорили в применении к языку специальности за 20 лет до Хайланда и Цзе, как раз в то время, когда западная лингводидактика увлекалась составлением общеакадемических словарей. Л.П. Клобукова, отмечая важность различий в узкоспециальной терминологии между различными дисциплинами, пишет: «Однако не менее значимыми, особенно для практики преподавания русского языка иностранным учащимся, представляются отличия, касающиеся так называемого общенаучного пласта лексики, т. е. той лексики, которая одинаково широко представлена в разных подстилях научного стиля речи. Релевантными здесь оказываются два основных фактора.

1. Слово общенаучного пласта в разных подстилях имеет разную систему окружения, актуализирует разные синтагматические связи. Так, например, для естественников актуальны связи глагола *совершать* – *совершить* в значении ‘сделать, осуществить, произвести’ со словами, обозначающими физические процессы, например, *совершать колебания, движение* и др.; для гуманитариев – связи этого глагола со словами, обозначающими социальные явления, например, *совершить революцию, переворот* и др.

2. Многозначное слово общенаучного пласта в разных подстилях появляется в различных своих лексико-семантических вариантах. Так, например, глагол *поддерживать* актуален для учащихся как естественных вузов, так и гуманитарных, но в разных лексико-семантических вариантах: естественные науки – ‘поддерживать постоянный уровень чего-л.; нормальные условия чего-л.’; гуманитарные науки – ‘поддерживать кого в борьбе за что, против чего’» [Клобукова 1987: 14–15].

К аналогичным выводам приводит анализ частотных словников по разным научным дисциплинам, составленных исследовательской группой под нашим руководством на основе обширных корпусов учебных и научных текстов [Лосицкая, Очнева, Тресорукова 2019], [Сидорова 2019], [Сидорова, Клементьева, Шматко 2019], [Сидорова, Шматко 2019], [Сидорова, Шматко, Певцов 2021]. Чтобы проверить, насколько релевантна «общенаучная» часть в этих словниках (ее релевантность могла бы оправдать подведение обучения языку специальности под этикетку «научный стиль речи»), мы проведем ряд сопоставлений между словниками основных химических и ряда биологических дисциплин: неорганическая, аналитическая, органическая химия; зоология позвоночных и беспозвоночных, ботаника высших и низших растений, цитология, биофизика, социальная и клиническая психиатрия (далее – психиатрия), эволюционная биология (последний корпус, по предложению коллег-биологов, разделен на три кластера, обработывавшихся отдельно). В дальнейшем изложении мы будем использовать обозначение «отсечка по рангу» для указания на порог, до которого рассматриваются сопоставляемые словники («отсечка по рангу 200» значит, что берется верхушка списка слов по убыванию частотности до слова, стоящего на двухсотом месте включительно), и обозначение «стоп-лист 2000» для указания на словники, минимизированные путем

исключения из них 2000 самых частотных слов русского языка по Новому частотному словарю русской лексики [Ляшевская, Шаров 2009].

Начнем с сопоставления в пределах одной части речи – глагола. Посмотрим на первые десять самых частотных глаголов в словниках указанных естественно-научных дисциплин. Мы можем работать с первой десяткой по частотности без стоп-листа 2000 – тогда мы увидим, существует ли различие между дисциплинами по функционированию самых частотных глаголов общелитературного языка. Или мы можем использовать словники со стоп-листом 2000, т. е. с вычетом самых частотных 2000 слов по [Ляшевская, Шаров 2009], – в этом случае словники будут отражать лексическую специфику дисциплин, помимо частотных общеупотребительных слов.

Для начала проведем отсечку по 200-му слову в словниках без стоп-листа 2000, зафиксируем все глаголы, попавшие в этот диапазон, и сравним первые 10 в различных дисциплинах. Если какой-то глагол из первой десятки глаголов в данной дисциплине не входит в 200 самых частотных слов ни в одной другой дисциплине, будем называть его уникальным. Выясняется, что среди 10 самых частотных глаголов органической химии нет ни одного уникального по сравнению с другими дисциплинами, в словнике аналитической химии таких глаголов три – *определять*, *анализировать*, *рассчитать*, в словнике неорганической химии два – *получать* и *содержать*. Эти два случая очень показательны. С одной стороны, указанных пяти глаголов нет среди 200 самых частотных слов ни в одном из исследованных нами естественно-научных корпусов, т. е. они не могут претендовать на то, чтобы принадлежать к общеакадемическому словарю или представлять «научный стиль» в целом. С другой – эти глаголы определяют, можно сказать, сущность, лицо предмета – соответственно, аналитической и неорганической химии. В зоологии беспозвоночных, цитологии и биофизике таких уникальных, «не востребованных» другими дисциплинами глаголов по одному: *отсутствовать*, *связываться* и *описывать*, соответственно. При рассмотрении трех кластеров текстов по эволюционной биологии на фоне общей совокупности дисциплин в двух из них не выявилось уникальных глаголов, в третьем один – *лежать*. Однако, когда мы сопоставили эти кластеры только между собой, то различия между ними стали более явными: в одном уникальными глаголами, по сравнению с двумя другими кластерами, оказались *лежать* и *видеть*, в другом – *стать*, *говорить* и *оказаться*, в третьем – *следовать*, *обладать*, *позволять* и *связать*. Получается интересная картина: все эти глаголы, кроме *лежать*, не являются общими для разных кластеров текстов по эволюционной биологии, но являются общими для одного из кластеров и по крайней мере еще одной естественно-научной дисциплины.

Если мы сравниваем первые десятки глаголов в словниках со стоп-листом 2000, то в десятке аналитической химии оказываются два уникальных глагола – *растворить* и *изменяться*, в органике – *сопрячь* и *заместить*, в неорганике – *возрастать* и *обусловить* (мы учитываем глаголы, представленные исключительно или почти исключительно в причастной форме, если эта форма не претерпела полную адъективизацию). Лидером по количеству уникальных глаголов в этой ситуации оказывается биофизика, их в десятке 7: *описывать*, *изобразить*, *здать*, *исследовать*, *рассматриваться*, *описываться*, *восстановить*. Заметим, что все они гносеологические, а не онтологические: называют научные операции с объектами познания, а не свойства этих объектов. 5 уникальных глаголов в ботанике высших растений – *закладываться*, *различаться*, *вскрывать*, *преобладать*, *дифференцироваться*; 4 в цитологии – *связываться*, *кодировать*, *активировать*, *регулировать*; 1 в зоологии беспозвоночных – *питаться*. В остальных дисциплинах уникальных глаголов нет.

Осталось только отметить, что подавляющее большинство глаголов, входящих в 200 самых частотных слов исследованных естественно-научных дисциплин даже с вы-

четом 2000 самых употребительных слов русского языка, не идентифицируются как глаголы «научного стиля». Верх списка этих глаголов (по алфавиту, включены глаголы, удовлетворяющие указанным условиям хотя бы в одной дисциплине) совсем не выглядит как каталог стилистически маркированных единиц: *активировать, анализировать, атаковать, взаимодействовать, влиять, возбудить, возрастать, восстановить, вступить, выделять, выделяться, выразить, вычислить, делиться, достигать, задать, заместить, изменяться, измерить, изобразить* и т.п. Такая стилистическая индифферентность глаголов в научных текстах была замечена давно – см., например [Рейман 1980: 29]. Теперь мы имеем возможность подкрепить эти наблюдения компьютерным анализом больших текстовых массивов.

Перейдем от рассмотрения отдельной части речи к общей картине. Если мы посмотрим на первую десятку слов в любом естественно-научном словнике без стоп-листа 2000, то обнаружим, что в нее, «раздвинув» ожидаемые там неполнозначительные лексемы, вторгается вовсе не одинаковая для всех дисциплин общеакадемическая лексика, а главные слова конкретной дисциплины: в неорганической химии – *раствор*, в органической – *реакция* и *атом*, в аналитической – *раствор, метод, анализ*, в психиатрии – *больной*, в зоологии беспозвоночных – *тело*, в цитологии – *клетка* и *белок*, в биофизике – *система* и *модель* и т.п. Например, первая десятка без стоп-листа 2000 в зоологии беспозвоночных выглядит так: *и, в, с, на, у, из, который, а, они, тело*. Можно себе представить, какой должна быть частотность этих полнозначительных слов, для того чтобы они смогли конкурировать с союзами, предлогами и местоимениями. И при этом они почти не повторяются от дисциплины к дисциплине, что снова подтверждает приоритет специального научного словаря над общенаучным.

Еще одно доказательство мы обнаружим, если опустим отсечку ранга на уровень 50 слов и обратим внимание на полнозначительные слова, которые встречаются в этой зоне словников без стоп-листа 2000. В словаре Ляшевской-Шарова их всего 4 (причем весьма условно полнозначительных): *год* (на 28-м месте), *человек, сказать, один*. В естественно-научных словниках – около 20, и опять же – манифестирующих специфику дисциплины. Неорганическая химия (21 полнозначительное слово): *раствор, атом, соединение, кислота, молекула, вещество, рисунок, вода, реакция, температура, металл, элемент, ион, связь, соль, образование, энергия, образоваться, один, водород, свойство*. Психиатрия (20 слов): *больной, пациент, группа, расстройство, исследование, год, психический, шизофрения, дать, нарушение, уровень, клинический, социальный, один, результат, показатель, заболевание, состояние, терапия, лечение*. Зоология беспозвоночных (19 слов): *тело, рисунок, вид, клетка, один, сантиметр, иллюстрация, два, система, сегмент, орган, форма, личинка, полость, пара, передний, часть, конец, группа* и т.п.

Может быть, меньшую лексическую дистанцию продемонстрируют словники близких дисциплин, соположенных в структуре науки и учебной программе вуза? Нет. В словниках ботаники низших и высших растений со стоп-листом 2000 в первой десятке 5 слов из десяти (выделены жирным шрифтом), включая два первых, не входят в 200 самых частотных слов «соседней» дисциплины. Низшие растения: *водоросль, гриб, таллом, образоваться, ядро, **половой, плодовой, стенка, хлоропласт**, образовывать*. Высшие растения: *плод, побег, стенка, ткань, **семя, строение, стебель**, почва, **гербарий**, срез*. Иными словами, лексемы *водоросль* и *гриб*, возглавляющие частотный список ботаники низших растений, в ботанике высших растений оказываются «не востребованы», как и топ-слова ботаники высших растений – *плод* и *побег* – в текстах по ботанике низших растений (прилагательное *плодовой* в первой десятке словника низших растений, входящее в состав терминологического сочетания *плодовое тело*

(гриба), не имеет отношения к термину *плод* из ботаники высших растений). Исходя из изложенного выше, эта ситуация представляется закономерной для всех дисциплин.

Не менее значима поднимаемая Хайландом и Цзе проблема многозначности и различий в сочетаемости, которая касается как узкоспециальных терминов, так и общелитературной лексики, употребляющейся в различных значениях в языках научных дисциплин. Слово *группа*, встретившееся нам выше в словниках психиатрии и зоологии беспозвоночных, имеет в этих научных областях разные значения, так же, как и в неорганической и органической химии, где оно тоже частотно. *Реагировать* в химии, где этот глагол синонимичен глагольно-именной перифразе *вступить в реакцию*, не то же самое, что *реагировать* в биологии. Если мы возьмем начало введения к третьему тому университетского учебника под редакцией А.К. Тимонина «Ботаника» (М., 2007), то обнаружим, что подавляющее большинство составляющих этот текстовый фрагмент слов «научного стиля» используется в других предметных областях в других значениях. Если бы мы действительно собирались преподавать иностранцам начального уровня «научный стиль речи», а не «язык ботаники», мы должны бы были ознакомить их со всеми этими значениями. Если же студент-биолог освоил требуемое ему значение слова *форма, орган, среда, тело, энергия* и т. п., это не значит, что он овладел этим словом как элементом научного стиля, – он овладел им как элементом отдельного специального языка.

БОТАНИКА	ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ
Существование любых <i>форм</i> земной жизни возможно при соблюдении двух условий: обеспечении жизнедеятельности организмов и их <i>воспроизведении</i> , компенсирующем естественную убыль вследствие смертности от тех или иных причин.	В морфологический период фразообразования лексическая (начальная) <i>форма</i> слова переводится говорящим в морфологическую. <i>Воспроизведение</i> произведения – изготовление одного или более экземпляров произведения или его части в любой материальной <i>форме</i> , в том числе в <i>форме</i> звуко- и видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного или более экземпляров двухмерного произведения и в двух измерениях – одного или более экземпляров трехмерного произведения.
Воспроизведение (и размножение) организмов осуществляют их генеративные <i>органы</i> .	<i>Органы</i> , осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, как субъекты отечественного уголовного процесса.
Жизнедеятельность организма включает разнообразные процессы его взаимодействия с внешней <i>средой</i> и взаимодействия разных частей организма друг с другом. Применительно к растениям эти взаимодействия принято относить к разряду вегетативных <i>функций</i> , а воспроизводящие их части <i>тела</i> называть вегетативными. Вегетативные и генеративные части <i>тела</i> могут функционировать только в том случае, если они обеспечены <i>энергией</i> . Поэтому все живые существа вынуждены активно извлекать потребную им <i>энергию</i> из окружающей <i>среды</i> .	Механика сплошных <i>сред</i> – раздел механики, физики сплошных <i>сред</i> и физики конденсированного состояния, посвященный движению газообразных, жидких и деформируемых твердых <i>тел</i> , а также силовым взаимодействиям в таких <i>телах</i> . Кинетическая <i>энергия</i> – скалярная <i>функция</i> , являющаяся мерой движения материальных точек, образующих рассматриваемую механическую систему, и зависящая только от масс и модулей скоростей этих точек.

Способы <i>извлечения</i> энергии определяют наиболее существенные особенности строения, или <i>организацию</i> , любых живых существ – будь то растение, животное или гриб.	Извлечем квадратный корень из числа 30,25 с помощью алгоритма <i>извлечения</i> квадратного корня. Действие настоящего Федерального закона распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных <i>организаций</i> , а также коммерческих <i>организаций</i> и создаваемых ими некоммерческих союзов (ассоциаций).
--	--

Здесь вступает в действие другое важнейшее положение акад. В.В. Виноградова, в котором он характеризовал центральный статус слова, не только в лексической, но и в грамматической системе языка: «слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» [Виноградов 1972: 204]. Выделенные единицы различаются в научных подъязыках не только значениями, но и типовой сочетаемостью и даже грамматическими характеристиками. *Кинетическую энергию нельзя извлекать из окружающей среды; религиозные организации* – это не *существенные особенности строения*, а *общественные объединения*, от физического термина *сила* образуется прилагательное *силовой*, а не *сильный*, *воспроизведение* живых организмов – это функция самих организмов, тогда как произведения сами себя не воспроизводят, всегда есть агент; термин *внешняя среда* не употребляется во множественном числе, тогда как *сплошная среда* – употребляется; в психиатрии термин (*психическое*) *состояние* важно отличать от термина (*психическое*) *заболевание*, в физике такое противопоставление отсутствует. Из приведенных примеров видно, что слова в специальном языке не автономны, они связаны родо-видовыми, партитивными, антонимическими и др. отношениями в семантическую сеть. Слово специального языка, не имеющее аналогов в общелитературном языке, познается, а имеющее аналоги – переосмысливается именно как элемент этой сети.

Это обращает нас к базисной характеристике естественного языка, о которой иногда забывают при преподавании РКИ, особенно языка специальности: язык не только инструмент общения-сообщения, но и инструмент мышления. Обучение «вербальной интеракции», безусловно, важно, но язык научной области, будь то родной или неродной язык, есть прежде всего способ существования, оформления, трансляции системы понятий, составляющих эту область, – ее онтологии, ее концептуального каркаса. Преподаватель русского языка специальности не может устраниваться от формирования этого концептуального каркаса, постройки в сознании обучаемого научно значимых семантических сетей, иначе он зря отбирает время у преподавателей специальных дисциплин. Ведь русский язык интересует иностранного студента-химика или биолога именно как средство доступа к научному знанию. Коммуникативный компонент обучения не должен заслонять собой когнитивный. Соответственно необходимо обращение к достижениям современной психолингвистики, создавшей, с одной стороны, несколько достаточно операциональных моделей, объясняющих, каким образом взаимодействуют словари родного и изучаемого языка на разных этапах освоения последнего, с другой – активно исследующей проблематику, связанную с формированием научных понятий и онтологий на фоне быденно-бытовых.

При обучении наукам на родном языке путь формирования отдельных научных понятий в целом ясен со времен Л.С. Выготского. Сложнее обстоит дело, если мы пытаемся посмотреть на концептуальный каркас, или семантическую сеть, дисциплины в целом. Ведь то, что происходит в голове у человека при усвоении научных значений слов, как правило, сопровождается модификацией имеющейся семантической сети [Brookes,

Etkina 2009; 2015] [Vosniadou, Brewer 1992] [Vosniadou 1994; 2002]. Когда человек узнает в курсе биологии, что паук не насекомое, в курсе физики, что вес и масса не одно и то же, а сила – не характеристика мускулатуры человека, в курсе лингвистики, что окончание может быть выражено нулем звука, в его ментальном словаре происходят передвижки узлов семантической сети и изменение характера связей (просто говоря, узел «паук» отрывается от узла «насекомые» и переставляется к узлу «паукообразные», связь между узлами «вес» и «масса» перестает квалифицироваться как синонимическая и т. п.). Если человек выучит только слова, а этих модификаций, отличающих научный взгляд на мир от обыденно-бытового, не произойдет, то он не усвоит систему искомой науки [Сидорова, Агапкин 2021]. Очевидно, что при обучении на неродном языке преподаватель-филолог, хочет он того или нет, соучаствует в построении семантической сети, формируя правильные или неправильные узлы и связи, причем делает это иногда бессознательно. В качестве примера приведем задание из нашего собственного пособия по языку специальности «Неорганическая химия» (Сидорова М.Ю., Ло-сицкая А.П., Марьина А.В., в печати), которое оказалось когнитивно дезориентирующим и было подвергнуто нами в результате консультаций со специалистами-химиками существенной переделке:

Найдите на с. ... прилагательные, образованные от этих существительных, и используйте эти прилагательные в сочетаниях с существительным **раствор** в формах **Имен.**, **в + Винит.** и **из + Родит. пад.**

Образец

Аммиак → аммиачный: аммиачный раствор,
в аммиачный раствор, из аммиачного раствора

Вода → _____
Щелочь → _____
Спирт → _____

Казалось бы, задание грамматическое и не имеет никакого отношения к формированию семантической сети. Иностранцы студенты-химики уровня около В1 легко с ним справляются. На этом можно было бы остановиться. Но для русских студентов-химиков, для которых языковой компонент этого задания сложности не представляет, оно послужило стимулом задуматься над различиями в химической сущности этих будто бы аналогичных обозначений.

Водный раствор – это раствор какого-либо вещества в воде (прилагательное образовано от названия **растворителя**). *Аммиачный же раствор* – это не раствор какого-либо вещества в аммиаке. Аммиак – газ, он не может быть растворителем. В его водном растворе можно растворить, например, оксид серебра, и получится аммиачный раствор оксида серебра (реактив Толленса), который при этом оказывается щелочным раствором, т. е. раствором, дающим щелочную реакцию: **Аммиачный раствор оксида серебра (реактив Толленса) представляет собой щелочной раствор аммиака серебра, при взаимодействии которого с восстановителями образуется серебро в виде осадка черного цвета или блестящего «зеркала» на стенках реакционного сосуда** <http://ru.solverbook.com>; *Реактив Толленса (гидроксид диамминсеребра (1)) – щелочной раствор аммиака серебра [Ag(NH₃)₂]ОН* https://ru.wikipedia.org/wiki/Реактив_Толленса; *Реакция «серебряного зеркала» – это реакция восстановления серебра в аммиачном растворе*

оксида серебра (реактив Толленса). В водном растворе аммиака оксид серебра образует комплексное соединение – гидроксид диаминсеребра $[Ag(NH_3)_2]OH$ <https://wiki2.org/>; **Водные растворы аммиачных комплексов $Ag(I)$** , например, **аммиачный раствор оксида серебра** $[Ag(NH_3)_2]OH$ <https://scienceforyou.ru/>; **Предварительно готовят аммиачный раствор окиси серебра**: к водному раствору азотнокислого серебра приливают аммиак <https://portal.tpu.ru>. Ср. также: **Предварительно готовят аммиачный раствор закиси меди**. Для этого однохлористую медь растворяют в **концентрированном водном растворе аммиака** <https://portal.tpu.ru>. То есть, когда в водном растворе аммиака растворяют однохлористую медь или к водному раствору азотнокислого серебра приливают опять же водный раствор аммиака, получаются аммиачные растворы соответственно закиси меди или окиси серебра. Не случайно в заданиях для 10 класса LXI Московской городской олимпиады школьников по химии (2005) <http://www.chem.msu.ru/rus/olimpiad/61/welcome.html> содержался вопрос: «1. Какие химические неточности содержатся в названии “аммиачный раствор оксида серебра?”. Что в действительности представляет собой этот реактив?».

К «научному стилю речи» подобная информация отношения не имеет, а вот к языку специальности и концептуальному каркасу науки – самое непосредственное.

Но что если наши рассуждения значимы только для лексического уровня, а для обучения грамматике более релевантен взгляд через призму «научного стиля речи», а не языка специальности? Отнюдь нет. Несмотря на то, что в работах по теоретической русистике выделено достаточно много грамматических примет научного стиля речи, таких, например, как повышенная субстантивность, наличие цепочек родительных падежей, обезличенность, активное использование модусных показателей достоверности / недостоверности высказывания и под., переносить эти наблюдения в лингводидактику следует с осторожностью. Во-первых, не все из них методически релевантны: бессмысленно учить студента-иностранца использовать «больше существительных». Во-вторых, и грамматические особенности научного стиля, известные нам из литературы, неравномерно проявляются не только в разных научных жанрах, но и в разных дисциплинах. Например, если рассмотреть с точки зрения частотности такую «грамматическую» часть речи, как предлог, то мы обнаружим существенные различия между дисциплинами, причем связанные с их предметным содержанием. Возьмем опять же частотные списки без стоп-листа 2000 с отсечкой по рангу 50 и сопоставим частотность предлогов *у*, *для* и *при*. В словаре Ляшевской-Шарова *у* занимает 21-е место, *для* – 32-е, *при* находится вне 50 самых частотных слов. В специальных словниках порядок предлогов существенно перестраивается:

при занимает в неорганической химии – 4-е место, в аналитической химии – 5-е, в психиатрии – 9-е, в зоологии беспозвоночных – 37-е, в зоологии позвоночных – 24-е;

у – 5-й в зоологии беспозвоночных, 3-й в зоологии позвоночных, 10-й в психиатрии, в неорганической и аналитической химиях не попадает в первые 50 слов;

для дает «зеркальную» картину по отношению к *у*, он 7-й в неорганической химии, 6-й в аналитической, 19-й в психиатрии, в зоологии беспозвоночных – 23-й, в зоологии позвоночных – 18-й.

Эти различия ожидаемы. В языке химии предлог *при* обслуживает высоко востребованную синтаксему **при + Предл. пад.**, обозначающую условия, при которых происходит реакция или протекает процесс (*при нагревании, при охлаждении, при растворении* и т. п.). Синтаксема **у + Родит. пад.** в зоологиях позвоночных и беспозвоночных активно используется для обозначения (прежде всего одушевленного) субъекта-посессора или субъекта качества. В химии она нужна значительно меньше, зато востребованы синтаксемы **для + Родит. пад.** с субъектным (*для X характерно...*) и целевым (*для получения, для производства* и т. п.) значением.

От субстантивных синтаксисов перейдем к глагольным. В [Владимирова 2010] говорится: «В научном стиле часто используются возвратные глаголы (с суффиксом -ся) в страдательном (пассивном) значении. Частота употребления пассивной формы глагола объясняется тем, что при описании научного явления внимание сосредоточивается на нем самом, а не на производителе действия. Например: *В современной философии и социологии норма определяется как средство регулирования деятельности общества в целом. В этом смысле норма понимается как закон деятельности, правило*». Оставляя на совести автора вольность грамматических формулировок, отметим, что обобщение частотности использования пассивных форм на весь «научный стиль» сомнительно. Так, в языке зоологии позвоночных формы на -ся действительно очень частотны, но как раз не пассивные. Самые употребительные глаголы на -ся в этих текстах – это *питаться, развиваться, встречаться* (в экзистенциальном значении), *иметься, образоваться, открываться* (в локативном значении), *располагаться, отличаться, гнездиться, формироваться, находиться, оставаться, сохраняться*. Из них только *питаться* и *гнездиться* условно (так как они не локализируются в актуальном хронотопе) можно считать обозначающими действия, и ни один из приведенных глаголов не является пассивным.

Таким образом, и с грамматической точки зрения найти оправдания «научному стилю речи» как дисциплине в программе подготовки иностранных студентов не удастся, а необходимость базировать прикладную русистику на солидной лингвистической теории и реальных языковых фактах, обнаруженных современными исследовательскими методами, в том числе компьютерными, подтверждается.

3. Следующий дискуссионный вопрос методики преподавания РКИ, весьма актуальный для языка специальности: что должно быть фокусом обучения – лексика, грамматика или текст? Казалось бы, этот вопрос сейчас решен однозначно в пользу так называемого «текстового подхода». То, что любой лексический и грамматический материал должен иметь «выход в текст», усваивают студенты-филологи, готовящиеся к преподаванию РКИ, еще на уровне бакалавриата. Однако здесь все не так просто, есть достаточно свидетельств тому, что «фетишизация» текста как объекта обучения может привести к нарушению принципов отбора, систематизации и подачи лексического и грамматического материала. Текстовый подход и коммуникативная компетенция – это прекрасно, но только когда за ними стоит реальный языковой субстрат в виде освоенных учащимся и действительно нужных ему слов, грамматических форм и моделей, с помощью которых он может реализовать свою коммуникативную интенцию и стратегию построения текста.

Реальность текста как языкового феномена состоит в том, что каждый текст репрезентирует прежде всего себя «лично». Соотношение индивидуально производимого и из системы воспроизводимого в тексте совершенно иное, чем в фонеме, морфеме, лексеме и даже модели предложения. Именно поэтому тексту, представляющему только себя, а не реализацию некоторой эмической сущности, а значит сопротивляющемуся экстраполяции данных, полученных при его лингвистическом изучении, на другие сходные объекты, столь долго отказывалось в статусе полноправного объекта грамматики. Этот вопрос рассматривался в середине XX в. в плоскости весьма далекой от преподавания иностранного языка, но несет в себе существенные теоретические импликации, перерастающие в практические. Обсуждался он, в частности в применении к художественному тексту, в дискуссии о лингвистическом анализе «Кошек» Бодлера, выполненном Р.О. Якобсоном и К. Леви-Строссом и повлекшем за собой обвинения авторов в том, что «no grammatical analysis of a poem can give us more than the grammar of the poem» [Riffaterre 1966: 213]. Якобсон парировал критику оппонентов, но дискуссия о художественном тексте продолжается до сих пор. А для нас крайне важным остается

вопрос о том, насколько отдельный текст, взятый для обучения языку специальности, репрезентирует что-то, помимо себя, и позволяет освоить что-то, помимо себя.

Поясним нашу мысль. Есть два традиционных пути, которыми текст попадает на страницы учебника по языку специальности: либо он пишется авторами (они могут быть филологами или представителями специальности), либо он адаптируется из какого-то источника. В этом случае тематика текста определяет те слова, которые в нем будут представлены, и, если мы хотим (а мы хотим) сохранить предметное содержание на современном научном уровне и не допустить упрощающих искажений научных фактов, некоторые слова в этом тексте обязаны присутствовать, они неустранимы. Например, в тексте на тему «Способы размножения живых организмов», написанном биологом для курса «Введение в язык специальности. Биология», уровень – между А2 и В1, и обработанном преподавателем РКИ, естественно, должны быть представлены все эти способы размножения. Вот фрагмент из такого текста (автор не указан из соображений научной этики, жирным выделены слова, которые учащиеся должны запомнить).

Формы бесполого размножения:

Простое деление клеток пополам у **прокариот (бактерии)** и одноклеточных **эукариот (простейшие)**.

Почкование у одноклеточных **грибов (дрожжи)**.

Спорообразование у **бактерий, грибов, водорослей, мхов, хвощей, плаунов и папоротников**. У них для **размножения и расселения** служат **специальные гаплоидные клетки**.

Почкование у многоклеточных пресноводных **гидр (кишечнополостные)** и **губок**.

Множественное деление клеток (**шизогония**) у малярийного плазмодия. Сначала в клетке путем митоза формируется большое количество **ядер**, которые окружаются слоем **цитоплазмы**, затем клетка распадается на множество **дочерних клеток**.

Фрагментация – разделение многоклеточной особи на несколько частей, каждая из которых вырастает до нового полноценного организма (**плоские и кольчатые черви, морские звезды**).

Вегетативное размножение осуществляется **вегетативными органами растений** (**корень, стебель, лист, побег, клубень, луковица, корнеплод, черенки** и т. д.).

Степень трудности данного фрагмента текста (весь текст почти в 5 раз больше) видна невооруженным глазом и подтверждается количественным анализом на фоне приведенного выше фрагмента из 3 тома университетского учебника по ботанике, по которому учатся русские первокурсники. В этом тексте и фрагменте из «Ботаники» А.К. Тимонина разное число словоупотреблений – 110 (без учета т. д.) и 117 соответственно, но одинаковое количество лексем – 83. Как же распределяются они по частотности? В «Ботанике» 58 лексем – из числа 2000 самых частотных в русском языке, 4 лексем – из 200 самых частотных в словаре высших растений; 21 лексема – не входит ни в 2000 самых частотных в русском языке, ни в 200 самых частотных в данной дисциплине. В учебном тексте по языку специальности – всего 32 лексем из числа 2000 самых частотных в русском языке, 25 слов – входят в 200 самых частотных слов хотя бы в одном из частотных списков биологических дисциплин первого курса (зоологии беспозвоночных и позвоночных, ботаники низших и высших растений), 26 слов – не входят ни в эти списки с отсечкой по рангу 200, ни в 2000 самых частотных слов русского языка.

Эти количественные данные весьма показательны.

Во-первых, они демонстрируют, что, стремясь насытить учебный текст «полезными» терминами, автор чрезмерно сместил соотношение употребительных общелитера-

турных слов в тексте и слов специальных в сторону последних. Повысив концентрацию менее частотных (т. е. более сложных) слов, он ослабил предсказующую силу контекста, которая при наличии малого количества неизвестных слов позволяет читателю без словаря догадываться о значении слова или, иначе выражаясь, понимать предложение и текст, не зная всех составляющих их слов.

В мировой лингвистике существуют данные (в силу ряда причин довольно условные) о том, сколько процентов слов в тексте должен знать читатель, чтобы адекватно понять этот текст. Этот параметр варьируется от 85 % до 98 %. Так, один из авторитетных мировых специалистов в области обучения иностранному языку, Б. Лауфер, полагает, что для адекватного понимания текста обучающийся должен знать 95 % слов, входящих в него. При доле неизвестных слов более 5% не создается возможность правильно догадаться об их значении по контексту [Laufer 1988]. Столь же известный ученый, которому мировая лингводидактика обязана многими впечатляющими методиками количественного анализа текста, П. Нейшен, говорит о том, что для понимания текста требуется 98 %-ное покрытие его знакомыми словами (1 слово из 50 остается неизвестным) [Nation 2012]. Что значат 95 % покрытия текста, демонстрирует следующий фрагмент из учебника по неорганической химии под редакцией акад. Ю.Д. Третьякова: *Сплавы представляют собой твердые растворы на основе металлов, содержащие два, а зачастую и большее число компонентов, преимущественно металлов или неметаллов (углерод, кремний). Атомы металлов способны реагировать между собой, образуя химические соединения – интерметаллиды. Они также входят в состав многих сплавов. Твердые растворы подразделяют на три основных типа: замещения, внедрения и вычитания.* Знать 95 % слов в нем – значит знать все слова, кроме выделенных жирным шрифтом.

В приведенном нами фрагменте университетского учебника ботаники слова из первых 2000 по Ляшевской-Шарову дают 69,9 % покрытия, если считать лексемы, 76,9 % – если считать словоупотребления, т. е. к моменту изучения этого текста иностранный студент должен «добрать» оставшиеся примерно 20 % покрытия специальной лексикой. И такая возможность у него есть, так как перед нами, напомним, третий том объемного учебника для первого курса. К тому времени, как студент, в соответствии с программой, до него доберется, он уже закончит «Введение в язык специальности», далеко продвинется по пути целенаправленного освоения биологической лексики в курсе «Язык специальности» и расширит свой лексикон целенаправленным и спонтанным путем в ходе изучения профессиональных дисциплин. Уже добавление в лексикон обучаемого четырех слов из верхушки словника высших растений (*вегетативный, размножение, разнообразный, строение*) позволяет выйти на 82 % покрытия текста знакомыми словами вместо 76,9 % (четыре частотных слова специальности добавляют 5 % покрытия – очень неплохо!).

А вот в рассматриваемом нами тексте для **введения** в язык специальности слова из первых 2000 по Ляшевской-Шарову дают всего 38,55 % покрытия при учете лексем и 45,45 % при учете словоупотреблений. Таким образом, общеупотребительные слова не формируют здесь ни условий для развития потенциального лексикона учащихся, языковой догадки [Азимов, Шукин 2009: 120], ни опоры для усвоения специальных слов. Модель оказывается существенно сложнее моделируемого объекта.

Во-вторых, значительное количество слов, находящихся за пределами отсечки по рангу 200 в словниках четырех биологических дисциплин первого курса и одновременно за пределами 2000 высокоупотребительных слов по Ляшевской-Шарову обслуживают только **понимание данного конкретного текста** о способах размножения, но не **формирование ментального лексикона** учащегося с целью обеспечить его возможностью чтения любого текста по специальности. Еще в 1980-е гг. одна из осно-

воположников теории и практики обучения языку специальности в РКИ профессор Е.И. Мотина писала о том, что «обучение языку специальности необходимо проводить с учетом учебного материала и видов речевой деятельности, актуальных для занятий по специальным предметам. Только выяснив цели, задачи занятий по специальности, можно решить вопрос о месте в них речевой деятельности, определить специфику и роль ее отдельных видов, характер языкового материала и источники его отбора» [Мотина 1986: 83]. Приняв за исходный «тезис о том, что процесс обучения студентов языку специальности целесообразно организовывать на базе речевого материала дисциплин соответствующего профиля», и предложив на основе изучения этого материала тематическую и структурную классификацию текстов, которыми необходимо овладеть студенту для изучения специальности, Е.И. Мотина приходит к выводу о нецелесообразности «преподавателю русского языка следовать за преподавателем специальной дисциплины и работать на основе тех материалов, которые студенты изучают на занятиях по специальности» [Мотина 1986: 85] (аргументы изложены в цитированной статье). «По каждой из профилирующих дисциплин нужно вычленить основные классы текстов (тексты-образцы, тексты-типы) и для каждого из них отобрать несколько конкретных текстов, исчерпывающих специфику данного класса. Таким образом, в принципе весь речевой материал по специальности будет представлен на занятиях по языку в обобщенном (в языковом плане) виде, так что в нем по существу будут отражены все наиболее важные стороны речевой деятельности студента на занятиях по специальности. Сами отобранные тексты, в особенности на начальном этапе, должны быть ранжированы по сложности», – пишет Е.И. Мотина [Мотина 1986: 96]. Именно в этом состоит эффективный принцип отбора и составления учебных текстов по специальности, а не в следовании за преподавателем специальности (или опережении его) с помощью текстов на изучаемые на занятиях по тому или иному предмету темы, «под завязку» набитых лексикой этих тем. Суть подхода, заложенного Е.И. Мотиной и ее коллегами в 1980-е гг., – текст для занятий по языку специальности не имеет права представлять только сам себя. К сожалению, сегодня этот подход в РКИ не является основным и главенствующим, поэтому мы и излагаем точку зрения Е.И. Мотиной так подробно.

Если Е.И. Мотина обосновывает требование к учебному тексту по языку специальности представлять «класс» аргументами со стороны типологии текста, то мы подкрепляем эту позицию аргументами с лексической стороны. Текст, в котором 26 слов из 83 (почти треть!) не относятся ни к 2000 самых частотных в русском языке, ни к 200 самых частотных в основных биологических дисциплинах первого курса, вряд ли может рассматриваться как репрезентант «речевого материала по специальности... в обобщенном (в языковом плане) виде». Слова, делящие места с 2000 по 2003 в Новом частотном словаре (*заходить, областной, печать, побежать*) имеют частотность 59,6 ipm, т. е. встречаются примерно 59–60 раз на миллион словоупотреблений. 26 слов из анализируемого учебного текста встречаются в общелитературном языке еще реже. А нахождение слова за пределами отсечки по рангу 200 в словнике высших растений, например, означает встречаемость один раз примерно на 4500 словоупотреблений. Необходимость получения учащимся такого слова для запоминания на этапе введения в язык специальности крайне сомнительна. Более того, запоминание и удержание в ментальном лексиконе таких низкочастотных слов не поддерживается психолингвистическими механизмами спонтанного запоминания лексики, которые действуют только при достаточном количестве встреч со словом [Nagy, Herman, Anderson 1985], [Herman, Anderson, Pearson, Nagy 1987], [Swanborn, Gloppe 1999] [Waring, Takaki 2003], [Zahar, Cobb, Spada 2001], [Waring, Nation 2004]. Оправдано присутствие в тексте слов, входящих в 200 самых частотных хотя бы в одной биологической дисциплине первого курса (*размножение, деление, эукариот, одноклеточный, дрожжи, бактерия, гриб, водоросль, мох, папоротник, гаплоид-*

ный, многоклеточный, пресноводный, губка, плазмодий, митоз, формироваться, ядро, цитоплазма, дочерний, особь, плоский, вегетативный, стебель, побег). Но слова типа *расселение* (20-я тысяча по частотности в словаре Ляшевской-Шарова), *фрагментация*, *корнеплод* (не входят в 20 000 самых частотных слов по Ляшевской-Шарову), для которых рекорд частотности в специальных корпусах – конец шестой сотни (*фрагментация* в низших растениях) или начало седьмой (*расселение* в высших растениях) должны появиться в поле зрения учащихся гораздо позже.

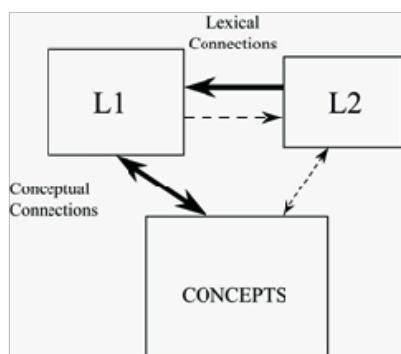
Как же совместить лексику, грамматику и текст в пределах одного урока на этапе введения в язык специальности? Преподаватели РКИ должны максимально быстро подготовить будущих студентов к освоению профессиональных дисциплин, а если это биологи, то в дело вступают и «отягчающие обстоятельства». В программе вузовской подготовки биолога основные профессиональные курсы не вытянуты в линейку, как у химиков (типичная траектория: неорганическая химия – аналитическая химия – органическая химия), а изучаются параллельно (ботаника высших растений и зоология позвоночных, ботаника низших растений и зоология беспозвоночных, во втором семестре к паре «ботаника + зоология» добавляется цитология и т. п.) и имеют при этом между собой значительную терминологическую дистанцию (различие терминологической базы).

Камень преткновения, мы полагаем, в вопросе, который мы должны поставить. Вопрос «Какие слова должен выучить студент, чтобы понять данный специальный текст?» неправильный. Правильные вопросы: «Какие слова должны быть в ментальном словаре студента, чтобы он понимал как можно больше специальных текстов? И как их туда заложить с помощью данного конкретного текста?» Учебные тексты на начальном этапе освоения языка специальности должны писаться на основе частотных словников, минимизированных с учетом принципа методической целесообразности и взаимодействия учебных дисциплин, а не наоборот (сначала сконструировать тексты, потом писать под них словники – путь, создающий когнитивные преграды между студентом и изучаемой дисциплиной). Тексты должны последовательно представлять частотную лексику специальности и класс (тип текстов), а не произвольно выбранную или совпадающую с программой курса специальности тему. Содержание текстов отбирается последовательно так, чтобы постепенно «упаковать» в них лексический минимум дисциплины сверху донизу и одновременно научить студента восприятию и продуцированию важнейших для него типов текста. Интересно, что эти два параметра идут рука об руку. Действительно, наиболее значимые типы текста и наиболее частотная лексика не могут не соответствовать друг другу (если в дисциплине важнейший тип текста – классификация, то естественна частотность классификационных предикатов и слов, обозначающих классы и классификационные признаки).

Описанный подход создает лабильность обучения (позволяет учесть возможные изменения в порядке специальных дисциплин в программе), предохраняет учащихся от когнитивной перегрузки и в целом лучше соответствует современным психолингвистическим представлениям об усвоении иностранного языка.

4. Слово в языке специальности самоценно как способ именованя понятия, категоризации фрагмента действительности, узел онтологии предметной области. Оно не является просто средством построения текста. Научное понятие требует больших усилий для усвоения, чем бытовое, уже хотя бы в силу своей абстрактности. Это создает еще один аргумент в пользу основополагающей роли лексики в обучении языку специальности. Если мы перегружаем текст новыми словами на достаточно раннем уровне освоения языка, мы не просто создаем для учащегося непомерную и неоправданную когнитивную нагрузку. Мы создаем сложности для формирования и осознания научных понятий. На этом этапе ментальный словарь учащегося формируется еще, как предполагают ученые, по Пересмотренной иерархической модели (Revised Hierachical

Model) [Kroll, Stewart 1994], когда прямые связи между лексемами L2 (неродного языка) и концептуальным хранилищем еще очень слабы и учащийся опирается почти исключительно на лексические соотношения между родным и изучаемым языком [Ferré, Sánchez-Casas, Guasch 2006: 573]. «According to the model, the early dependence on L1 to mediate access to meaning for L2 words creates an asymmetry in the form of interlanguage connections. At the lexical level, connections from L2 to L1 are hypothesized to be stronger than connections from L1 to L2. This asymmetry may arise in part from the differential reliance of L2 on L1, and also as a consequence of the differential nature of the mappings from a small lexicon, L2, to a large lexicon, L1. Because the L2 learner will know many L1 words for which he or she does not have an L2 translation equivalent, the lexical mappings from L1 to L2 will be inconsistent and unreliable. At the conceptual level, the model assumes strong connections for L1 words, but relatively weaker connections for L2 words. Thus, an L1 word will be more likely to engage conceptual processing than its L2 translation equivalent» [Kroll, Tokowicz 2001: 52].

Эта схема и приведенная цитата относятся к языку общего владения, для которого понятийная система в целом (не считая лингвокультурных различий) уже сформирована в родном языке обучаемого. С языком специальности сложнее: часть необходимых научных концептов уже освоена в школе, на родном языке, и получает новые вербальные этикетки на L2, в соответствии с приведенной моделью, часть – формируется одновременно с получением студентом соответствующей номинации на L2 без поддержки сформированного на L1 представления. Кто должен формировать эти представления? Компетенции

русиста для этого недостаточно. Он легко исправит неправильное словоупотребление, нарушающее нормы общелитературного языка, например *пальто* (у волка) на *шкура* (см. выше), но в сообщении о том, что у *крысы плохое зрение, зато длинная борода, с помощью которой крыса ориентируется*, может сомневаться, на какое слово заменить *бороду* – *усы* или, более точно биологически, *вибриссы*. Ошибка словоупотребления вызвана тем, что китайская студентка осуществила отображение китайской лексемы на одну из сопоставленных ей в словаре русских (*усы* и *борода* соответствуют одному и тому же китайскому иероглифу). Понятийная неточность обусловлена тем, что студентка не знала китайского слова *вибриссы* (это другой иероглиф): если бы она его знала, то обнаружила бы однозначное соотношение.

5. Нам осталось привести еще один аргумент в пользу фокуса на лексике при обучении языку специальности на первом этапе. Характеризуя статус слова в языке, Ф. де Соссюр писал: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка» [Соссюр 1999: 111]. Он также указывал: «Предложения существуют только в речи, в дискурсивном языке, в то время как слово есть единица, пребывающая вне всякого дискурса, в сокровищнице разума» [Соссюр 1990: 159]. Эти высказывания Соссюра перекликаются с уже цитированной нами мыслью В.В. Виноградова о том, что слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка. Запустить механизмы понимания языка специальности можно прежде всего на основе слов, и именно слова открывают нам доступ к «сокровищнице разума» – не только общенациональной, но принадлежащей отдельным отраслям знания. И слово же представляет собой некоторый стержень, на который нанизываются морфологические и синтаксические категории, обеспечивающие выражение значений и построение связной речи. Например, один глагол в языке специальной дисциплины будет преобладать в личных формах, другой – в причастных, что смещает акцент в обучении на освоение того или иного ряда

форм, один будет востребован в форме с *-ся*, другой – в форме без *-ся* и т. п., и все это определяется значением.

Так, в языке неорганической химии из глаголов *растворять – растворяться, растворить – раствориться*

- наиболее частотным является *растворяться* (459 употреблений, из них 287 в форме *растворяется*, 139 в форме *растворяются*, 14 – *растворяться*, 16 – причастие *растворяющийся* в разных формах склонения, 3 – деепричастие *растворяясь*);
- далее идет *растворить* (294 употребления), который выступает почти исключительно в формах страдательного причастия *растворенный*, за исключением 6 форм инфинитива, 4 прошедшего времени множественного числа и 1 прошедшего времени единственного числа;
- затем *растворять* (141 употребление, из которых 65 – *растворяет*, 31 – *растворяют*, по 1 – *растворяем* и *растворяли*, 17 форм инфинитива, 3 деепричастия, 17 форм страдательного причастия *растворяемый*, 6 – действительного причастия *растворяющий*);
- глагол *раствориться* в корпусе отмечен всего 5 раз (2 раза в форме *растворится*, по 1 – *раствориться*, *растворившись*, *растворившийся*).

Казалось бы, эти данные в очередной раз иллюстрируют преобладание личных форм настоящего (непрошедшего) времени, которое обычно называется среди грамматических признаков научного стиля речи: «Как уже отмечалось, в научных текстах преобладает форма настоящего времени, к тому же с наиболее отвлеченным вневременным значением (по данным М.Н. Кожинной, формы настоящего времени – 69 %, прошедшего времени – 23 %, будущего времени – 8 %). Глаголы в форме настоящего «вневременного» фактически не выражают временных отношений, так как характеризуют действия и состояния, которые присущи предметам как их постоянные признаки» [Ван Ли 2011: 111]. Но на самом деле главное, что демонстрируют эти данные, – необходимость учета лексического значения глагола при интерпретации употребительности его форм. Так, эквивалентность соотношений между парами *растворяется – растворяются* и *растворяет – растворяют* (форма единственного числа чуть больше, чем в 2 раза частотнее формы множественного) мнимая. В первой паре оба глагола используются для характеристики свойства вещества или веществ, в зависимости от этого выбирается форма числа. Владение формой множественного числа глагола *растворяться*, как и владение формой единственного, нужно иностранцу для построения двусоставного предложения, где в позиции субъекта – название вещества (веществ). Иная картина во второй паре. Форма множественного числа *растворяют* используется в химических текстах не только в определено-личном (фактически – определено-предметном значении), но и в обобщенно-личном значении, т. е. для обозначения не свойств нескольких веществ (*Органические растворители (спирт, бензол и др.) дают подобный же ход изменения растворимости, но растворяют инертные газы значительно лучше воды*), а действия обобщенного личного субъекта: *Затем его дополнительно очищают возгонкой или растворяют в водном растворе аммиака: $7\text{MoO}_3 + 6\text{NH}_3 + 3\text{H}_2\text{O} = (\text{NH}_4)_6\text{Mo}_7\text{O}_{22}$, перекристаллизовывают и вновь разлагают на воздухе до оксида; Если этой очистки недостаточно, то техническую кислоту переводят в бифторид калия, затем разлагают его нагреванием и растворяют получающийся фтористый водород в дистиллированной воде*). Эта форма нужна иностранцу для построения подобных предложений с неназванным субъектом – более сложного, чем определено-личные предложения, типа синтаксических конструкций, не имеющего эквивалента во многих языках.

Если мы сопоставим количественное соотношение форм глаголов *растворять* и *получать* в учебниках по неорганической химии, то увидим, насколько значима указанная закономерность. Из 1076 употреблений глагола *получать*, который, в отличие от *растворять*, обозначает не свойства веществ, а действия лиц, 774 приходится на форму 3 лица множ. числа *получают*, 136 – на формы страдательного причастия *получаемый*, 93 – на инфинитив, 46 – на форму 2 л. множ. числа *получаем*, 15 – на форму прош. множ. *получали* и всего 9 – на форму 3 л. единст. числа *получает* (*Каждый однозарядный ион, независимо от его химической природы, **получает** или **отдает** при этом один электрон*), меньше только у форм *получающий* (2 употребления) и *получал* (1). Типичные контексты формы 3 л. множ. числа этого глагола опять же обобщенно-личные: *Соли серебра **получают** растворением металла или оксида в кислотах, Диоксид урана **получают** восстановлением высшего оксида водородом или угарным газом; Сульфиды германия, олова и свинца **получают** взаимодействием простых веществ либо осаждением сероводородом из водных растворов*. С помощью этих обобщенно-личных форм действия лица как бы превращаются в характеристику веществ, что соответствует предмету неорганической химии – науки о химических элементах и их неорганических соединениях. В зоологии позвоночных картина будет другая. Во-первых, глагол *получать* будет находиться в нижней, а не в верхней части словника, он гораздо менее востребован. Во-вторых, из 113 употреблений на форму *получает* будет приходиться 37, на *получают* – 33 и контексты для них будут аналогичные – двусоставные неакциональные предложения: *Но кожа включена в круг кровообращения параллельно большинству остальных органов и **получает** лишь малую долю циркулирующей крови; У большинства костных рыб первичная верхняя челюсть **получает** дополнительную опору, помимо гиостильной, на обонятельную капсулу; Более толстые белые волокна **получают** энергию за счет гликолитического расщепления глюкозы. У млекопитающих почки не **получают** ни капли венозной крови – только артериальную*.

Ср. также соотношение между формами глаголов *переходить* и *переводить* в неорганической химии. У первого из 398 употреблений 223 принадлежат форме *переходит*, 105 – *переходят*, у второго из 96 употреблений 58 принадлежат форме *переводят* и 24 – *переводит*. Формы 3 л. множ. числа у глагола *переводить* востребованы как для двусоставных конструкций, сообщающих о свойствах веществ (*Щелочи постепенно **переводят** SiO₂ в раствор, образуя соответствующие соли кремневой кислоты*), так и для обобщенно-личных, сообщающих о действиях личных субъектов (*Галенит **переводят** путем накаливания на воздухе в РВО*). Таким образом, форме 3 лица множ. числа разных глаголов в разных дисциплинах мы обучаем иностранца для построения разных типов предложения, в зависимости от значений глагола в системе языка и тех из них, которые востребованы в данной дисциплине.

Необходимость фокуса на специальной лексике во введении в язык специальности подтверждается и применением к научному тексту экспериментальной методики, которую когда-то использовал Л.В. Щерба на примере художественного текста (правда, с другими выводами). 1) Возьмем научный текст, как минимум предложение, и удалим из него все лексические элементы, оставив только элементы грамматические, строевые (флексии и служебные лексемы). 2) Затем сделаем обратную процедуру, устраняя грамматические показатели и сохраняя морфемы, несущие лексическое значение.

Простейший литиевый аккумулятор состоит из отрицательного графитового электрода и положительного электрода, содержащего сульфид либо оксид переходного металла, например кобальтит лития.

1) *-ейший -ый 0 -ит из -ого -ого -а и -ого -а, -ащего 0 либо 0 -ого -а, 0 -я*

2) *Прост- литиев- аккумулятор состо- отрицательн- графитов- электрод- положительн- электрод-, содерж- сульфид оксид переходн- металл-, например кобальтит лити-*

Очевидно, что во втором «тексте», по сравнению с первым, осталось не просто больше смысла. При наличии фоновых знаний в изучаемой области смысл его легко восстанавливается полноценно. Понятно, что можно подобрать и пример, в котором это труднее или почти невозможно сделать без потери существенных компонентов смысла. Но в общем случае можно полагать, что, являясь узлом специальной концептуальной сети, каждый термин генерирует вокруг себя систему отношений с другими ее узлами, которая помогает «прочитать» смысловые отношения и при отсутствии грамматических показателей (как, например, химиком, в отличие от филолога, легко в этом предложении прочитывается союз *и* между отрицательным и положительным электродом, союз *либо* между сульфидом и оксидом, единственное число для атрибутивных сочетаний *отрицательный электрод* и *положительный электрод* и т. п.).

Итак, опора на теоретическую лингвистику и данные современных количественных методов исследования языка приводят нас к еще одному простому выводу: основной единицей языка специальности, как и языка в целом, является слово, а учить языку специальности на начальном этапе значит прежде всего обучать словам, их грамматическим характеристикам, сочетаемости, синтаксическим моделям, в которых они употребляются, семантическим отношениям, в которые они вступают в языке специальности.

Рамки статьи позволили нам остановиться только на нескольких дискуссионных вопросах методики преподавания РКИ, которые могут легко быть решены, если смотреть на них не с произвольных, а с обоснованных лингвистической теорией и языковыми данными позиций. Такие же решения существуют для вопросов о том, как гармонизировать обучение языку специальности и общему владению РКИ; какие психолингвистические закономерности восприятия и порождения речи должны учитываться при обучении языку специальности и под.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов Е.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов. М., 2009.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001.
- Ван Ли. Грамматическая специфика научных текстов русского языка // Вестник КемГУКИ. Филология. 2011. Вып. 17. С. 107–116.
- Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Владимирова Т.Л. Язык и стиль научного текста. Томск, 2010.
- Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Клобукова Л.П. Обучение языку специальности. М., 1987.
- Лосицкая А.П., Очнева А.Г., Тресорукова И.В. Проблема минимизации специальной лексики для обучения иностранных студентов-биологов // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. СПб., 2019. С. 275–280.
- Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.
- Ляшевская О.Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М., 2016.
- Мотина Е.И. Некоторые проблемы теории и практики обучения языку специальности // Русский язык за рубежом. 1986. № 1. С. 83–87.
- Ревзина О.Г. Язык и текст. М., 2020.

Рейман Е.А. Организующая роль глагола в предложениях художественных и научных текстов (на материале английского языка) // *Функциональный стиль научной прозы.* М., 1980. С. 17–35.

Сидорова М.Ю. К проблеме функционирования русского языка как средства горизонтальной и вертикальной передачи научного знания // *Новая экономика и региональная наука.* 2016. Т. 1. № 2. С. 101–108.

Сидорова М.Ю. Специальный словарь как исследовательский и дидактический инструмент // *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе.* СПб., 2019. С. 21–28.

Сидорова М.Ю., Клементьева А.А., Шматко А.С. Лексико-статистический анализ научного журнала как способ содержательной наукометрии // *Слово. Грамматика. Речь.* Вып. XX. Материалы VII Международной научной конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». М., 2019. С. 389–391.

Сидорова М.Ю., Шматко А.С. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии на русском языке – «лексический минимум» нового типа // *Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития.* Ереван, 2019. С. 670–675.

Сидорова М.Ю., Агапкин М.Д. «Думать и говорить, как ученые»: диагностика уровня сформированности научных понятий посредством лингвистического эксперимента (на примере общей и неорганической химии) // *Мир русского слова.* 2021. № 2. С. 13–24.

Сидорова М.Ю., Ханчаев Ш.Ю. Почему коммуникативно-функциональный подход к обучению иностранцев языку специальности обязан быть когнитивно-функциональным // *Русский язык за рубежом.* 2021. № 1(284). С. 64–71.

Сидорова М.Ю., Шматко А.С., Певцов Д.Н. Лексико-грамматическая основа общей и неорганической химии. М., 2021.

Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

Bennett K. Towards an Epistemological Monoculture: Mechanisms of Epistemicide in European Research Publication // *English as an Academic and Research Language (English in Europe. Vol. 2).* Berlin, 2015. P. 9–36.

Brookes D.T., Etkina E. «Force», Ontology, and Language // *Physical Review Special Topics – Physics Education Research.* 2009. Vol. 5(1): <http://journals.aps.org/prper/abstract/10.1103/PhysRevSTPER.5.010110>

Brookes D.T., Etkina E. The Importance of Language in Students' Reasoning about Heat in Thermodynamic Processes // *International Journal of Science Education.* 2015. Vol. 37(5–6). P. 759–779.

Coxhead A. An Academic WordList. English Language Institute Occasional Publication. № 18. Victoria University of New Zealand, 1998.

Crystal D. Final Frontiers in Applied Linguistics? 2002 BAAL Pit Corder Lecture // *Applied Linguistics and Communities of Practice / Eds.: S. Sarangi, T. van Leeuwen.* London, 2003. P. 9–24.

Ferguson G. The Global Spread of English, Scientific Communication and ESP: Questions of Equity, access and domain loss // *Ibérica* 2007. № 13. P. 7–38.

Gardner D., Davies M. A New Academic Vocabulary List // *Applied Linguistics.* 2014. Vol. 35(3). P. 305–327.

Ferré P., Sánchez-Casas R., Guasch M. Can a Horse Be a Donkey? Semantic and Form Interference Effects in Translation Recognition in Early and Late Proficient and Nonproficient Spanish-Catalan Bilinguals // *Language Learning.* 2006. Vol. 56. № 4. P. 571–608.

Herman P.A., Anderson R.C., Pearson P.D., Nagy W.E. Incidental Acquisition of Word Meaning from Expositions with Varied Text Features // *Reading Research Quarterly.* 1987. Vol. 22(3). P. 263–284.

Hyland K., Tse P. Is There an «Academic Vocabulary»? // *TESOL Quarterly.* 2007. Vol. 41(2). P. 235–253.

Kroll J., Stewart E. Category Interference in Translation and Picture Naming: Evidence for Asymmetric Connections between Bilingual Memory Representations // *Journal of Memory and Language*. 1994. Vol. 33. P. 149–174.

Kroll J., Tokowicz N. The Development of Conceptual Representation for Words in a Second Language // *One mind, two languages: Bilingual language processing* / Eds.: J.L Nicol, T. Langedoen. Cambridge, MA: Blackwell, 2001. P. 49–71.

Laufer B. The Development of Passive and Active Vocabulary in a Second Language: Same or Different? // *Applied Linguistics*. 1998. № 19. P. 255–271.

Nagy W.E., Herman P., Anderson R.C. Learning Words from Context // *Reading Research Quarterly*. 1985. Vol. 20. P. 233–253.

Nation I.S.P. Measuring Vocabulary Size in an Uncommonly Taught Language. Paper Presented at the International Conference on Language Proficiency Testing in the Less Commonly Taught Languages, Bangkok, Thailand, 2012: <http://www.sti.chula.ac.th/files/conference%20file/doc/paul%20nation.pdf>

Riffaterre M. Describing Poetic Structures: Two Approaches to Buadelaire's *Les Chats* // *Yale French Studies*. 1966. № 36/37. P. 200–242.

Stickel G. Domain Loss of a Language and Its Short- and Long-term Consequences // *National Languages in Higher Education*. Ljubljana, 2010. P. 13–22.

Swanborn M.S.L., Gloppe K. de. Incidental Word Learning while Reading: A Meta-analysis // *Review of Educational Research*. 1999. Vol. 69(3). P. 261–285.

Vosniadou S. Capturing and Modeling the Process of Conceptual Change // *Learning and Instruction*. 1994. Vol. 4. P. 45–69.

Vosniadou S. On the Nature of Naïve Physics («misconceptions» and «knowledge-in-pieces») // *Reconsidering Conceptual Change: Issues in Theory and Practice*. Springer Netherlands: Dordrecht, 2002. P. 61–76.

Vosniadou S., Brewer W.F. Mental Meanings of the Earth: A Study of Conceptual Change in Childhood // *Cognitive Psychology*. 1992. Vol. 24. P. 535–585.

Waring R., Nation P. Second Language Reading and Incidental Vocabulary Learning // *Angles on the English-speaking World*. 2004. Vol. 4. P. 11–23.

Waring R., Takaki M. At What Rate do Learners Learn and Retain New Vocabulary from Reading a Graded Reader? // *Reading in a Foreign Language*. 2003. Vol. 15. P. 1–27.

Xue G., Nation I.S.P. A University Word List // *Language Learning and Communication*. 1984. Vol. 3(2). P. 215–229.

Zahar R., Cobb T., Spada N. Acquiring Vocabulary through Reading: Effects of Frequency and Contextual Richness // *Canadian Modern Language Review*. 2001. Vol. 57(3). P. 541–572.

**«ЗАПИСНАЯ КНИГА СТАРЫХ И НОВЫХ КРЕПОСТЕЙ ПО НОВГОРОДУ,
ЯВЛЕННЫХ ДЬЯКУ ДМИТРИЮ АЛЯБЬЕВУ» 1597–1598 ГГ. КАК ИСТОЧНИК
СВЕДЕНИЙ О ФОНЕТИКЕ НОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА КОНЦА XVI ВЕКА**

Исследование «Записной книги старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг. показало, что даже при относительно однообразном содержании она является ценным источником по выявлению грамматических особенностей новгородского диалекта конца XVI в., см. [Галинская 2020]. Фонетические черты в текстах делового содержания отражаются, как правило, в не меньшем объеме, чем грамматические, и это не стало исключением и в данном случае.

«Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» представляет собой один документ, существующий в виде двух рукописей, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов: ф. 1144 «Новгородская приказная палата», оп. 1, № 1 «Книга записная кабалам на холопей» (далее – **К1**) и № 4 «Книга кабальная записей на разных лиц» (далее – **К4**). Они были оформлены по отдельным переплетам еще в конце XIX в., когда находились в Московском архиве Министерства юстиции. В 1898 г. вторая из этих рукописей была опубликована под названием «Записная книга крепостным актам XV–XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву» [Русская историческая библиотека 1898: 1–214], и, видимо, поэтому обе рукописи на сайте РГАДА получили общее название «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву».

Записные книги старых и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г. Они были заведены в делопроизводстве Новгородской приказной избы для пересмотра и проверки владельческих прав на холопов и представляют собой изложение докладных, кабальных, данных и полных¹ грамот, оформлявших эти права в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в некоторых весьма редких случаях в начале XVI в. и последней трети XV в. Существенно, что записи в книгах представляют собой пересказы указанных документов, а не списки с них, хотя небольшие фрагменты списков иногда присутствуют, и это важно отметить потому, что обычно пересказы, в отличие от списков, которые копируют более ранние оригиналы, отражают языковую ситуацию периода, когда они создаются (ср. анализ типов падежного синкретизма, отраженного списками и пересказами XVII в. псковских грамот XIV–XV вв. [Алпатова 2005: 89–92]). Стандартное содержание подавляющего большинства записей можно продемонстрировать на следующих примерах²:

того * дни степа^и истоми^и снѣ ро^хmano^в пода^и челоби^тную да положи^и к докладу к записке даную а в дано^и написано гераси^и яныше^в снѣ мура^вевъ да^и зятю своему степану ро^хманов^у за доче^рю своею за та^яною крѣпостную свою робу анницу про^вище утку послу^х в дано^и и у дано^и рука жда^ина (sic, вместо *ждана*) игна^тева снѣ алабухина даную писа^и ма^ксимъ герасимо^в снѣ мура^вевъ и в о^тца //свое^т мѣсто лѣта зрѣ^т и та даная записа^в о^тдана степану ро^хманов^у К4–78//78 об.;

¹ Полные грамоты фиксировали владельческие права на полных холопов, которые находились в бессрочной потомственной и наследственной зависимости.

² При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: *і* передается как *и*, *ѡ* как *о*, *ѣ* как *э*, *ѧ* и *Ѩ* как *я*, *ѣ* как *кэ*, *ѣ* как *ф*. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв *ѣ* и *ѣ* они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, ставятся соответственно буквы *ѣ* и *ѣ*, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с диалектными особенностями, используется нейтральный знак **Ъ**.

кабала на се^нку данилова с^на в дву рубле^х де^нги заня^н у ве^нямина трусова по^слу^х в кабале и рука у кабалы миха^нка васи^нева кабалу писа^н гриша васи^не^в с^нѣ ушако^в лѣта ꙗ^зчѣ^н февраль в а^лн и то^т де се^нка от нево бѣгае^т К1–86 об.;

полная о^ндрѣя иванова с^на глотова купил ва^ска гридина с^на кропо^ткина пересла^нца в по^нни-цу собѣ и свои^м дѣте^м а да^н на не^м по^нтре^ня ру^бля мо^ско^вски^х а о^т кня^з семена романовича о^т намѣстника приходи^н приста^н лева вои^нщи^н а о^т велико^г кня^з ивана васи^невича всеа руси^н та^мгу и восминичие взя^ни и послусии писаны по^нную писа^н черне^н гаврило^в с^нѣ паюсова лѣта ꙗ^зд^н ма^рта въ л^н у по^нные печя^н писана та^мга велико^г новагорода и по то^н де^н по^нно^н служи^н у ни^х фе^тко трофимо^в с^нѣ про^звищо кривоно^г да неудачка рыко^в да исто^нка петруши^н приѣжово // да оле^нка кири^н сы^н софронова а васки пересла^нца внучята и тѣ де^н лю^ни о^т ни^х з жена^ни и з дѣ^тми бѣгае^т (sic, вместо *бѣгаю^н*) К4–119//119 об.

К4 состоит из 230 лл., на каждом из которых стоит скрепа дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г., см. [Веселовский 1975: 21]. **К1**, состоящая из 201 л., имеет скрепу Дмитрия Алябьева только на лл. 1–141, далее приплетена челобитная грамота 1596 г. (л. 142), а оставшиеся листы написаны в XVII в., поскольку лл. 143–167 скреплены подписью дьяка Федора Опраксина (Апраксина), служившего в Великом Новгороде с 21 марта 1624 г. по 1625/26 гг. [Веселовский 1975: 28], а лл. 168–201 имеют скрепу Ивана Зиновьева, о котором известно, что он был дьяком в Великом Новгороде в 1660 г. [Веселовский 1975: 195]. Поэтому для данного исследования из книги № 1 был изучен лишь текст на лл. 1–141, где есть скрепа дьяка Дмитрия Алябьева.

Лл. 1–141 **К1** написаны шестью почерками:

- 1-й почерк: лл. 1–8 об.;
- 2-й почерк: лл. 9–75 об.;
- 3-й почерк: лл. 76–77, часть л. 85 об., сер. л. 90 об.–92 об.;
- 4-й почерк: лл. 77 об.–90 об. до сер. л., 93–93 об.;
- 5-й почерк: лл. 94–125 об.;
- 6-й почерк: лл. 126–141 об.

К4 написана пятью почерками:

- 1-й почерк: лл. 1–32 об.;
- 2-й почерк: лл. 33–104 об.;
- 3-й почерк: лл. 105–136 об.;
- 4-й почерк: лл. 137–222 об.;
- 5-й почерк: лл. 223–230 об.

При этом 1-й и 3-й почерки К4 внешне схожи, графически относятся к одному типу, но анализ орфографических особенностей показывает, что они принадлежат разным писцам. В то же время 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Это видно как из анализа начерков, так и из графико-орфографических навыков, представленных в обоих почерках. Одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4. Об этом можно сделать вывод не только по графическому типу письма, но и в результате анализа орфографии и языка обоих отрезков текста. Таким образом, обе книги насчитывают девять почерков. Подробнее см. [Галинская 2019].

1. УДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ

1.1. Записная книга (далее – **ЗК**) свидетельствует о том, что в новгородском диалекте конца XVI в. во всех позициях на месте этимологического *ѣ произносился звук [и]. Однако интересно, что разные писцы демонстрируют различные орфографические навыки, связанные с употреблением букв **ѣ** – **е** – **и** на месте *ѣ.

К1, 1-й почерк

Как и во всех остальных почерках, которые будут описаны далее, у 1-го писца (он написал 8 листов) наблюдается **правильное употребление буквы Ъ** во всех ударных позициях. Например:

Перед твердым согласным: *бѣгае^м* К1–4 об., *бѣгаю^м* К1–8 об., *дѣ^еку* К1–2 об., *дѣда* (Р. п.) К1–2, *крѣпо^{стн}* К1–3, *лѣта* К1–3, *мѣсто* К1–1 об., 3, *нѣ^м* К1–3 и т. д.

Перед мягким согласным: *дѣти* К1–7, *дѣтемь* К1–5 об., *намѣ^{ст}нику¹* К1–1 об., *о^м намѣ^{ст}ника* К1–2 об., *у о^ндрѣя* К1–2 об. и т. д.

В конце слова: *двѣ* К1–3, 6, *собѣ* (Д. п.) К1–5 об., *себѣ* К1–8, *тѣ* К1–3, 5 об.

Замены **Ъ** на **е** отсутствуют.

При этом на восьми листах, написанных почерком 1-го писца, имеется значительное количество **замен Ъ на и**, а также гиперкорректных обратных замен **и на Ъ**.

Ъ → и

Перед твердым согласным: *крипо^{сти}* К1–5 об., *ме^двидевъ сѣ^н* К1–2.

Перед мягким согласным: *о^нти* К1–3, *ма^мфиеву сѣ^н* К1–2 об., *мѣхива* (Р. п.) К1–3, *за... олексиева холопа* К1–1, *не^нтелиевъ сѣ^н* К1–7 (sic), *се^нгие^е сѣ^н* К1–8 об., *на ... тимофиска* К1–1, *за тѣмофиева сѣ^н* К1–6 об., *на ... тимофиеву до^н* К1–7 об.

В конце слова: *посли² о^нца* К1–3 об., *тѣ* (**Ъ** исправлен из **и**) К1–8 об.

и → Ъ

Перед твердым согласным: *на нѣ^х* К1–2 об., *о нѣ^х* (*о* вместо *о^н*) К1–1 об., *клѣ^нко* К1–7, *максѣ^нко^е* К1–4 об., *ма^ксѣ^нмо^е сѣ^н* К1–8 об., *за ма^ксѣ^нкомъ* К1–8 об., *тѣханко* К1–2, *на тѣханкове дочери* К1–6.

В конце слова: *а^е холопѣ дае^нца и^е робѣ³* К1–1 об.

Таким образом, для 1-го писца буквы **Ъ** и **и** были фактически синонимичными, о чем свидетельствует также замена **и** на **Ъ** в безударных слогах: *а^е холопѣ дае^нца и^е робѣ* К1–1 об., *борисовѣча* (Р. п.) К1–5 об., *поло^{жн}лѣ* (**Ъ** исправлено из **о**) К1–3, *за тѣмофиева сѣ^н* К1–6 об.

К1, 2-й почерк

Второй писец (его почерком написано 66 листов) значительно менее активно отражает произношение [и] в соответствии с *ѣ. Его орфографический навык состоит в достаточно регулярном употреблении буквы **Ъ** и в более редкой замене **Ъ** на **е**.

Правильное употребление Ъ

Перед твердым согласным: *бѣгае^м* К1–9 об. и далее всегда, *бѣгаю^м* К1–14 и далее всегда, *бѣлка* (имя) К1–18 об., 30 об., 42, *бѣ^нку* К1–38, *з бѣло^н* (топоним) К1–13, 29, 40 об., *дѣ^еку* К1–11, 28 об., 38 и др., *дѣ^еку* К1–21 об., 31 и др., *дѣ^вки* (Р. п.) К1–45, *дѣ^о* К1–43, *у дѣда* К1–41 об. и др., *дѣда* (Р. п.) К1–42 об., 69 об., *дѣла не дѣлати* К1–62, *звѣ^ре^е* К1–13, *крѣпости* К1–38 об., 48, 75 и др., *лѣта* К1–9 об. и далее всегда, *мѣсто* К1–11, 45, 46, 52 об. и др., *намѣ^{ст}ника* (Р. п.) К1–20 об., и др., *о^м намѣ^{ст}ника* К1–45 об., 47 об., *о^м намѣ^{ст}ника* К1–46 об., *намѣ^{ст}нико^н* (Д. мн.) К1–61 об., *краснослѣ^но^е*

¹ Следует полагать, что в новгородском диалекте конца XVI в. уже произошло ассимилятивное смягчение зубного перед следующим зубным, поскольку новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что результаты этого процесса имели место еще в XII в., ср.: *безъ девяти* Гр. № 710.

² Предлог «после» включен сюда условно, так как при обычном ударении на первом слоге в памятниках письменности, в том числе датируемых XVII в., отражаются следы конечноударной акцентовки [Зализняк 2014: 591].

³ В ЗК в значении В. п. регулярно употребляется форма исконно И. п. *холопи* (например: *в холопи* К1–1 об., 89, 110 об., 124 об., К4–21 об., 62 об., 142), так что можно считать, что в форме *робѣ* **Ъ** написан вместо **и**, поскольку это И. п., употребленный в значении В. п., см. [Галинская 2020].

К1–36, 48 об. и др., *краснослѣпова* (Р. п.) К1–37, 37 об. и др., *нѣ^м* К1–12, 16 об., 34, 36 об. и др., *неѣло⁶* К1–36 об., *неѣлову* (Д. п.) К1–28 об., *неѣлова* (Р. п.) К1–29, 29 об., *згорѣла* К1–42 об., 43, *згорѣ^а* К1–42 об., 43, *сидѣли* К1–30 об., *тѣ^х* К1–18 об., *всѣ^х* К1–19 и т. д.

Перед мягким согласным: *бѣ^аские волости* (Р. п.) К1–33 об., 53 об., *бѣ^аско²* *погоста* К1–35, *дѣти* К1–24 об., 28 об. и др., *дѣте^а* (Д. мн.) К1–24, 45 об., 61 об., *вмѣсте* К1–43 об., 45, *не умѣ^{е^м}* К1–34, *тѣми* К1–43, *о^адрѣ^а* К1–10, *у о^адрѣ^а* К1–10 об., *о^адрѣю* К1–11, *о^адрѣ^{е⁶}* К1–10 об., *оле^асѣя* (Р. п.) К1–15, 15 об., *оле^асѣико* К1–21, *на оле^асѣ^{е⁶}скую* *жену* К1–23, *матфѣико* 45 об., *на матфѣика* К1–29 об. (и в других заимствованных именах на *-ѣи* и их производных¹) и т. д.

В конце слова: *в кабалѣ* К1–55 об., 56, 58 об., 59, 65, *по ... кабалѣ* К1–58 об., *на ... робѣ* К1–28, 29, 35, *двѣ* К1–45 об., *тѣ* К1–10 и далее всегда, *мнѣ* К1–52, *собѣ* К1–20 об., *на себѣ* К1–41, *до нее* К1–62 и т. д.

Замена Ѣ на е

Перед твердым согласным: *бе^ака* К1–42 об., *по ... делу* К1–61 об., *орехова* (Р. п.) К1–33, *в те^а* К1–61.

Перед мягким согласным: *на е² дете^а* К1–61 об., *матфеи* К1–21 об.

В конце слова: *во дворе* К1–67 об., *в кабале* К1–9, 10 об., 12, и т. д. (часто), *на кабале* К1–25, 25 об., 26, *на заде²* К1–11, 13, 22, 23 об., 25 об. и т. д. (часто), *две* К1–10, 12 об., 15 об. и др., *на робе* К1–16 об., 21, *на... робе* К1–36 об., *то е ... ва^ава^аку* К1–49, *то е ... дѣвки* К1–45, *до нее* К1–62 об.

Возможно, случаи замены Ѣ на е в слоге под ударением объясняются влиянием устойчивого навыка замены Ѣ на е в безударной позиции (например, *обе* 48, *у дете^а* 26 об. и т. д.). Замена Ѣ на е в слогах без ударения, в свою очередь, объясняется орфографической традицией московских рукописей XIV–XVII вв. употреблять Ѣ под ударением и заменять его в безударной позиции буквой е [Васильев 1905: 178; Соколов 1891: 123], которая распространилась и на памятники севернорусского происхождения соответствующего периода [Виноградов 1923: 318–319; Дурново 1914: 161].

Таким образом, 2-й писец в плане употребления Ѣ демонстрирует неплохую грамотность, но и он иногда ошибается и заменяет Ѣ на и, а также и на Ѣ. Если учесть, что этот писец написал 66 листов, количество этих замен весьма незначительно, однако они тем не менее показательны.

Замена Ѣ на и

Перед твердым согласным: *зорила* К1–43 об.

Перед мягким согласным: *жена^а ... на луки^аи* К1–28, *въ // свискую* (видимо, с пропущенным и выносным) *землю³* К1–44 об.//45.

В конце слова: *в рубли* К1–16 об., *двѣ* К1–22 об.

Замена и на Ѣ

В конце слова: *онѣ* К1–27 об., 28, 31, 42 об., 52 об.

К1, 3-й почерк; К4, 5-й почерк

Как было сказано выше, 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. В общей сложности он написал 12 листов – 5 в К1 и 7 в К2. При наличии правильных употреблений буквы Ѣ (примеры этимологически верных написаний здесь

¹ Эти имена греческого происхождения, по мнению Л.Л. Васильева, в древнерусском языке вне зависимости от их огласовки в языке-источнике усвоились именно с -ѣ [Васильев 1905: 220–221].

² Имеется в виду на оборотной стороне документа. Слово *задѣ* относилось к акцентной парадигме *b* [Зализняк 2014: 459].

³ Русск. *Свѣя* (Швеция) из шв. *Svéaland*, см. [Демьянов 1987: 78].

и далее больше приводиться не будут ввиду их стандартности) и отсутствии замен Ъ на е тут отмечено значительное для небольшого объема текста число замен Ъ на и:

Перед твердым согласным: *бигае^м* К1–76, *крѣпости* К1–92, К4–230, *крѣпостѣ* К4–227 об., у ... *кра^снослипова* К4–226 об., *кра^снослипову* К4–225 об., *во вси^х* К1–91.

Перед мягким согласным: *дѣти* (первое и исправлено на Ъ) К4–226 об., *дѣти* (исправлено на *дѣтеи*) К4–226, *о^м* ... *намѣстника* К1–76 об., *намѣстника* (Р.п.) К4–224, *намѣстника* (Р.п.) К4–224 об., *на до^ро^вѣ* К4–228, *олекси^нка* (Р.п.) К4–226 об., *ув оле^ссія* К4–229 об., *олекси^е снѣ* К4–224, *михи^нко* К1–91, *о^дри^н* К1–92 об., *о^дрия* (Р.п.) К1–85 об., *тимо^февъ снѣ* К1–92, *на тимофѣева снѣ* К1–85 об., К4–228, *на... фалелиеву до^ч* К1–91.

В конце слова: *во двори* К4–226, *в каба^ли* К1–90 об., К4–223 и др. (всего 9 раз), *на каба^ли* К4–227, 228, *в ру^бли* К1–90 об., 91, 91 об., 92, К4–229, *жена^м* ... *на е^с роби* К1–77, *дѣи* К4–228 об., *соби* К4–230, *ти крѣпости* К1–92.

При этом обратные замены и на Ъ отсутствуют.

К1, 4-й почерк; К4, 4-й почерк

В общей сложности писцом, которому принадлежат два отрезка текста, написано 99,5 листа (К1–14,5 лл., К4–85 лл.). При большом количестве стандартных написаний с Ъ и крайне малом числе замен Ъ на е (*дѣти* К1–79 об., К4–150, *крѣпость* К1–90, *мосе^вева* (Р.п.) К4–180 об., *дѣе* К4–157, 169 об., 190–об.) отмечены многочисленные случаи замены Ъ на и и обратной замены и на Ъ.

Замена Ъ на и

Перед твердым согласным: *крѣпости*, К4–137, *надилу* (Р.п.) К1–88 об., *офри^н* К4–210 об.

Перед мягким согласным: *о^м* *намѣстника* К4–138 об., *влади^м* К4–191 об., *луки^ницу* К4–172 об., *аникиевъ* К4–170, *елиси^нко* К4–181, *елиси^е снѣ* К4–148 об., *еремѣева снѣ* (В.п.) К4–161 об., *у еремѣева снѣ* К4–185 об., *михи^нко* К1–80 об., *на михиева снѣ* К1–85 об., *мокиева* (Р.п.) К1–93, *моси^нко* К4–206, 216 об., 176 об., *с моси^нкомъ* К4–216 об., *моси^ева* (Р.п.) К1–93 об., К4–202 об., *на патракиева снѣ* К4–168, *се^рги^нко* К4–206 об., *на се^рги^нка* К1–84, К4–206 (2 р.), *с серги^нкомъ* К4–203 об., *се^рги^ева до^ч* К1–83, *се^рги^ева* (Р.п.) К4–215 об., *на се^рги^ева снѣ* К4–170, *се^рги^евы* (И.мн.) К4–180, *тимофѣя* (Р.п.) К4–173 об., *у тимофѣя* К4–178, *тимофѣю* К1–82, К4–198 об., *тимофѣ^нко* К1–87, *на тимофѣ^нка* К1–87, К4–172 об., *у тимофѣева* К4–173, *тимофѣ^е снѣ* К4–197, у ... *тимофѣева снѣ* К1–93, *на ... тимофѣева снѣ* К4–177 об., 183, *тимофѣеву снѣ* К1–82 об., *тимофѣевыми дѣ^тми* К1–88 об., *на тимофѣеву до^ч* К4–182 об., 196 об., *на ... федоси^нка* К4–182.

В конце слова: *во двори* К4–212, *во ^двори* К4–161, *в ру^бли* К1–85 об., 170, *в су^ди* К4–182 об., *жени* (Д.п.) К4–160 об., 209 об., *на ... жени* К4–195, *на каба^ли* К1–87 об., 210, *в каба^ли* К4–210, 145, *в каба^ли* К4–206, *сестри* (Д.п.) К1–90, *на роби* (жен.р.) К4–169, *соби* К4–212.

Замена и на Ъ

Перед твердым согласным: *Денѣско* К1–78 об., *у нѣ^х* К4–184, *у нѣ^х же* К4–184 об., *у нѣ^хх* К4–176, *о^м* *нѣ^хх* К1–79, *о^м* *нѣ^х* К4–184 об., 204 об., *Орѣнку* К1–82, *дмѣтрѣ^н* К1–90, *дмѣтрѣ^н* К1–90, *дмѣтрѣя* (Р.п.) К4–171 об., 156 об., 157, *дмѣтрѣ^нко* К4–185, *дмѣтрѣ^е снѣ* К1–93, *дмѣтрѣя* (Р.п.) К1–86 об., 88, 93, *дмѣтрѣева* (Р.п.) К1–88, *дмѣтрѣ^ескои дѣяч^е* К1–90 и т.д. (всего в имени Дмитрий и его производных более полусотни случаев написания Ъ на месте ударного [и]), *мордвѣно^с снѣ* К4–148 об., *на ... онѣ^нпову до^ч* К4–174 об., *орѣнку* К4–140, *на орѣ^нке* К4–169 об. Есть вариативные написания *секѣри^н* К4–199 / *секири^н* К4–199 об.

Перед мягким согласным: *софѣ^нские стороны* К4–168, *софѣ^н* (Р.п.) К4–147.

В конце слова: з *де^ммъ* К1–90 об., К4–147 об., 173 об., *онъ* К4–195 об.

Писец, видимо, считал **Ѣ** более «правильной» буквой, чем **и**, потому что и в безударных слогах в его почерке наблюдается массовая замена **и** на **Ѣ**. Вот лишь некоторые примеры: *дѣтъ* К4–161 об., 167, *дѣвѣкъ* К4–169 об., *дѣдѣвѣча* (Р. п.) К4–204, *Дмѣтрѣе^е сѣнъ* К1–83, *крѣво^и* К4–167, *крѣпостѣ* (И. мн.) К4–207, *намѣстнѣка* (Р. п.) К1–77 об., *намѣстнѣчи^х* (Р. мн.) К4–151/151 об., *тѣмошка* К4–215, *на аннѣце* К4–208, *з домнѣцею* К4–217 об.

К1, 5-й почерк

Этому писцу принадлежит в три раза меньший объем текста, чем предыдущему, – его почерком написан 31 лист, однако он при стандартных случаях употребления **Ѣ** и статистически незначимых единичных случаях замены **Ѣ** на **е** в ударных слогах взаимозаменяет буквы **Ѣ** – **и** в больших даже количествах, чем писец, которому принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4.

Замена Ѣ на и

Перед твердым согласным:

ди^ека К1–98 (2 р.), *дивку* К1–95 об., *ди^еку* К1–98, 111 об., 112 об., 125, *дѣтъ ди^екъ* К1–98, *на ди^еке* К1–111 об., *у дида* К1–114 об., *крипо^ети* К1–107, 112 об., 120 об., 122 об., *с...нимкою* (=немой) К1–99, *с ним^ькою* К1–99 об., *красно^елипову* К1–111 об., *кра^енослипову* К1–112, *кра^енослипова* К1–112, *челови^к* К1–125, *на о^фри^ика* К1–116 об., *вели^и* К1–110 об., *с тимъ* К1–115.

Перед мягким согласным:

диту К1–102, 116, 122 об., *дитѣ* 97 об., 99, *на и^х диту* К1–100, *о^м намистника* К1–114, *в обих^х каба^ла^х* К1–104 об., *в обию^х каба^ла^х* К1–119, *в обихѣ каба^ла^х* (со стяжением) К1–109, *го^рдие^еского погоста* К1–95, *еремию* (Д. п.) К1–123, *матфии* К1–107, *у матфия* К1–94 об., *ма^мфиико* К1–123, *ма^мфиевъ* К1–104 об., 105, 105 об., 106, *матфиевъ* К1–115 об., *ма^мфие^е* К1–105, 105 об., 106, 125, *на ... матфиева сѣна* К1–106 об., *ма^мфиеву сѣну* К1–123, *во кня^ж ма^мфиево мѣсто* К1–107 об., *на михи^ика* 125 об., *моси^ико* К1–111, *на оникиева сѣна* К1–106, *поздия* (Р. п.) К1–96 об., *на ... Се^ргиеву до^и* К1–100, *тимофи* (sic) К1–112, *тимофико* (sic) К1–103, *тимофиики* К1–103, *на тимофиика* К1–102 об., *на ... тимофиева сѣна* К1–104 об., *тимофиева княгиня* К1–116.

В конце слова: *дву* К1–106 об., 115, *на зади* К1–97, 98, *в каба^ли* К1–96 (2 р.), 113 об. 125 об.

Замена и на Ѣ

Перед твердым согласным: *во^тцкие пятѣны* К1–97 об., *володѣмеро^е сѣнъ* К1–111 об., *данѣлу* (Д. п.) К1–110 об., *дмѣтрия* (Р. п.) К1–109 об., *дмѣтрие^е* К1–98, *дмѣ^триевѣ* К1–107 об., *дмѣ^трие^е* К1–98, *дмѣ^триевы* (Р. п.) К1–99, *дмѣ^триеву до^и* К1–101 об., *дмѣ^трие^еско^е* (Р. п.) К1–95, *дмѣ^трие^еско^е* (Р. п.) К1–112 об., *мордвѣнова* (Р. п.) К1–94 об., *мордвѣнову* К1–94, *у нѣ^х* К1–98, *у нѣ^хѣ* К1–99, 99 об., 100, *на нѣ^хѣ* К1–114, *челобѣ^тную* К1–122 об.

Перед мягким согласным: *бѣ^ти челомъ* К1–108 об., *володѣмеро^е сѣнъ* К1–111 об., *калѣнину до^и* К1–115 об., *калѣтина* (Р. п.) К1–101.

В конце слова: *того^ж днѣ* К1–98 об., *з де^ммъ* К1–98 об., 101 об., *в пятѣ ру^блехъ* К1–101 об., *онъ* К1–95 об.

Этот писец еще более, чем предыдущий, неустойчив в выборе между **Ѣ** и **и**, так что он не только многократно заменяет **и** на **Ѣ** также и в безударных слогах (например, *навѣ^лкъ* К1–102, *фѣ^ли^и* К1–99, *диту* К1–97 об., К1–99, *людѣ* К1–110 об. и т. д.), но и часто правит **и** на **Ѣ** и обратно:

и исправлено на **Ѣ**: *сиди^м на стульѣ* 103 об., у *матфѣева с^дря* 105, *степановы дочерѣ* (Р. п.) 125 об., *корнѣ^нку* (В. п. жен. р.) 121 и т. д.

Ѣ исправлен на **и**: *в се^нце в невиروه* 110, *на максимка* 113 об., *на пе^нащцику* 121 и т. д.

К1, 6-й почерк

Записи, которые сделал этот писец (всего 15 лл.), отличаются по структуре от всех остальных. Тут пересказывается содержание служилых кабал, т. е. обязательств должников отрабатывать личным трудом в хозяйстве кредитора проценты на взятую в долг суммой на год сумму, причем дается описание должника и речь идет от 1-го лица, например:

се я^з оме^ня^н ларионо^в снѣ про^звище гуля^н рожае^м и волосо^м ру^с глаза серы го^н в соро^к с своею женою с огафьею съ яко^влевою дочерю рожае^м и волосо^м бела глаза серы росто^м сере^нная собою по^суха заня^н е^смя у богдана у федорова снѣ харламова пя^т ру^бле^в мо^кко^вскую дене^г о^т здвѣже^ня ч^тна^г кр^ста да до того же дни на го^н а за ро^сть намъ у бо^гдана у федорова снѣ харламова служити на тѣ де^нги до то^г сроку и по сроце по в^ся^к де^н во ^нвори К1–130 об.

Поэтому состав лексики здесь несколько отличается от других записей. И тут есть лексемы, которые часто пишутся с **е** на месте **Ѣ**: *бела* К1–127 об., 128, 130 об., 132 и др., *белы* К1–137 об., *серы* К1–130 об., 132, 134 об. и др., *свѣтлосеры* К1–133, *красносеры* К1–138 об., хотя имеются и стандартные написания этих слов, например *бѣ^н* К1–137 об., 140 об. и др., *сѣ^п* К1–138 об., как, впрочем, и других (типа *дѣвка* К1–138, *нѣ^м* К1–134, *велѣла* К1–129, *велѣли* К1–126, *мнѣ* К1–133, *во дворѣ* К1–141 об. и т. д.).

При этом **Ѣ** заменяется на **и** в ограниченном числе случаев: в форме М. п. от слова *дворѣ* (*во ^нвори* К1–127 об., 130, 130 об., 132//132 об., 133, 134, 134 об., 135 об., 136, 137, 139, 140) и в двух производных от заимствованных имен: *ма^нфиева до^ч* К1–141, *с се^пгиевою дочерю* К1–137 об.

Ненамного больше наблюдается обратных замен и на **Ѣ**: *о^м здвѣже^ня ч^тна^г кр^ста* К1–130 об., *с своими дѣтмѣ* К1–129 об., *о^нмѣ* (Т. п.) К1–127 об., 128 об., *онѣ* К1–126, 127, 128, 129 об., 131, 132, 137 об., 139 об. (ср. также в безударном слоге: *не служила нѣгдѣ* К1–141).

К4, 1-й почерк

Орфографические навыки этого писца, почерком которого написаны 32 листа, схожи с навыками 2-го и 6-го писцов К1. Правильное употребление буквы **Ѣ** здесь есть, но таких случаев заметно меньше, чем, например, у 5-го писца К1, которому принадлежит столько же листов. При этом наблюдается достаточно много для текста с однообразным содержанием **замен Ѣ на е** во всех позициях.

Перед твердым согласным: *де^ску* К4–18 об., 25, *на делу* (т. е. при разделе) К4–14 об., *су^нны^х де^н* К4–24, *бѣвестѣно* К4–13, *крепости* К4–22, *место* К4–25, *в место* К4–31, *нетѣ* К4–5, *не^м* К4–3, 5 об. и др.

Перед мягким согласным: *дети* К4–2, 3 об., 12 об., 18 об., 19 и др., *дѣте^н* (Д. п.) К4–21 об., у *фадеика* К4–23.

В конце слова: *две* К4–2, 10 об., 12–об., 13 и др., *в кабале* К4–14, *сестре* (Д. п.) К4–30 об.

Что касается **замены Ѣ на и**, то она тоже спорадически присутствует, но чаще в именах греческого происхождения и их производных.

Перед твердым согласным: *нами^сника* (Р. п.) К4–21 об., *вели^н* К4–1 об.,

Перед мягким согласным: *дѣти* К4–10 об., *не уме^н* К4–3, 3 об., *о^сшика* (Р. п.) К4–15, *оле^ссию* К4–6, *ув оле^ссия* К4–28 об., *на але^ссиева снѣ* 20, *на ... еремиеву до^ч* К4–7, *се^пгиева* (Р. п.) К4–24 об., 26, 26 об., *за се^пгиевою дочерю* К4–25 об., *фади^нкова* (И. ед.) К4–23.

В конце слова: *сестри* (Д. п.) К4–16 об., *в рубли* К4–25 об.

Обратных замен **и** на **Ѣ** в этом почерке нет.

К4, 2-й почерк

2-му писцу К4 принадлежит 71 лист, и на протяжении всего текста он демонстрирует устойчивый навык правильного написания буквы Ѣ в ударных слогах всех типов, причем в разнообразных лексемах. При этом замены Ѣ на е практически отсутствуют. Видимо, писец следил за тем, чтобы употреблять букву Ѣ правильно, так что, в целом хорошо соблюдая стандартное для рукописей XIV–XVII вв. правило писать Ѣ под ударением и заменять его без ударения буквой е (например, *деловая* К4–37, *поделить* К4–37, *на ... иванове дочери* К4–104 об.), он даже изредка употреблял Ѣ согласно этимологии и в безударных слогах (например, *дѣловые записи* К4–36 об., *на ... дѣтеи* К4–34, 48, *на сопелкинѣ дочери* К4–41 об.) и, более того, гиперкорректно заменял в этих слогах е на Ѣ (*осмничеѣ* К4–66 об., *восмичеѣ*¹ К4–87 об., *бажѣна*² (Р. п.) К4–103). Поэтому неудивительно, что в почерке этого писца обнаружено всего два случая замены Ѣ на и: *а ничто ... бѣѣ пошле*^м К4–57, *на зади* К4–54 об.

К4, 3-й почерк

3-й писец К4, чьим почерком написан 31 лист, столь же регулярно, как и 2-й писец, употребляет правильно букву Ѣ в ударных слогах и заменяет ее на е крайне редко (например, *по ... веле*^ю К4–107, *не*^{чина} (В. п.) К4–115 об., *у тое*^ж *кабалы* К4–115 об.). При этом замены Ѣ на и ограничиваются двумя производными от заимствованных имен на -ѣи: *патракиеву до*^ч К4–126, 128, *сергиеву до*^ч К4–113 об., но есть и единичные гиперкорректные замены и на Ѣ: *фетѣшка* (от имени *Фетинья*) К4–125, *онѣ* 118 об.

Итак, очевидно, что в говоре всех писцов ЗК на месте этимологического *ѣ в ударных слогах произносился звук [и], но орфографические стратегии писцов были разными, и можно выделить несколько из них. При том, что во всех почерках присутствует правильное употребление буквы Ѣ, соотношение этих написаний со случаями мены Ѣ с и и е бывает таким:

1) активная замена Ѣ на и и обратная, гиперкорректная, замена и на Ѣ при полном отсутствии замен Ѣ на е или единичных случаях таких замен (К1, 1-й почерк; К1, 4-й почерк / К4, 4-й почерк; К1, 5-й почерк);

2) активная замена Ѣ на и при отсутствии обратных замен и мены Ѣ – е (К1, 3-й почерк / К4, 5-й почерк);

3) небольшое количество случаев взаимной мены Ѣ и и при наличии замены Ѣ на е в заметных количествах (К1, 2-й почерк; К1, 6-й почерк; К4, 1-й почерк);

4) редкие случаи взаимной мены Ѣ – и при наличии не менее редких случаев обратной замены или отсутствия их; столь же редкие случаи замены Ѣ на е (К4, 2-й почерк, К4, 3-й почерк).

1.2. Древненовгородскому диалекту до некоторой степени было свойственно **изменение [а] в [е]** под ударением между мягкими согласными. Еще А.И. Соболевский приводил случаи его отражения в новгородских памятниках церковнославянской письменности XI–XIV вв., такие, например, как *дивѣщесея* Минея 1097 г., *учѣщую* Стихирарь XII в., *болѣцишимъ* Путятина Минея XI в., *освящеѣтъ* Новг. Кормчая ок. 1282 г., *просвѣщеѣтъ* Требник Шереметева XIV в. [Соболевский 1907: 89]. Подтверждают показательность этих написаний обнаруженные позднее данные бытовой письменности – новгородских берестяных грамот. Ср.: *възьль* (в стандартной орфографии <възеле>, перфект без связки, если это не описка) № 864 (10–30-е гг. XII в.), *Гюргѣти...* (из

¹ Восьмничеѣ / восьмичеѣ – торговая пошлина в размере одной восьмой части дохода с чего-либо, стоимости облагаемого товара [Сл. РЯ XI–XVII вв., 3: 72].

² Это имя *Бажѣн*, образованное, скорее всего, от прилагательного *бажѣный* ‘милый, желанный’, см. [Слов. рус. личн. имен: 74]. В современном новгородском диалекте, имея как раз такое значение, это прилагательное демонстрирует переход [е] в [о]: *бажѣный* [Новг. обл. сл., вып. 1: 23], показывающий, что тут было этимологическое [е].

Гюрят-) №947 (не позднее 50-х гг. XII в.), *воспрашееть* №68 (40–50-е гг. XIII в.), *попецелилеса* (l-форма в сослагательном наклонении муж. р. ед. ч.) №167 (80–90-е гг. XIV в.), *метель* ‘плащ’ (из *мятель*) №418 (10–30-е гг. XIV в.), *кюрїескал* ‘кирьяжская’ №248 (60–90-е гг. [предпочт. не позднее 70-х] XIV в.) В последнем случае переход [а] в [е], по мнению А.А. Зализняка, очевидно, произошел до утраты [ж’], т. е. до упрощения [ж’с] в [с]) [Зализняк 2004: 74].

В современных новгородских говорах результаты перехода [а] в [е] практически нивелированы. Формы с [е] отмечаются в единичных случаях лишь в отдельных населенных пунктах [ДАРЯ I, карта 43]. К концу XVI в. процесс нивелировки этого явления зашел уже далеко, поскольку встречен только один случай отражения произношения [е] на месте <а> между мягкими согласными под ударением: *дмитрея але^еева* (Р. п.) К4–14. Тут можно было бы предположить описку – е под влиянием е следующего слога, но такая вероятность крайне мала ввиду того, что обе буквы в этой форме имеют разные скорописные начерки. Есть написания *за полоненика* К1–125 об., *полоненика* (В. п.) К4–121, но слово *полоняникъ* относилось к а. п. *b*, и формы его косвенных падежей обычно имели ударение на окончании, хотя бывали и отклонения, когда ударение падало на слог *-ня-* [Зализняк 2014: 482].

1.3. Судя по данным современной лингвистической географии, в древнерусском языке интенсивность **перехода [е] (в том числе из [ь]) в [’о]** была в разных диалектах неодинаковой. Что касается древненовгородского диалекта, то, опираясь на показания берестяных грамот, можно заключить, что в нем этот переход шел активно, поскольку есть много примеров написания **о** после букв шипящих и даже после букв парных по твердости / мягкости согласных в ударных и безударных слогах. Ср. в позиции под ударением: *жонку* №402 (2 пол. XIV – 1 пол. XV в.), *уроколь* ‘заявил’ №724 (1161–1167 гг.) и т. д. (полный список примеров см. в [Зализняк 2004: 69–70]).

В ЗК переход [е] в [’о] тоже отражается. Однако надо сказать, что не все случаи, когда на месте этимологического *e или сильного *ь написана буква **о**, одинаково показательны для того, чтобы судить о степени распространенности изменения [е] в [’о]. Есть такие современные русские говоры, где процесс фонетического перехода [е] в [’о] практически не осуществился, но в формальных элементах, употребляющихся не только после мягких согласных, но и после твердых, произносится [о], возникшее, судя по всему, нефонетическим путем, по образцу соответствующих твердых основ. Это падежные окончания, уменьшительный суффикс *-ок-* и суффикс *-ов-* (ср. в говорах рязанской Мещеры: [аун’ом], как [с’елом], [кул’ок], как [дубок], [квал’оф], как [иванóf] и т. д.), см. [Аванесов 1952: 31–32].

Примеры подобного рода имеются и в ЗК:

В окончаниях: *исцо^е* К4–202, *стрецо^е* (В. п.) К4–73, *за латышо^н* К4–124 об., *сЪ якушо^н* К4–123 об., К4–73, *болшово* (Р. п.) К4–85 об., *бошо^{во}* (Р. п.) К4–54, *мешо^{во}* (Р. п.) К1–69 об., *менишо^{во}* (Р. п.) К4–117, *у мешо^{во}* К4–155, *мешо^{му}* К4–77 об., *мешо^{му}* К1–122.

В суффиксе *-ок-*: *дьячо^к* К1–11, 12, 13, 18, 22 об., 30 об., 31, и др., К4–1, 2 об., 3, 4 и др., *диячо^к* К1–96 об., 108 об., К4–57.

В суффиксе *-ов-*: *жена^н на ... игнашовы дочери* К1–36 об., *ку^нецова* (В. п.) К1–23, *у... о^нрацова* К1–24 об., *оди^нцова* (Р. п.) К4–40 об., *оди^нцову* К4–41 об., *пыжо^е* К1–101, *пыжова* (Р. п.) К4–78, 169 об., *стрижо^е* К1–43 об., *хро^нцо^е* К4–5 об., *шишова* (Р. п.) К4–41, *на о^нцово имя* К4–109 и нек. др.

Есть, впрочем, и традиционные написания в этой группе слов, но их меньше: *дьяче^к* К1–29, 78 об., 87 об., 90, К4–11, 12 об., 16, 34 об., 35 и др. (часто), *про^нвище меше^к* К1–78 об. 48, *колаче^е* К1–40 об., *колачева* (Р. п.) К1–40 об.

Целый ряд примеров свидетельствует о том, что фонетический процесс перехода [е] в [’о] после мягкого согласного перед твердым осуществился и в тех морфемах, корневых и аффиксальных, где не происходят аналогические воздействия:

иже^рского погоста К4–157 об., *жо^нка* К1–25, 30 об., *жо^нку*, К1–11 об., 12 об., 30, 93, К4–84 об., 100, 111, 140, 217, *на жонки* К4–130 об., *проти^о тотъ жо^нки* К1–93, *ожоги^н* (фамилия) К1–27, 31, К4–73, *ожогинъ* К4–159, *ожогина* (Р. п.) К1–28, 31, К4–2, 157 об., *у ожогина* К1–27 об., *ув озжогина* К4–159, *ожогину* (Д. п.) К1–28, К4–1, 159, *нацоки^н* К4–46, 198, *нацоки^н* К4–198, *нацокину* К4–47, 47 об., *чортова* (Р. п., фамилия) К4–111, *у... чортова* К4–135, 135 об., *у чортовых* [...] К4–135 об., *не що^о с суда* (аналогическим способом образованное причастие, т. е. *съшьвьъ*, а не *съшьдъ*) К4–124, *шишо^х* (имя) К4–191 об., *новокицоно^о* (фамилия, из Новокрещенов) К4–139, 141 и др., *новокицоно^о* К4–137 об., 138, 138 об., 139, 139 об. (2 р.), 140, *ново^кцонову* (Д. п.) К4–38 об., 40 об., *новокицонову* (Д. п.) К4–140 об., 141, 145 об., *у... ново^кцонова* К4–39 об. (2 р.), 40 (2 р.), 40 об., *новокицонова* (Р. п.) К4–137 об.

Аналогический переход [е] в [’о] отражен и в позиции конца слова: *се^нцо* К1–41, К4–62 об., 141 об., а также перед мягким согласным: *ме^ншои* К4–77 об., 117 об., 155.

Есть, впрочем, и небольшое количество написаний, которые следует считать традиционными: *чертовъ* (фамилия) К4–111, *черто^о* К4–184 об., *чертова* (Р. п.) К4–174, *у че^ртова* К4–185, и др., *у чертовы^х* К4–136, *с че^рнои* (река) К4–171 об., *же^нку* К4–223 об.

Еще одна группа написаний с е объясняется другими факторами. Во-первых, была возможна церковнославянская огласовка без изменения [е] в [’о] в фамилии Новокрещеновъ, превратившейся в результате упрощения группы согласных в Новокщеновъ / Новокщеновъ: *новокщено^о* К4–137, *ново^кщено^о* К4–38 об., 192 об., *на новокщенова* К4–137 об., *на новокщенова* К4–193 об., *новокщенова* (Р. п.) К4–145, *новокщенова* (Р. п.) К4–192, 194 об., *новокщенову* (Д. п.) К4–193, 194 об., хотя, как видно из приведенных выше примеров, русская огласовка с [’о] тоже была представлена. Во-вторых, отсутствие отражения перехода [е] в [’о] обусловлено позицией перед мягким согласным: *родо^н ижерени^н* К4–120 *на ижеренина* К4–76. Сюда же относятся написания *иже^рскои* (И. п.) К4–50 об., 51, 51 об., 52, 53 об., *иже^рского* (Р. п.) К4–48 об., 51 об., 52 об., 53, *иже^р//ско^о* (Р. п.) К4–122 об.//123, 125 об., 126, 126 об., 127, *иже^рсково* (Р. п.) К4–185, объясняющиеся тем, что перед суффиксом *-ьск- долго сохранялась мягкость согласного. В скорописных текстах это явление находит отражение довольно редко ввиду того, что буква согласного перед суффиксами часто бывала выносной, а если она оказывалась строчной, то ь в середине слова писался редко, но и в случае его написания он может быть однозначно интерпретирован именно как ь далеко не во всех почерках, поскольку зачастую ь и ь имели очень похожий размашистый начерк. Однако в ЗК есть написание *н^ковьского* (Р. п.) К1–46 об., где более или менее надежно прочитывается ь. Впрочем, в одном случае, который приведен выше (*иже^рского погоста* К4–157 об.), переход [е] в [’о] все же отразился. Видимо, это прилагательное постепенно попадало под влияние этнонима *ижора*, где [о] возникло тогда, когда фонетический процесс изменения [е] в лабиализованный гласный перед твердыми согласными был еще актуален (переход [е] в [’о] проходил с XII в. примерно до второй половины XV в. [Галинская 2016: 157]).

2. ВОКАЛИЗМ БЕЗУДАРНЫХ СЛОВ

2.1. ПОЗИЦИЯ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ И В АБСОЛЮТНОМ НАЧАЛЕ СЛОВА

2.1.1. Первый предударный слог. В подавляющем большинстве случаев буквы **а** и **о** употребляются этимологически верно, причем особенно показателен тот факт, что писцы устойчиво употребляют **о** там, где под влиянием акающего произношения в русской орфографии (в том числе современной) закрепилась буква **а**: *роба* К1–36, 43 об., К4–118 об., *робу* К1–13, К4–25, К4–113 об., *на робе* К1–16 об., *на... робъ* К1–35, 51,

К4–123, 127 об., в *робы* К4–142 об., *робами* К4–137 об. и т. д. (это слово употреблено многократно). Сюда же относится орфографическая передача встречающихся в большом количестве имен греческого происхождения и их производных, например: *на о^н-дрѣ^нка* К1–91, *с овдѣико^н* К1–19, *о^нфрѣ^нко* К1–7, *на огапка* К4–25 об., *на от^но^нка* К4–18, *олентѣ* (Д. п.) К4–217, *оле^нка* К1–1 об., К4–18 об., *о^ндо^ницу* К4–8 об. и т. д. То есть можно заключить, что в позиции первого предударного слога сохранялось оканье.

Однако имеется и ряд случаев взаимной мены букв **а** и **о**, которые необходимо прокомментировать.

о → **а**: *сакалово* (название села) К1–80, *а^ндрѣя* (Р. п.) К4–8 об., *астахѣя* (Р. п.) К4–48 об., 10 об., *астахѣика* (Р. п.) К4–50 об., 51, *на солломаниду* К1–92, *солломани^нку* К4–176, *на соллома^нку* (sic) К4–8.

Показателен здесь в плане отражения проникающих, возможно, в говор элементов аканья только первый пример (*сакалово*). Что касается имен греческого происхождения, то здесь могло отразиться их книжное написание, а появление буквы **а** в имени *Соломонида* объясняется тем, что еще для древненовгородского диалекта была характерна замена *о* на *а* внутри христианских имен [Зализняк 2004: 205].

а → **о** *до до^н* (= да дочь) К1–99 об., *томожницы* К4–198 об., *бора^н* К4–21 об., *борано^н* К4–18, у ... *боранова* К4–18, 18 об., *боранову* (Д. п.) К4–18 об., *на мола^нку* К4–11 об.

В написаниях *до до^н* и *томожницы* можно усматривать опisku под влиянием буквы следующего слога, но можно увидеть и отражение межслоговой ассимиляции гласных, известной на русском Севере. Так, П.С. Кузнецов отметил в говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы ассимилирующее влияние друг на друга гласных [о] и [а] соседних слогов, например: а) *сомовáр, норóц'но, от коморóф, гормóшка, на зоготóфке*; б) *парахóд, в Галáндию, хварáю, нáда, бядá* [Кузнецов 1949: 22]. Более поздние диалектологические исследования также фиксируют в севернорусских говорах регрессивную ассимиляцию безударных гласных гласным последующих слогов – как «[а]-ассимиляцию» типа *ламáл*, так и «[о]-ассимиляцию» типа *постонóфки* [Пауфошима 1981: 29–30].

Остальные написания объясняются так: в окающих диалектах и сейчас в отдельных словах наблюдается замена [а] на [о], ср. записи современных архангельских говоров: *Трову и листьѣ покрыл первый снег; Идѣте, как стадо боранов* [Плешкова 2012: 70]. Так что это явление могло существовать и в конце XVI в.

В современных новгородских говорах картина вокализма первого предударного слога после твердых согласных неоднородная. В частности, в сосуществовании с оканьем на довольно обширной территории вокруг озера Ильмень, отмечаются ареалы неразличения гласных неверхнего подъема. К северо-востоку и юго-востоку от озера Ильмень есть три полностью акающих «островка» [ДАРЯ I, карта 1]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в конце XIX – начале XX в., например, в собранных в Новгородском уезде диалектологических материалах есть указание на то, что в целом ряде обследованных населенных пунктов распространено аканье [Диалектологический материал... 1914: 323–324], а в с. Спасо-Пископицы Новгородского уезда, расположенном на берегу озера Ильмень, наряду с произношением *монáх, пономáрь, робóтать, робóтник* было записано *зарабóтывать, тапéрь* [Шахматов 1896: 23]. Некоторые элементы аканья начали проникать в первый предударный слог в новгородском диалекте уже в первой половине XVII в., так как об этом свидетельствует небольшое количество надежных написаний, отражающих неразличение гласных неверхнего подъема, в хозяйственных книгах и челобитных грамотах новгородского происхождения данного периода [Галинская 2002: 20]. При этом случаев мены букв **а** – **о** из челобитных грамот конца XVI в., также исследованных в указанной работе, нет. В совокупности с единственным релевантным написанием *сакалово* из ЗК это говорит о том, что в конце XVI в. существовала еще только зачаточная стадия развития элементов аканья в новгородском диалекте.

2.1.2. Второй предупредный слог. И здесь при правильном употреблении букв **а** и **о** имеются написания, указывающие на оканье (см. выше): *на ростегая* (прозвище) К1–71, *олексти* К4–137 об., *за оформтъико^н* К4–113, *огрофъна* К4–54 и многие другие случаи с **о** в греческих по происхождению именах, хотя есть и, например, *але^ссте^н* К1–3, *на ... але^сиева снѣ* К4–20, что может быть объяснено влиянием книжной орфографии. Кроме того, отметим следующие примеры: *на^огоро^нца* (В. п.) К1–89, *наугоро^оца* (В. п.) К4–146 об., *о^н намтъстнѣка наугоро^оцково* К4–146 об., *на^огоро^нкими де^нгами* К4–160 об., *для наугоро^нки^х намтъстнико^о* К4–202 об. Но эти написания непоказательны, поскольку подобные орфограммы уже давно были обнаружены в памятниках письменности северного происхождения, не отражающих аканья, см. [Владимиров 1878: 13]. В.В. Виноградов отнес их к фактам, обусловленным влиянием южновеликорусского фонетического строя на северновеликорусский [Виноградов 1923: 348–349], тогда как А.А. Шахматов объяснил это явление изменением «дифтонга *ow* в *aw* в древних севернорусских говорах в словах *новгородець, новгородский*» [Шахматов 1903: 198].

И, наконец, есть еще один случай написания **а** вместо **о** во втором предупредном слоге: *акътября* (Р. п.) К4–14 об. По-видимому, его можно объяснить межслоговой ассимиляцией гласных (см. выше, 2.1.1.).

Таким образом, во втором предупредном слоге еще не развилось неполное оканье, которое довольно широко представлено в современных новгородских говорах, хотя и не везде [ДАРЯ I, карты 9, 11].

2.1.3. Заударные слоги. Здесь также нет указаний на развитие неполного оканья, которое сейчас присутствует во многих новгородских говорах, например на большой территории к востоку от озера Ильмень (впрочем, часто в сосуществовании с полным оканьем в заударных слогах) [ДАРЯ I, карты 17, 18, 19], поскольку все имеющиеся в рукописи примеры замены **о** на **а** могут быть так или иначе объяснены.

1) *тиха^н* (2 р.) К1–62 об., 63, *у тихана* К4–156, *тиха^нко* К1–65, *симанова* (Р. п.) К4–8, *сима^нка* (В. п.) К4–121, *симанова* (Р. п.) К4–8, *конано^о снѣ* К4–114 – характерная еще для древненовгородского диалекта замена *о* на *а* внутри христианских имен (см. выше, 2.1.1.).

2) *апостала* (Р. п.) К4–6 – описка (предупреждение буквы следующего слога) или межслоговая ассимиляция гласных.

2.2. Позиция после парных по твердости / мягкости согласных, шипящих и [ц]

Материал ЗК, который демонстрирует особенности безударного вокализма после мягких согласных (в том числе – исконно мягких), не слишком разнообразен, но определенные выводы о реализации гласных фонем в этой позиции сделать можно.

2.2.1. Первый предупредный слог. Начнем с рефлексии ***е**. В ЗК отражаются результаты перехода [е] в [ʲо] перед твердым согласным: *жона^н* К1–16 об., 21, 29, 54, 57, *жо^нтухи^н* К1–32 об., 33, 98, *жо^нтухина* (В. п.) К1–22 об., *жо^нтухина* (Р. п.) К1–23 об., *у ... жо^нтухина* К1–22 об., 23, *ув ... жо^нтухина* К1–23, 23 об., *жоркова* (Р. п., фамилия) К4–170. Это стабильная черта новгородского диалекта на протяжении многих веков: подобные примеры есть в берестяных грамотах (например, *цого* № 68 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.), см подробнее: [Зализняк 2004: 69–70]), фиксируется предупредное ёканье и в современных новгородских говорах [ДАРЯ I, карты 3, 4]. Перед мягким согласным отмечена реализация ***е** в [и]: *тича^н* К4–139 об. Кроме того, есть гиперкорректные написания с заменой **и** на **е**: *на и^нену до^н* К4–8, *на ... и^нена снѣ* К4–25 об. Возможно, звук [и] встречался и перед твердыми согласными, поскольку сейчас к востоку от Новгорода такая рефлексия представлена как перед мягкими согласными, так и перед твердыми (в последнем случае в сосуществовании с [е] и [о]) [ДАРЯ I, карты 3, 4]. Диалектологические материалы конца XIX – начала XX в. также свидетельствуют об этом явлении: в упомянутом выше

с. Спасо-Пископицы, расположенном в 18 верстах от Новгорода, записано *чило, сило, нису, тиро, систра, рибро, висна* и т. д. [Шахматов 1896: 24]; о наличии такого произношения в значительной части Новгородского уезда, писал В.Ф. Соловьев, приводивший примеры *висло, грибу, виду* наряду с *Олѣксе'й, понѣсу', почѣса'лся* [Соловьев 1904: 4].

Есть данные, указывающие на то, что *ѣ реализовался перед твердыми и перед мягкими согласными в [и]: *нецвитае^с* К4–7, *поди^тли* К1–3 об., *диловую запи^с* К1–3 об., *на и^х дитеи* К1–101 об. Подтверждают это и гиперкорректные написания: *тѣмошка* К4–215 об., *крѣво^т* (прозвище) К4–167, *крѣвои* К1–108, *крѣво^о* (Р. п.) К4–166, *за кѣрилова снѣ* К1–97 об., *Фѣли^т* К1–99, *мѣха^ткѣ* (Р. п.) К1–101 об., *мѣхаилова* (Р. п.) К1–104 об. Произношение [и] на месте *ѣ сохраняется в новгородских говорах и сейчас. Материалы ДАРЯ показывают, что вокруг Новгорода и северной оконечности озера Ильмень перед твердыми согласными представлено произношение [и] в сосуществовании с [е]. К востоку от Новгорода в этой позиции звучит исключительно [и], а к югу и востоку от озера Ильмень – преимущественно [е]. Перед мягкими согласными вокруг Новгорода произносится в основном [и], хотя бывает и [е] [ДАРЯ I, карта 5].

В рукописи отмечены единичные написания, свидетельствующие о реализации <a> в звуке [е]: *печа^т воценая* К1–2, 104, К4–134, *печа^т доценая* К4–21 об. Скорее всего, такая реализация была спорадической. Это подтверждается данными современной лингвистической географии: в окрестностях Новгорода и озера Ильмень и перед твердыми, и перед мягкими согласными на месте <a> звучит [а], но к северо-западу от Новгорода возможно и [е] [ДАРЯ I, карта 7].

2.2.3. Заударные слоги. Материала для второго и других предударных слогов в ЗК практически не обнаружено¹, а для заударных слогов его довольно много.

В неконечных заударных слогах активно отражается реализация *е в [о]:

а) перед твердыми согласными: *рожество^оскои дьячо^х* К1–13, *пригѣжово* (Р. п.) 119, *а^рцыбашову* (Д. п.) К4–117, у... *а^рцыбашова* К4–117, *о^т... беклемишова* К4–124 об., *малышову* (Д. п.) К4–4 об., *бра^тцова* (Р. п.) К4–31, *вышесла^оцовы* (И. мн.) К1–3 об., у *вышеславцова* К1–25, *вышесла^оцова* (Р. п.) К1–24, 26, 26 об., 100 об., *вышесла^оцовы^х* К1–27, *вышесла^оцовы^т* К1–27, *карцова* (Р. п.) К1–10 об., *новгоро^оцова* (Р. п.) К4–115, *о^т новоси^тцова* К4–46 об., *соловцова* (Р. п.) К4–107 и т. д.

б) перед мягкими согласными (аналогическое изменение [е] в [’о]): с *а^нницюю* К1–24, К4–149 об., з *домницюю* К1–57 об., *дуницюю* К1–37 об., с *ма^рницюю* К1–24, К4–6 об., 69 об., с *ога^фницюю* К1–67 об., за... *племя^тницюю* К1–67 об., 68 и т. д.

Есть отражение реализации *е в [а]: надежный пример замены е на я у... *ма^тфѣява снѣ* К1–60 и, скорее, непоказательный пример *имяни* (Р. п.) К4–66, 147, так как он может быть обусловлен орфографической аналогией с формой *имя*. Судя по многочисленным заменам и на е, которые явно носят гиперкорректный характер, в заударных слогах, и, видимо, в том числе в неконечных, *е реализовалось также в [и]. Ср. некоторые примеры: *про^овеще* К1–14, 14 об., 16, и т. д. (часто), *лукирьѣца* К4–183, *офроси^еѣца* К4–183, *ховро^еѣца* К4–183, *о^т намистнека* К4–138, *о^т намѣстнека* К4–198 об., *по^оле^нная* К4–24 и т. д. Наличие реализации *е – как [а] и как [и] подтверждается тем, что оно встречается в современных говорах в окрестностях Новгорода и озера Ильмень [ДАРЯ I, карты 21, 22].

В конце XVI в. на месте <a> мог выступать хотя бы спорадически звук [е], о чем говорят написания *в памети* К4–16 об., *в наме^т* К1–19, *памети* (Р. п.) К1–20, *ро^осто^т се^рѣнея* К1–129 об., во всяком случае такое произношение известно сейчас в небольшом ареале к северо-востоку от Новгорода [ДАРЯ I, карта 24].

¹ Имеются упомянутые выше (1.2.) написания *за полоненика* К1–125 об., *полоненика* (В. п.) К4–121, где ударение, скорее всего, было на окончании, так что они могут свидетельствовать о реализации <a> в [е] во втором предударном слоге.

В конечных закрытых заударных слогах есть ряд примеров, свидетельствующих о реализации *е в [о]: *малышо*⁶ К4–4 об., *гнѣвашо*⁶ снѣ К4–111, *замужомъ* К1–100, *замужо*^н К4–2, 107, 113, 124 об., 125, 130 об. и др., *ка^пцо*⁶ К4–145, *с о^та^нцомъ* К1–108, *со младенцо*^н К4–96 об., *со младе^нцо*^н К4–123, *с а^нницой* К1–24 об. Но есть и случай отражения произношения [и]: *пиминѣ*^н (имя *Пименец* / *Пиминец*) К4–154 об.

Имеются также примеры, говорящие о том, что на месте <a> бывал звук [е] *наме*^н К1–19, 20, К4–16 об., 17, *зае*^н К4–171.

Замен Ъ на и в неконечных и конечных закрытых слогах не обнаружено, однако наличие таких замен в конечных открытых слогах (см. ниже) и большое количество гиперкорректных замен и на Ъ (например: *намѣстнѣка* (Р. п.) К4–195, *о^н намѣстнѣка* К4–138, 139, 139 об., 140, 141 и т. д., *намѣстнѣко*⁶ (Р. п.) К4–151, *намѣстнѣ//чи*^х (Р. п.) К4–151//151 об., *про^вѣще* К1–97, 101, *про^вѣше* К1–98, *домнѣца* К4–147 об., *на домнѣцы* К4–148, *феклѣца* К1–101 об., *на фе^лѣцу* К1–101 об. и т. д.) позволяет предположить, что [и] мог произноситься на месте *ѣ и в неконечных и конечных закрытых слогах. В ДАРЯ рефлексам *ѣ в заударных слогах посвящена лишь одна карта №23 «Различение или совпадение гласных на месте е (из *е и *ь) и *ѣ в заударном неконечном слоге перед твердыми согласными», и ее данные подтверждают возможность реконструируемой для конца XVI в. ситуации.

В конечных открытых заударных слогах, так же как и в других типах слогов, присутствуют примеры реализации *е в [о]: *фишо* (имя) К4–152 *прозвищо* К1–93 об., К4–105 об., *про^вищо* К4–10 об., 16, 17, 21 об. и т. д. (очень часто), *про^вишио* К1–2 об., К4–7 об., 9 об., 152 об., *о^н жо* К4–109, *то^с жо* (Р. п.) К1–69 об., К1–70 (3 р.), *у не^с жо* К1–70, *за е^с жо чл⁶ко^н* К1–27 об. Кроме того, есть ряд примеров, на основании которых допустимо заключить, что в этой позиции мог звучать и [а]. Речь идет об окончании им.-вин. пад. мн. ч. прилагательных (в том числе субстантивированных) *-ые*, которое в 1-м почерке К4 часто выглядит как *-ыя* (наряду с *-ые*): *тѣ даныя* (И. п.) К4–9, 19 об., 24, *три служилыя кабалы* (В. п.) К4–4 об., 9, 17, 28 об., *две служилыя кабалы* (В. п.) К4–10 об., 27, *двѣ служилыя кабалы* (В. п.) К4–19 об., <дал / дали> *в приданыя* К4–6 об., 13, 16 об., 30 об., *дворцовыя кр^стяне* К4–16. Изредка такое окончание встречается в род. пад. жен. р., где конечным гласным исконно был *-ѣ*: *списо^к ... с о^тпускныя* К4–24, *у докла^дныя* К4–21 об., *на ... полоня^нку ливо^нския зе^нли* К4–19¹.

Что же касается реализации *ѣ, то есть ряд примеров с и в местн. пад. ед. ч. *ѣ-склонения (в *холоп^стви* К1–101, *а⁶ холо^нстви* К1–102, 111 об., 114 об., *на стули* (и исправлено из Ъ), К1–103 об., *по ... холопи* К4–142 об.) и много случаев написания частицы «дѣ» как *ди*, свидетельствующих о том, что в конечном открытом слоге произносился гласный [и]: *жена^н ди бы^н* К1–114 об., *у ва^ски ди* К1–101, *его ди* К4–5 об., *у не^с ди* К4–1 об., 23, *а до^ч ди* К4–5 об., *в холо^нстве ди* К4–2 об., 10, *догонили ди* К4–6, *делилися ди* К4–16 об., *детей ди* (Р. п.) К4–13 об., *соби^нка ди* К4–6 об., *фадеика ди* К4–23, *то^н ди* К4–6, *та ди* К4–12 об., 16 об., 18 об., 19 об. и т. д. Имеется и немало гиперкорректных написаний: *тѣ двѣкѣ* К1–93 об., *двѣ ди⁶кѣ* К1–98, *три двѣкѣ* К4–187, *крѣпостѣ* (И. мн.) К4–207, *дѣтѣ* К4–161 об., 167, *дитѣ* К1–97 об., 99, *привязаны на нитѣ* К4–193, *на ... дочерѣ* К4–214 об., *послусѣ* (И. мн.) К1–96, *занялѣ* К1–96 об. и т. д.

Отдельно следует привести написания с и на месте Ъ в Д.-М. пад. *ѣ-склонения: *к записки* К1–94, К4–11 об., 16 об., 20 об., и др. (часто), *по ... воли* К4–160 об., 199 об., 204 об. и т. д. Эти формы могут быть морфологически обусловлены, поскольку в соответствующих падежах встречается ударное окончание [ы]: *да^н своей сестры* К1–125, *в кабалы* К1–1, 5 об., 35 об., и др. (регулярно), *на другои жены* К1–114 об.

¹ Поскольку ЗК практически свободна от книжных особенностей, вряд ли тут стоит предполагать церковнославянское окончание.

3. КОНСОНАНТИЗМ

3.1. ГУБНЫЕ СПИРАНТЫ

3.1.1. Фонема <в> и ее позиционные варианты

В ЗК отражаются противоположные данные относительно позиционного поведения фонемы <в>.

С одной стороны, есть написания, недвусмысленно свидетельствующие о том, что <в> в середине и начале фонетического слова перед глухим согласным оглушалось в [ф]: в имени Второй: у *фторого* К1–96, 96 об. (2 р.), у *фторо^о* К1–97 (2 р.), *фторому* К1–97 об.; в порядковом числительном *второй*: *лѣта з сто фтораго* К1–97. Все эти орфограммы встречены в 5-м почерке К1. И есть одно написание, отразившее позиционное [ф] в середине слова: *витофтова* (Р. п.) К4–121 об. (3-й почерк К4). Это производное от русского варианта литовского имени *Vytautas* – *Витовт*. Подобные случаи отмечаются и в других новгородских деловых текстах конца XVI – первой половины XVII в. [Галинская 2002: 28].

С другой стороны, имеется материал, столь же надежно свидетельствующий о реализации <в> в середине слова в [ǰ] или [w]: *маурица* К4–212 об., *маурицу* К4–212, с *маурицею* К4–204 (4-й почерк К4). Это имя *Маврица*, поскольку именно так названа в этой же записи женщина, о которой идет речь: *маврица* К4–212 об., *ма^орица* К4–213. На произношение [ǰ] или [w] указывает и пропуск **в** в середине фонетического слова у того же писца: *не спомня^м* К4–147. Есть подобные написания и у других писцов: *а холо^нстве де у ни^х ро^длися* К1–2 (1-й почерк К1), *да кабалѣ ж написано* К4–10 об. (1-й почерк К4), *и кабала^х написано* К1–106 об. (5-й почерк К1, тот же, где встречены случаи у *фторого*, *фторому* и др.). В начале фонетического слова в 5-м почерке К1 пропуск **в** тоже отмечен: *кабала ... на якуша васи^нева тре^х рубле^х* К1–105 об. Есть такой пример и у 1-го писца К4: *гонялися за тѣми е^о бѣ^о//лыми лю^оми погоню* К4–6 об.//6.

Практически все писцы употребляют букву **у** в словах «новгородец» «новгородский», например: *ноугоро^оцу* К1–9 об., *за ноугоро^оца* К1–103 об., *у ноугоро^оца* К1–75 об., *ноугоро^оца* (В. п.) К1–46 об., 123, К4–38 об., 87 и т. д. (часто), *ноугоро^оца^н* (Д. мн.) К1–24, *ноугоро^оцкои* (И. п.) К1–97 об., *ноугоро^оцкои* (И. п.) К1–110, *нао^огоро^оцко^о* (И. п., sic) К4–21 об., *ноугоро^оцко^о* (Р. п.) К1–41, *ноугоро^оцкую* К1–2 об., *ноугоро^оцкие* К4–38 об., 66 об., *ноугоро^оцкихъ* К4–61 об. и т. д. Одно такое написание отмечено в другом производном от «Новгород»: *жену ноугоро^омку* К4–84. Впрочем, написание слов «новгородец», «новгородский» с буквой **у** фиксируется исследователями во многих рукописных источниках разной локализации, см. [Галинская 2002: 29]. Примечательно, что произношение *ноугоро^оцкой* отмечено в говорах пограничных районов Крестецкого и Тихвинского уездов Новгородской губернии, где в конце XIX в. господствовало [в] губно-зубное [Соболевский 1897: 35]. А.А. Гиппиус предположил, что в позднедревнерусский период в говорах, которые развили [в] губно-зубное, билабиальное [w] могло сохраняться как раз в словах «новгородец», «новгородский» [Гиппиус 1996: 164–165]. Но возможно и другое объяснение: произношение в древненовгородском говоре билабиального [w] или [ǰ] в середине фонетического слова отразилось в правописании этих слов в памятниках новгородской письменности и далее закрепилось в орфографии, после чего написания типа *ноугородецъ*, *ноугородскии* могли распространиться и на тексты, создававшиеся на других территориях, даже если писавшие их произносили в этих словах [в].

Замена **в** на **у** наблюдается и в некоторых именах греческого происхождения: *на еу^нла* К4–7, *еу^нлову до^ч* К1–89 об., *еуплова сѣа* (Р. п.) К4–12 об., *еуфимка* (В. п.) К4–102, *на елеуфе^ря* К4–40, *на ... елиустр^амева сѣа* К4–33 об. (в последнем случае произошла контаминация имени Евстратий с развившимся из него на русской почве именем Елистрат).

Но традиционные написания имен собственных иноязычного происхождения с *у* в соответствии с этимологией непоказательны для рассмотрения вопроса о реализациях фонемы <в> [Черных 1953: 229, Хабургаев 1967: 182 (сноска 8), Сумникова 1960: 163].

Итак, ЗК отражает два вида рефлексации <в> в слабых позициях, причем разнородный материал встречен в почерке одного и того же писца. Допустимо предположить, что позиционное [ф] в конце XVI в. еще только начинало входить в новгородский диалект.

3.1.2. Предлог *ув*

Предлога *ув* в соответствии с предлогами *у* и *в* в современном новгородском диалекте нет, сейчас он распространен в говорах западной части южного наречия и на юге Псковской группы [ДАРЯ I, карта 59]. Появился он в древнерусском языке в результате произношения [у] полного образования в соответствии с [в] в начале фонетического слова [Соболевский 1907: 123; Шахматов 1915: 290–291; Образование... 1970: 37]. А поскольку чередование [в] и [у] становится возможным в такой системе, где звонкий губной спирант имеет билабиальный характер, см. [Образование... 1970: 35], генетически предлог *ув* связан с [w] губно-губным, поэтому неудивительно, что этот предлог отражается в новгородских берестяных грамотах XIV в. (*оув ыванка* № 102, *оув ыванова*, *оув ыкъвка* № 521). Как показывает ЗК, в конце XVI в. он был в новгородском диалекте еще вполне распространен: в рукописи встречено немало случаев употребления предлога *ув* перед гласными – в основном перед [о], причем при разнообразных знаменательных словах, но в одном случае – перед [а] заимствованного имени: *ув отца* К4–229, *ув о^мца* К1–41 об. (2 р.), 42 об., 43, 43 об. (2 р.), 90 об., К4–199 (2 р.), 222 об., *ув о^мписе* К1–33, *ув отписи* К1–33, *ув обию^х* К4–212 об., *ув обо^нянинова* К4–169, *ув о^одо^ми* К1–17 об., *ув оди^цова* К4–229 об., *ув ододурова* К4–158, 221, *ув озжогина* К4–159, *ув оле^ссия* К4–28 об., К4–229 об., *ув оле^сствя* К4–229 об., *ув олекствика* К1–89 об., *ув о^одръга* К1–117, 123 об., 125 об., К4–6 об., 17, 17 об., 18, 18 об., 188 об., 189 (2 р.), *ув о^одръева* <человека> К1–117 об. (2 р.), 118, *ув о^одръевы дочери* К4–152, *ув о^одръяна* К4–17 об., 184 об., *ув ори^ики* К1–57, *ув оста^ики* К4–204, *ув осипа* К1–133, *ув офона^ся* К4–105, *ув а^хмета* К1–23, К1–23 об. В дальнейшем предлог *ув* из новгородских говоров исчез.

3.1.3. Эпентетическое и протетическое [в]

В ЗК отмечено много написаний, отражающих появление эпентетического [в] в интервокальном положении в заимствованных именах собственных и их производных. Обилие этих написаний обусловлено жанровой принадлежностью ЗК, в которой постоянно перечисляются холопы и их владельцы. Приведу лишь небольшую часть имеющегося материала: *лариво^и* К1–63, *лари^оона* К1–15, *ларивонова* (Р. п.) К1–65 об., К4–33 об., *за ларивонова с^на* К4–39, *за ла^иво^ика* К1–125 об., *с лариво^ико^и* К1–60 об., *с лариво^ико^и* К4–14 об., *лево^итии* К1–57, *на ле^онття* К1–53 об., *лево^итъя* (В. п.) К4–36 об., *лево^итъе^о* К4–5, *лево^итеева с^на* К1–37, *у лево^итеевы^х детеи* К1–35 об., *лево^итъеву до^и* К4–13, *лево^ите^ика* (Р. п.) К4–53 об., *лево^ика* К4–101, *левонова с^на* (В. п.) К4–162, *на лево^итика* К1–117, 118 об., *родиво^и* К1–24 об., *родивоно^о* К1–62, *на ... родивонова с^на* К4–38, *на ... родивонову до^и* К4–18, *родиво^ико* К1–24 об. и т. д.

Отсутствие эпентетического [в] в этих именах и их производных крайне редко, например: *на лео^ите^ика* К4–58, *у лео^итика* К1–117.

Протетическое [в] регулярно отражается в слове «восьмичее» / «восьмичее», например: *восмичее* К1–20 об., *восмичее* К4–149 об., *восм^гчее* К1–24 об. (ср.: *осмичее* К4–146, *осмчее* К4–147). Это уже явление лексикализованное, не свидетельствующее о специфике новгородского диалекта, равно как и слово «вопчий» (например, *вопчая* К4–208 об.), часто встречающееся в памятниках письменности.

3.1.4. Замены фонемы <ф>

Новгородские берестяные грамоты отражают изредка замену [ф] на [х], являющуюся проявлением адаптации иноязычных имен с чуждыми для древнерусского языка фонемами, см. [Зализняк 2004: 92]. Имена с такой заменой отразились и в ЗК: *астахъика* (Р. п.) К4–50 об., 51, *астахъя* (Р. п.) К4–48 об., *хо^оро^иица* К4–137, *ховро^иица* К4–111 об., *на ... хо^оро^иицу* К4–111 об., К4–143, *с хо^орон^иицею* К1–3 об., *с хо^оро^иицею* 8 об., *з доче^ю с ховро^окою* К1–19, *на хо^оро^оку* К1–25, *ховро^я* К1–25 об., *с ховро^оею* К4–46 об., *ховро^иицу* К4–95 об. Возможно, сюда же относится прозвище *хутко* К4–50 об.

Есть и случаи обратной, гиперкорректной, замены *х* и *хв* на *ф*: *футыня мн^истрия* К4–57 об., *пафо^оева* (Р. п.) К4–12 об., *е^фтифъико* К4–121, *на ... тифи^ица* К4–7 об.

3.2. Заднеязычные согласные

В древненовгородском диалекте палатализованные заднеязычные согласные были отдельными фонемами, поскольку противопоставлялись слоги [к'и] – [кы], [г'и] – [гы], [х'и] – [хы] в связи с отсутствием свистящих эффектов II палатализации и имелись сочетания [к'ю] и [г'ю], например, у *Кюриле* № 220, *кюри^ескаа* (прил. *кюр^яж^ьскыи*) № 248, *Гюргю* (Д. п.) № 366, *къ Гюратъ* № 907.

В конце XVI в., как показывает материал ЗК, сочетание [к'ю] еще могло sporadически сохраняться: *кюр^юма* (Р. п., имя собственное) К1–98, *на окюлинку* К4–226 об., *ди^ока мала^иица про^овище докюня* К1–98 (ср. там же: *игнатову до^о про^овище докюню* К1–98).

В древненовгородском диалекте долго присутствовали сочетания [кы], [гы], [хы]. Как пишет А.А. Зализняк, «материал берестяных грамот указывает на то, что переход *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* начинается в др.-новг. диалекте практически лишь с XIV в. Между тем в южнорусском диалекте он начался не позднее XII в.» [Зализняк 2004: 91]. Судя по всему, остаточные случаи произношения [кы], [гы] сохранялись и позже. Ср. пример из ЗК: *за мики^икою васи^иевы^и сн^ом соли^ицыкы^и* К4–19 об. Они отмечаются также в челобитных грамотах новгородского происхождения первой половины XVII в. (*немецкыи* (И. мн.), *выслугы* (Р. ед.), см. [Галинская 2002: 33]).

ЗК отражает переходное смягчение [к'], хотя и лексически ограниченное: *лун^ияно* К4–66 об., *лун^иянова до^о* К4–66 об., *лун^иянова сн^а* (В. п.) К4–141. Впрочем, имя Лукьян – заимствованное (из греч. Λουκιάνοϛ), а судя по наблюдению А.А. Шахматова, *к'* языка-источника в собственных именах на русской почве часто переходило в *т'* [Шахматов 1886: 169; Шахматов 1915: 194].

3.3. Качество <ш> и <ж>

Во 2-м почерке К1 в больших количествах встречаются буквенные сочетания *шы*, *жы*, указывающие на твердость шипящих:

гришы (Р. п.) К1–38, 66, 68 об., *гришыны дѣти* К1–47 об., *з гришыными детми* К1–57 об., *у левушы* К1–51, *левушы* (Д. п.) К1–51 об., *крекшы^и* (фамилия) 32, *крекшына* (Р. п.) К1–32 об., *крекшыну* (Д. п.) 32 об., *левшы^и* (фамилия) К1–13 об., *левшына* (Р. п.) 13 об., *ле^ошына* (Р. п.) К1–14, *у ле^ошына* К1–15, 15 об., *ле^ошыну* (Д. п.) 15 об., *лукашы^и* (фамилия) К1–15 об., 36 об., *лукашына* (Р. п.) К1–15, *ме^ишы^к* 54, 64, 65, *ме^ишыка* (Р. п.) К1–64 об., *ме^ишыка* (В. п.) К1–54, *на ме^ишыка* К1–33, *меншы^ко* К1–64, *шыряя* (Р. п., имя) К1–49, *дружы^ика* К1–42, *домажы^ирову* (Д. п.) К1–64, *жылина* (Р. п., фамилия) К1–51 об., *на пужыну* (прозвище) К1–37 об., *положы^и* К1–10, 13, 13 об., 15 об., 16 об., 17 об., 18 об., 28 об. и др. (часто), *по^ожы^и* К1–9, *положыли* К1–39 об., 56, *положы^и* К1–55 об., *прижы^и* К1–36, *прижыла* К1–35 об., *прижыли* К1–25, 28, 30 об., 34, 38, 38 об., 52 об., 54, *детеи ... прижыти* К1–16 об., *прижыто детеи* К1–33 об., *дете^и ... прижыто* К1–21, *прижыто ... снѣ ... да до^о* К1–53, *служылую каба^л* К1–49, 49 об., 50, 51, *две // служылые каба^л* К1–66 об. // 67, *двѣ служылы^к каба^л* 45 об., *три служылые каба^л* К1–56 об., *восмь служылы^к каба^л* К1–63 об.

Два подобных написания встречены в двух других почерках: *во^смѢ служылыхъ ка-
балъ* К1–103 (5-й писец), *приложы^т* К4–59 об. (2-й писец).

В то же время в других новгородских деловых текстах конца XVI и первой полови-
ны XVII в. обнаруживается сосуществование написаний **жы**, с одной стороны, и **жя**,
жю – с другой, причем написания второго типа, которые указывают на мягкость или
полумягкость шипящих звуков, преобладают [Галинская 2002: 33]. Возможно, в этот
период отверждение шипящих было еще только развивающимся, а не завершившимся
процессом, причем у одних носителей новгородских говоров (например, представите-
лей старшего поколения) могли сохраняться мягкие шипящие, у других – сосущество-
вать мягкие и твердые, у третьих (к числу которых, должно быть, относился 2-й писец
К1) – были уже усвоены твердые шипящие звуки. Подтверждением такой ситуации
могут служить современные новгородские говоры, где наряду с твердыми шипящими
имеются также мягкие и полумягкие, хотя и в небольшом количестве случаев и в огра-
ниченных ареалах распространения [ДАРЯ I, карта 63].

3.4. Долгие шипящие согласные

Во всех почерках, кроме двух (К1, 3-й / К4, 5-й; К1, 5-й), наблюдается взаимная
мена букв **ш** и **щ**, которая свидетельствует о том, что глухой шипящий был долгим, а
не сложным.

ш → **щ**: *ново^сшено^с* (из Новокрещенов) К4–38 об., *новокшоно^с* К4–137 об., 138, 138 об.,
139, 139 об., 140, 142 и т. д., *новокшонова* (Р. п.) К1–1 об., *прозвише* К4–213, *проз^шише*
К1–4 об., 6, 7, 7 об., 98, 108, 111, 111 об., 112 (2 р.), 116 об., 118, 118 об., 137, 140, 167, 169 об.,
214, *про^звишио* К1–2 об., К4–9 об., 152 об., *про^звьшио* К1–98, 101, 111 об., *плоша^онои* 103, *пло-
ша^оно^н* (И. п.) К4–121 об., *плоша^онои* (И. п.) К4–168, *меше^рско^н* К4–122 об., *меше^рскому* К4–
158, *мешер^скому* К4–32, *ме^шерсково* (Р. п.) К4–124 об., 125, *меш^рсково* (Р. п.) К4–125, *рука*
заи^шшикова К4–154 об., 157 об., *рука заимшикова* К4–205 об., *прикашики* К4–150.

ш → **щ**: *щестои* К1–97 об., *ще^ттому* К1–3, *мышцецко^с* (известная княжеская фамилия
Мышецкий) К1–16 об., *пище^н* К1–94 об., *пацко* (имя) К1–101, *о^ндрюцка* К1–101, *за ла-
тыща* К1–125 об., *на мицку* К1–94 об., *ме^нцика* (имя Меньшик, Р. п.) К4–26, 118, *мен-
цика* (В. п.) К4–79 об., *ме^нцику* (Д. п.) К4–118, *за ме^нци^нка* К4–99, *ме^нцо^с* (Р. п.) К4–122.

Отмечается вариативность в фамилии *вокшери^н* К4–148 об., *вокшерина* (Р. п.) К4–
142 // *вокцири^н* К4–142, К1–89.

На долгий, а не сложный характер шипящего однозначно указывает и написание *не
що^с* с *суда* (причастие *съшьвь* вместо *съшьдъ*) К4–124, где буква **щ** обозначает долгий
звук [ш:] или [ш':], получившийся в результате ассимиляции по месту образования.
Что касается его твердости или мягкости, то это зависит от качества <ш>. У 2-го писца
К1, которому, впрочем, принадлежит только одна замена **ш** на **щ** (*мышцецко^с* К1–16 об.),
долгий шипящий был явно твердым, поскольку этот писец регулярно отражает твер-
дость <ш> (см. выше, 3.3.). Что касается других писцов, то был ли у них долгий шипя-
щий мягким или твердым, непонятно.

Возможно, долгое, а не сложное произношение можно усматривать за написаниями
<печатъ> *восшаная* К1–89, *восщаная* К4–142, *вересцаги* (Р. п., имя) К4–138 об., *у верес-
цаги* К4–172, *с плосца^ои* К4–172, *исцею* ‘истца’ К4–195, 203, *насцоки^н* К4–198, *при-
кащики* К1–79 об., *пущи^н* (фамилия) 79 об. Не совсем понятна орфограмма *о^нвьшика*
(В. п.) К4–195 в значении ‘ответчика’.

Показательных отражений долгого звонкого шипящего есть только два: *приг^жсо-
во* (Р. п.) К4–119 и *дро^жжа* (прозвище) К1–48, причем второе написание принадлежит
руке все того же 2-го писца К1, в чьей речи краткие шипящие были очевидно твердыми.
Следовательно, за буквенным сочетанием **жж** в данном слове и у этого писца стоит
произношение [ж:].

3.5. АФФРИКАТЫ

Цоканье, являвшееся яркой фонетической чертой древненовгородского диалекта, с течением времени в новгородских говорах практически нивелировалось: сейчас здесь имеются лишь небольшие разрозненные «островки» неразличения аффрикат [ДАРЯ I, карта 47].

В ЗК отражения цоканья, то есть мены букв **ц** и **ч** не отмечено¹. Это может быть связано с двумя факторами: либо с тем, что цоканье в большей части местных говоров к концу XVI в. нивелировалось, либо с традицией соблюдения правильного употребления букв **ц** и **ч**, характерной для деловых документов XVI–XVII вв. Дело в том, что в текстах, написанных на тех территориях, где неразличение аффрикат сохраняется до сих пор, практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв **ц** и **ч**, см. об этом подробнее, в том числе о возможных причинах такой ситуации, [Галинская 2014].

Поскольку новгородский диалект к концу XVI в. во многом потерял свою специфику, попав после покорения Новгорода в 1478 г. под влияние говоров центра, не исключена возможность того, что ситуация с аффрикатами в этот период уже была схожей с той, которую фиксирует ДАРЯ применительно к говорам XX в., т. е. бóльшая часть носителей диалекта аффрикаты различала. Поэтому имеет смысл предположить, какого качества могли быть <ц> и <ч> в таком случае.

Писцы ЗК регулярно употребляют сочетание **цы**, например: *тамо^жницы* К1–2 об., 24 об., *на а^нницы* К1–41 об., 2, *на до^нницы* К1–41 об., *на ма^рицы* К1–42 *на полагащицы* К4–161, *у офи^ницы* К1–42, *бро^сцы^н* К1–111, *гру^сцынь* К4–50, *у ... курицына* К4–29 об., *о^сцынь* К1–115 об., *ури^нецы^н сн^ь* К1–81, *ре^сницына до^ч* К1–3 об. и т. д. Кроме того, встречено написание *от^ць* К4–85 с отчетливой буквой **ь**. Это свидетельствует от твердом [ц] (в современных новгородских говорах присутствует именно такое произношение [ДАРЯ I, карта 46]).

Что касается <ч>, то о мягкости этой аффрикаты говорят буквенные сочетания **чю** и **чя**, встречающиеся в различных морфологических позициях, в том числе в корнях имен собственных.

чю: *чюдин^ь* К4–65, *чюди^нко* К1–69 об., К4–148, *на ... чючакова* К4–18 об., *чючела* (прозвище) К1–7 об., *чюри^н* К4–23 об., *чю^ркина* (Р. п.) К1–58 об., *на сн^я чюткина* К1–10, *на ... кичюрина* К4–18 об., *кропачю* (прозвище) К4–203, *по ключю* К4–21 об., 62 об., 134, *на ива^нчю* (имя) К4–21, *ива^нчю* К4–36 об., 122 об., *ивановичю* К1–47, К4–53 об., *купчюю* К1–10, 45, 63 об., 64, К4–224, 227 об. и т. д.

чя: *внучята* К4–119 об., *на внучя^н* К4–122, *печя^н* К4–114 об., 118 об., 123 и т. д. (в 3-м почерке К4 часто), *за печя^ню* К4–117 об., 122 об., *печя^нано* К4–118 об., *печя^нана* К4–123, *нечяю* (Д. п.) К4–111, *нечя^нко* К4–117, 135 об., *с нечя^нко^н* К4–132, *купчя* К1–10, *иванчя* (имя) К4–123, *на ... то^нмачя* К4–120, *ивановичя* (Р. п.) К4–117 об., *а^рдасовичя* (Р. п.) К4–117 об., *о^н о^ндр^гевичя* К4–230 и т. д.

Аффриката <ч> в новгородском диалекте в нынешнем его состоянии в основном мягкая, хотя в сосуществовании с таким ее произношением часто звучит [ч] твердое, и есть территории, где [ч] твердое является единственно возможным [ДАРЯ I, карта 45]. Таким образом, отвердение <ч> (пусть и не повсеместное) стало осуществляться в новгородских говорах позднее конца XVI века.

3.6. НЕПОЗИЦИОННАЯ ТВЕРДОСТЬ / МЯГКОСТЬ И ГЛУХОСТЬ / ЗВОНКОСТЬ СОГЛАСНЫХ

В ЗК есть примеры, указывающие на существование в новгородском диалекте конца XVI в. непозиционного отвердения согласных: у *дади и^х* у *данила* К1–43 об., *зэтоу сво-*

¹ Такая же ситуация характерна и для других текстов новгородского происхождения конца XVI – первой половины XVII в., см. [Галинская 2002: 36].

ему К1–95, на ево имя да на брата его ку³мыно К1–115, делили ся ... ме^ж собя ... в луде^х (речь идет о том, что три брата делили между собой людей) К4–16 об., дали в прида-
 нья К4–30 об., скрыпцы^н К4–35 б., скрыпцыну К4–36, хры^н (прозвище) К4–184, хрыпа
 (В. п.) К4–17, у товарыщева г^сдря К1–105 об., 106. Нужно полагать, что это не описки,
 поскольку непозиционное отверждение согласных изредка фиксировалось в новгород-
 ских говорах в конце XIX в. (ср.: *соводни* [Каринский 1898: 96], *Владымир* [Шахматов
 1896: 23]) и спорадически присутствует в них сейчас *гвоздовóй* ‘висящий на гвозде’
 [Новг. обл. сл., вып. 2: 10], *груд* ‘грудь’ [там же: 63]. Отверждение [р'] свидетельству-
 ется «Новгородским областным словарем» в лексемах с корнем *скрип*- и в некоторых
 других словах, например *ковры́га*, *ковры́жка* [Новг. обл. сл., вып. 4: 65].

Обратное явление – непозиционное смягчение твердых согласных – отразилось в
 написании *с ... соломяни^окою* (имя Соломонида) К4–122 об., 123.

Для новгородского диалекта конца XVI в. была характерна, по-видимому, и спора-
 дическая мена глухих и звонких согласных: *ове^ргия* (Р. п.) К4–171 об., (ср. греч. имя
 Αβέρκιος), *за ... волокиду* К4–191 об., которая наблюдается и в современных новгород-
 ских говорах: *бада́г* ‘тросточка, батог’, *бадожók* ‘палка, трость’ [Новг. обл. сл., вып. 1:
 22], *кры́жа* ‘крыша, кровля’ [Новг. обл. сл., вып. 4: 160], *недолу́кий / недолу́гий* ‘неуме-
 лый, непроторенный, неловкий, нерасторопный, медлительный, неуклюжий и т. д.’ [Новг.
 обл. сл., вып. 6: 37–39].

3.7. ПОВЕДЕНИЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ В ПОЗИЦИИ САНДХИ ПЕРЕД <И>

Парные по твердости / мягкости согласные в современном русском литературном
 языке и говорах могут выступать в позиции сандхи перед фонемой <и> в разном виде.
 В русском литературном языке все они представлены в основном варианте (t # i), а в
 севернорусском наречии имеет достаточно широкое распространение другой вид сан-
 дхи (t' # i), см. [Пауфошима 1983: 38]. Есть и такие говоры, где согласные ведут себя
 неодинаково: смягчаются или только губные согласные, или только заднеязычные, или
 же и те и другие, тогда как остальные согласные остаются твердыми, см. [Пауфошима
 1983: 42].

В ЗК отразился следующий вид сандхи: губные и зубные согласные выступают в
 своих основных вариантах перед <и> (материала для заднеязычных нет).

Губные + ы: *би^н чело^н ... в ыва^нке* К1–61, *в ываново ... место* К4–25, 128, *в ываново*
 <пропущено слово *мъсто*> К4–115, *в ы^х детеи мъ<сто>* К4–201 об.

Зубные + ы: *с ывано^н* К4–24 об., 209, *с ыванко^н* К4–190 *с ывашко^н* К1–19, *с ывашкои*
 К1–46, *с ывашко^н* К1–81 об., К4–37, 62, 208 об., *с ыва^шко^н* К4–190 об., *с ывановы^н с^но^н*
 К4–123 об., 151, *с ывановою доче^рю* К1–24, 60, 67 об., 78 об., 131, К4–62, 122 об., 162,
 191, 209 об., *с ыса^чко^н* К4–166, *с ыгнашевою доче^рю* К4–148, *с ыри^шцею* К1–4 об., *с ыри-*
ицею К4–71, *с ыри^шкою* К4–62, *с ыными* К1–43, 43 об., К4–147 (2 р.), 147 об. (2 р.), *из*
ылеме^нского погоста К4–194, *от ывана* К4–85, 85 об., 86.

Здесь интересен пример в *ы^х детеи мъ<сто>* К4–201 об. Он показывает, что местои-
 мение не имело начального [j]. Записи же новгородского диалекта, сделанные в середи-
 не XX в., демонстрируют произношение [жих], [жим]: *у жих* (Мало-Вишерский р-н), *ут*
йих (Вологовский р-н), *с йим* (Мстинский р-н) [Гринкова, Чагишева 1957: 70, 71, 72].

3.8. ПОЗИЦИОННОЕ ОГЛУШЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Свидетельства оглушения звонких согласных перед глухими в тех консонантных со-
 четаниях, которые возникли после падения редуцированных, имеются уже в новгород-
 ских берестяных грамотах начиная с последней трети XIII в., правда, таких случаев не
 очень много [Зализняк 2004: 87]. В ЗК конца XVI в. примеров ассимилятивного оглу-
 шения обнаруживается уже больше.

[б] → [п]: *во^нчая* К4–208 об., *во^нчи* К4–209, *о^нчи^х люди* (В. п.) К1–108, *жере^нцова* (В. п.) К4–22, *на ... ло^нкова* К4–38, *паро^нка* (В. п.) К1–103 об., К4–142.

[д] → [т]: *воло^нка* (имя) К4–144 об., *воцкие¹ пятины* (Р. п.) К1–9, 9 об., *воцкие пя^нны* (Р. п.) К4–72 об., *гру^нцы^н* К4–180 об., *доса^нка* (имя) К1–7, 93 об., *доса^нку* К1–93, *на^горо^нца* (В. п.) К1–89, *у ногоротца* (sic) К4–140 об., *ноугоро^нку* К4–84, *онтони^нку* К1–44, *на ... па^нчерицу* К4–108, *у па^нчерицы* К4–151 об., *по^нписано* К1–84, *фе^нка* К1–2 (2 р.), 81 об. (2 р.), *соломани^нка* К1–93 об., *на солома^нку* К4–8, *соломани^нку* К4–176, *сте^нпани^нка* К4–66 об., 149 об., *фе^нко* К1–83, 121 об., К4–119, *фе^ндко* К4–191 об., *у фе^нка* К4–34, *фетки* (Р. п.) К4–7, *у фе^нки* К1–104 об., 106, К4–33 об., *на фе^нку* К1–106, *на фет^нку* К4–116, *фе^нка* (Р. п.) К4–7 об., 12, *с фе^нкомъ* К1–114 об., *за фе^нкою* К1–79, *феткава с^на* (В. п.) К4–106 об., *за фе^нковымъ с^нмъ* К1–8 об., *фе^нкина де жена* К1–102, *фе^нчи^н* (фамилия) К4–16 об.

[з] → [с]: *гла^сковы дѣти* К1–7 об.

[ж] → [ш]: *ры^нка* (имя) К1–4.

Таким образом, новгородский диалект конца XVI в. относился к числу таких великорусских говоров, в которых позиционное оглушение звонких согласных последовательно осуществилось.

3.9. ДИССИМИЛЯЦИЯ, УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ, МЕТАТЕЗА ПЛАВНЫХ

Рукопись отражает диссимилиацию по способу образования [кт] → [хт]: *за полуе^хта* К1–2 об., *на полухта* К4–162 об., *полуе^хтова с^на* (Р. п.) К1–25, *полуе^хтко* К1–60 (греч. Πολύευκτος), *хто* К1–104, К4–191 об., 193, 198.

При этом сочетание [кк] диссимилиации не подверглось: *прозвище мя^ккои* К4–212.

Межслоговая диссимилиация губных согласных отмечена в следующем случае: *с^нь ему пе^рвои на слободу* К1–39 об. (ср., впрочем, в том же 2-м почерке К1: *на свободу* К1–52, *освободили* К1–62, *освободити* К1–62).

Примеров упрощения групп согласных встречено немного, вероятно, из-за определенной ограниченности лексического состава ЗК.

[с'т'н'] → [с'н']: *нам^тсника* (Р. п.) К1–24 об., 46, *о^н нам^тсника* К1–46 об., *по^сни^к* К1–36 об., 111, К4–33, 106 об., *посника* (Р. п.) К4–18 об., *пере^р по^снико^н* К4–133 об., 137, *пере^р по^сникомъ* К4–132 об., 134, 135, 135 об. и др.

[жск] → [шск] → [ск]: *водоские волости* (Р. п.) К1–28.

[скв] → [св]: *на оле^ксика про^звицо сво^рца* К4–26.

[лнц] → [нц]: *сонцова* (Р. п.) К4–75.

[бв'] → [б']: *обини^н* (= обвинули) К4–118.

Отмечено упрощение группы [вл'] в конце слова, преодолевающее неоптимальную для русского языка структуру финали закрытого конечного слога: *про^звище жура^с* К1–123 об.

Примером выпадения сонанта, оказавшегося после падения редуцированных в интерконсонантной позиции, является фамилия Новокшенов, примеры которой приводились выше в связи с отражением других фонетических явлений (*новокшено^с* К4–139, 141 и др., *новокшенова* (Р. п.) К1–32, *новокшенову* (Д. п.) К4–193, 194 об. и т. д.). Здесь интересно поведение сочетаний структуры TRЪT. В русском языке, как известно, в этих сочетаниях редуцированный прояснился вне зависимости от того, был он слабым или сильным. В том числе в древненовгородском диалекте наличие гласного после плавного было нормой, например, *брони* Новг. бер. гр. № 138 (XIV в.) [Зализняк 2004: 62]. Но в некоторых говорах редуцированный в слабой позиции все же исчезал, получалось труднопроизносимое сочетание, которое упрощалось путем выпадения сонанта. А.А. Зализняк приводит в качестве такого пути развития на северо-западе топоним *Пь-*

¹ Здесь отражается оглушение [д] и последующее слияние [т] и [с] в аффрикату.

сковъ / Псковъ (из Пльсковъ), названия деревень *Хсты*, *Хстечки*, *Хстинино* (из *хръст-*), диалектные слова *водо́кшя*, *водо́кшино* ‘водокрестье’ Пск., Олон., Новг., Твер., а также распространенные по всей великорусской территории *кстить* и *кстины* [Зализняк 2004: 62]. Таким образом, фамилия Новокщенов встает в ряд этих примеров.

И, наконец, в ЗК есть один случай метатезы плавных: *ва^пфромтъевъ снѣ* К4–170 об. (ср.: *ва^пфоломтъева* (Р. п.) К4–170 об.).

Итак, «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» отражает целый ряд разнообразных фонетических особенностей, которые составляют специфику новгородского диалекта конца XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.

Аплатова Е.А. Формы родительного-дательного-местного падежей единственного числа существительных с исторической основой на *-а в памятниках псковской письменности XIV–XVII веков: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2005.

Васильев Л.Л. К истории звука ь в московском говоре в XIV–XVII веках // Известия ОРЯС. 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 177–227.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия: очерки из истории звука ь в севернорусском наречии. Пг., 1923.

Владимиров П.В. Несколько данных для изучения северновеликорусского наречия в XVI и XVII ст. (По рукописям Соловецкой библиотеки). М., 1878.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Галинская Е.А. К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII веков // Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects / Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. P. 330–343.

Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2016.

Галинская Е.А. Грамматическая вариативность в языке новгородской деловой письменности конца XVI века // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 22. М. 2019. С. 379–390.

Галинская Е.А. Грамматические особенности новгородского диалекта конца XVI века // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 2. С. 9–24.

Гиппиус А.А. «Ноугородцы» (Об одной орфографической аномалии в старовеликорусских текстах) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 152–168.

Гринкова Н.П., Чагшиева В.И. Практические занятия по диалектологии. Л., 1957.

Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Демьянов В.Г. Звуковое качество ь по иноязычным показаниям XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 69–79.

Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранный Новгородским Обществом Любителей древности / Обработал Н.Н. Соколов // Русский филологический вестник. 1914. Т. 71. № 1–2. С. 312–333.

Дурново Н.Н. Записки по истории звуков русского языка. Харьков, 1914.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк А.А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.

*«Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву»
1597–1598 гг. как источник сведений о фонетике новгородского диалекта конца XVI века*

Каринский Н.М. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа // Русский филологический вестник. 1898. Т. 40. № 3–4. С. 92–124.

Кузнецов П.С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М.; Л., 1949. С. 5–44.

Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970.

Пауфошима Р.Ф. О произношении гласных второго предударного слога в некоторых русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 25–30.

Пауфошима Р.Ф. Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М., 1983. С. 35–44.

Плешкова Т.Н. Процессы интерференции диалекта и литературного языка // Гуманитарный вектор. 2012. № 4(32). С. 67–71.

Русская историческая библиотека. Т. 17. СПб., 1898.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.

Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соколов А.И. Об языке и правописании в документах XVII века // Русский филологический вестник. 1891. Т. 26. № 3–4. С. 123–137.

Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. Т. 77. № 7. СПб., 1904. С. 1–60.

Сумникова Т.А. Чудовский сборник XVI века: (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 118–176.

Хабургаев Г.А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 204. Вып. 14. М., 1967. С. 167–184.

Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей уложенной книги. М., 1953.

Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886.

Шахматов А.А. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 2. СПб., 1896.

Шахматов А.А. К истории русского языка. О полногласии и других явлениях. СПб., 1903.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

АВТОРЫ

Ананьева Наталия Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Галинская Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Дедова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Чернейко Людмила Олеговна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научное издание

**РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ
Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой

Электронное издание сетевого распространения

Оригинал-макет подготовлен на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Компьютерная верстка *А.М. Егоров*

Макет утвержден 28.02.2023.
Формат 60×90/8. Усл. печ. л. 15,0.
Изд. № 12427.

Издательство Московского университета
119191, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1
стр. 15 (ул. Академика Хохлова, д. 11)

